

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

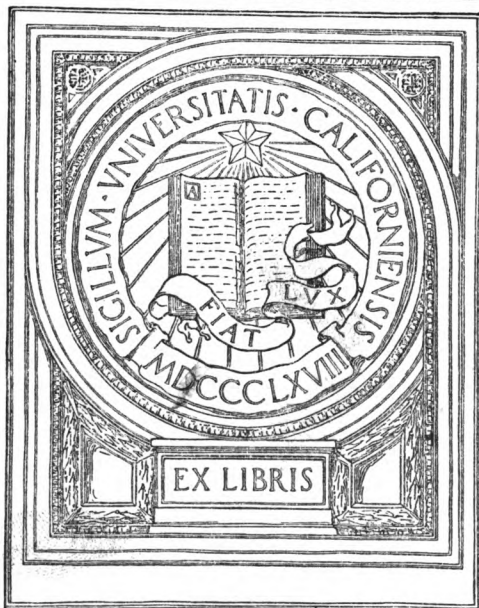
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

GIFT OF
JEROME B. LANDFIELD

EX LIBRIS

Щепкина - Куперник
11-

Т. Щепкина-Куперникъ.

Пис'ма из далека.
ПИСЬМА

ИЗЪ ДАЛЕКА.

ИЗДАНИЕ Д. П. ЕФИМОВА.

Москва, Б. Дмитровка, д. Бахрушиныхъ.

PRESERVATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED

JAN 00 1995

Gift of Jerome B. Landfield.

ПОСТАВЛ. АБОРА ЕТО БЕАНЧЕСТВА Т-ДО СРОПОНЧ. А.А. РЕВЕНЧОНЪ
МОСКВА, ТИФЛИСКАЯ, МАМОНОВСКИЙ РЕП.С.А.

1903.

826
S 379
is

ЛОЗАННА.

PG 3470

I.

S 46 P 57

Per aspera ad astra.

1903

Съ какой бы стороны вы ни подошли къ университету, вамъ все равно придется взбираться безъ конца. Университетъ стоитъ въ верхней части Лозанны (vicille Cité) и со всѣхъ сторонъ ведутъ къ нему или узенькія, вьющіяся въ гору тропинки, или пробитыя въ скаль каменныя лѣстницы. Самая общеупотребительная дорога, — это лѣстница, ведущая къ собору съ Place Palud (маленькой площади, гдѣ на маленькомъ возвышеніи стоитъ маленькая статуя правосудія, у ногъ которой въ базарные дни усаживаются торговки съ фруктами и овощами), она называется — «escalier du Marché». Это крутая лѣстница, около 200 ступеней, крытая. Мѣстами она прерывается и от-

1903

ступаетъ въ сторону, чтобы дать дорогу убѣгающимъ то вправо, то влѣво переулочкамъ. Слѣва до половины ея идетъ рядомъ съ ней террасами улица, рядъ старыхъ, узкихъ, закопченныхъ домовъ; изрѣдка веселой нотой оживляютъ ихъ темно-сѣрые, коричневые фасады съ зелеными ставеньками или повѣшенная у входа клѣтка съ птицей, или балконъ съ увитой дикимъ виноградомъ рѣшеткой, или горшки съ цвѣтами на выступѣ окна. Тутъ журчитъ фонтанъ, къ которому ходятъ хозяйки наполнять кувшины. Выше кончается улица и идетъ каменная стѣна.

Лѣстница вся истерта, пробѣдена временемъ, деревянныя колонки и перила навѣса почернѣли, источены, словно изгрызены; ступени узкія и крутыя; каменный барьеръ мѣстами покрытъ бархатистыми пятнами зеленого мха.

Пройдя четверть дороги, вы должны приостановиться; еще столько же—и вы уже хватаетесь за сердце; выше — вы

едва переводите духъ; наконецъ, дойдя до конца, вы нѣсколько минутъ стоите неподвижно въ состояннн полнѣйшей про-страціи, смотрите на вставшій передъ вами соборъ и думаете: *per aspera ad astra*.

Да, ужъ подниматься здѣсь приходится достаточно. «Funiculaire» пока суще-ствуетъ только въ проектѣ. Извозчики рѣдки, приблизительно какъ бѣлые сло-ны, на 3,000 жителей въ городѣ 30 из-возчиковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, Лозанна пре-красно вымощена, имѣетъ телефоны, электрическое освѣщеніе, электрической tramway и т. д. Но ни «трамомъ», ни из-возчиками нельзя вездѣ пользоваться: лѣстницы и узенькія тропинки въ гору невозможны для проѣзда, объѣзжать же отнимаетъ много времени, поневолѣ идешь пѣшкомъ и поневолѣ простаива-ешь минутъ пять у собора.

Старый соборъ—перлъ романско-готи-ческой архитектуры въ Швейцаріи, воз-

вышается величаво и торжественно, подымаясь къ небу тысячью своихъ стройныхъ колонокъ и съ высоты своей смотритъ на лѣпящуюся и добирающуюся къ нему по горамъ и горушкамъ Лозанну, словно съ легкой грустью, какъ старый дѣдъ на рѣзвыхъ внуковъ.

Такъ и кажется, что онъ вспоминаетъ годы своего величія и минувшую славу,

Онъ начать былъ въ 1000 году, а въ 1275 году торжественно освященъ папой Григоріемъ X въ присутствіи императора Рудольфа Габсбургскаго, семи кардиналовъ, семнадцати епископовъ и т. д. и названъ «Notre-Dame de Lausanne».

Суровый духъ кальвинизма уничтожилъ все, что въ немъ напоминало о красотѣ. Скульптурныя и архитектурныя украшенія были разрушены и только въ послѣдніе годы снаружи соборъ начинаютъ реставрировать; онъ весь въ лѣсахъ; возобновляютъ la grande Rose, лѣпные арабески, колонки.

Внутри же отъ прошлаго остались въ немъ только цвѣтныя vitraux съ изображеніемъ главнѣйшихъ моментовъ исторіи Лозанны, — чудесныя деревянныя рѣзныя stalles XVI вѣка и нѣсколько могилъ, на которыхъ лежатъ рыцари со стертими рукою вѣковъ чертами лица...

Но нѣтъ статуи Мадонны, предмета горячаго поклоненія окрестныхъ пилигримовъ, хотя еще на каменныхъ плитахъ сохранились отпечатки ихъ слѣдовъ. Ея нѣтъ — и въ соборѣ пусто, темно и мрачно.

Если вы хотите взглянуть на Лозанну съ птичьяго полета, позвоните въ дребезжащій колокольчикъ у башни, ведущей неизвѣстно куда. Вы стоите передъ мрачной сѣрой стѣнной колокольни; и вотъ на вашъ звонокъ изъ маленькой дверки, скорѣе расщелины, пробитой въ дикомъ камнѣ, появляется, какъ цвѣтокъ, выросшій на развалинахъ, дѣвушка лѣтъ 16-ти, съ розовыми щеками и румяными губами. Она улыбается вамъ и ведетъ васъ на

верхъ по головокружительной винтовой лѣсенкѣ, то нагибаясь подъ низенькой аркой, то пропадая въ темнотѣ коридорчика, то опять вырисовываясь на голубомъ фонѣ готическаго отверстія въ стѣнѣ. Въ каждомъ этажѣ она указываетъ на колокола, проходя мимо:

— Это—Clemence, онъ звонитъ только во время пожара и во время выборовъ; это — Madeleine, звонитъ въ праздники; этотъ — весь чистаго серебра, звонитъ разъ въ годъ, на Пасхѣ, «elle est trop petite, elle n'a pas de nom», но ему больше пятисотъ лѣтъ.

Наконецъ, вы наверху.

Четыре турельки по угламъ, стройныя, легкія; балюстрада и столько пространства вокругъ средней башенки, что вы можете обойти ее всю кругомъ и увидѣтъ Лозанну, какъ на ладони, съ ея перламутровымъ озеромъ, съ цѣпью Альпъ на горизонтѣ, синеватыхъ, разрисованныхъ бѣлыми штрихами снѣга, съ средневѣко-

выми домами, узкими улицами и высокими шпицами колоколень, молчаливо указывающими на небо.

Гдѣ вы это видѣли?

Вашъ мозгъ начинаетъ напряженно работать, стараясь уловить воспоминаніе, гдѣ вы встрѣчали эти черепичныя кровли неправильной треугольной формы, эти стрѣльчатая башенки, эти кокетливо убранныя фестонами плюща ограды, эти живописныя шалэ... Пойдите... пойдите...

И вотъ въ туманѣ передъ вами вырисовывается сначала лысинка... потомъ добродушная нѣмецкая физиономія, напоминающая печеное яблоко... потомъ клѣтчатый фуляръ на шеѣ и золотыя пуговицы синяго фрака... Ну, конечно, это вашъ гимназическій учитель рисованія, добрый Herr Schulz, а тѣ картинки, которыя разстилаются передъ вашими глазами, онъ приносилъ въ большомъ кожаномъ портфелѣ, и вы неумѣлыми руками сри-

совывали и эти башенки, и эти шпицы, и эти арабески плюща на старомъ кирпичѣ.

И вы улыбаетесь Лозаннѣ, какъ старой знакомой, и вамъ въ отвѣтъ улыбается ярко - голубое небо и розоватое озеро, на которомъ, какъ бѣлая чайки, скользятъ оригинальныя «barques de Leman», лодочки съ двумя парусами, въ видѣ двухъ крыльевъ.

Просторный дворъ, обнесенный чугуновой рѣшеткой на каменномъ фундаментѣ, усыпанъ мелкимъ гравіемъ, шуршащимъ подъ ногами. Старые вязы, поросшіе мхомъ, простираютъ свои узловатыя вѣтви надъ каменными скамьями, словно охраняя и сторожа свои владѣнія.

Старое - старое трехъэтажное зданіе, съ обсыпавшейся кое-гдѣ штукатуркой, покатою черепичной крышей, и длинными, узенькими трубами. Окна маленькія съ рѣшетчатыми зелеными ставнями, а кое-гдѣ круглое «Oeil de boeuf». Посреди

башенка съ острымъ шпирцемъ и круглыми часами, отчетливо и гулко выбивающими въ прозрачномъ осеннемъ воздухѣ каждую четверть часа.

Это—университетъ. Зданіе старо, насчитываетъ десятки десятковъ лѣтъ за собой; но университетъ еще совсѣмъ молодой (прежде это была академія). Онъ только въ этомъ году выдалъ свой первый «bonnet de docteur» (доктора математики), при чемъ пришелся этотъ bonnet на молоденькую головку женщины, датчанки, m-lle Ведель, блистательно защитившей свою диссертацию.

Лѣстницы, ведущія въ аудиторіи, крутыя, винтообразныя, истоптанныя не одной тысячею молодыхъ ногъ; сами аудиторіи тѣсныя и болѣе чѣмъ скромныя. Скамьи идутъ амфитеатромъ. Порыжѣвшія черныя доски попитровъ изрѣзаны и исчерчены надписями не хуже какого-нибудь садоваго стола въ деревенской бесѣдкѣ. Тутъ и цитата изъ Овидія, и

изреченіе изъ Шопенгауэра, и стихи Вольтера, и просто «Julia» — полное смѣшеніе языковъ и полный просторъ воображенія.

На факультетѣ de belles lettres довольно много женщинъ, особенно у Ренара, профессора французской литературы. «Cours de littérature française» Ренара почти единственный, который посѣщаютъ лозанскія барышни. Профессоръ это чувствуетъ, и поэтому говоритъ мягко, выбирая выраженія, избѣгая рискованныхъ цитатъ; цитируя все больше Ламартина или Hugo, не забывая и Боссюэта. Такія имена какъ Zola и т. п. произносятся съ нѣкоторой опаской, а ужъ такія, какъ Huismans или Verlaine вовсе не произносятся. И рѣчь у него мягкая, плавная, вкрадчивая, и черты лица мягкія, тонкія, и сѣдовая бородка аккуратная, изящная. На его лекціяхъ чувствуется духъ интимности, женственности; у окна всегда два стула, занятые супругой его и пожилой

дамой, ея пріятельницей, неразлучными, какъ синтезъ съ анализомъ. Madame Ренаръ женщина довольно интересная и еще молодая; она—писательница, впрочемъ, пишутъ они вдвоемъ съ мужемъ разные швейцарскіе очерки — «Contes noirs et roses» и т. д. Эти дамы слѣдятъ внимательно за рѣчью профессора, а послѣ лекціи обмѣниваются со многими изъ слушательницъ любезными улыбками, поклонами, фразами.

Съ ихъ уходомъ бѣлокурья и темно-волосыя розы Гельвеціи, шурша шелковыми юбочками и щебеча, передаютъ другъ-другу свои невинныя впечатлѣнія: профессоръ Баннаръ пугаетъ ихъ толстыми томами своего старо-французскаго языка, своей немного сухой, но строго-серьезной эрудиціей и дѣльнымъ изложеніемъ фактовъ. Онъ читаетъ средніе вѣка, и если, быть можетъ, недостаточно влюбленъ въ эту таинственную эпоху, когда подъ пламя костровъ, подъ фана-

тическое пѣніе церковныхъ гимновъ, въ поискахъ за философскимъ камнемъ и жизненнымъ эликсиромъ, пробуждалось къ жизни книгопечатаніе, готовилось и зрѣло будущее на окровавленныхъ и пылающихъ развалинахъ прошлаго, если онъ, быть можетъ, не поэтизируетъ эти вѣка, зато дѣльно передаетъ суть и представляетъ слушателямъ выводить свои заключенія.

Философію читаетъ совсѣмъ молодой, но талантливый профессоръ, Milliaud. Онъ еще не можетъ, конечно, замѣнить своего предшественника, умершаго извѣстнаго Секретана, но отъ него ждутъ многого. Не стану пересчитывать всѣхъ, но скажу, что пальма первенства положительно принадлежитъ профессору сѣверной литературы (русской, нѣмецкой и англійской) Мауеру. Это полный, румяный, сѣдой человѣкъ, съ добрымъ, открытымъ лицомъ и юношески живыми глазами.

Нѣкоторые его не долюбиваютъ,—не вслушавшись; у него немного затрудненная дикція, къ которой нужно привыкнутьъ, чтобы свободно слушать его. Но мысль у него сверкаетъ и блещетъ, яркая, образная, и въ его лекціяхъ—живое наслажденіе. Дѣло свое онъ знаетъ великолѣпно; о Бѣлинскомъ, на примѣръ, говоритъ такъ, что дай Богъ хорошему русскому.

Начавъ лекцію, онъ увлекается, и то заговорить о философіи Гегеля, то о романтизмѣ французовъ, то о мифахъ древней Греціи; на видъ можетъ показаться, что мысль разбрасывается, но въ концѣ концовъ всегда у него получается стройное и гармоническое цѣлое, и чувствуешь, что все сказанное имъ было необходимо для полноты впечатлѣнія. Каждая лекція длится $\frac{3}{4}$ часа; между ними $\frac{1}{4}$ часа отдыхъ, и въ эти 15 минутъ весь дворъ наполненъ шумомъ и гамомъ молодыхъ голосовъ, топотомъ молодыхъ

ногъ. Студенты здѣсь всѣ очень рано идутъ въ университетъ, ихъ *écoles supérieures* легче нашихъ гимназій. Все это совсѣмъ юнцы, отъ 18-ти лѣтъ включительно; потому часто слышенъ не только шумъ и хохотъ, но и звонъ разбитыхъ стеколъ, и игра чуть не въ чехарду.

Студенты здѣсь, по заграничному обычаю, дѣлятся на корпораціи; сами себѣ установили форму—черные мундиры съ шитьемъ, бѣлые рейтузы, бѣлыя перчатки съ большими крагами и фантастическія шапочки: зофингенская корпорація (патріотовъ)—бѣлыя съ краснымъ кантомъ, *Lemania* (католическая) красныя, *belles lettres*—плюшевыя зеленыя и т. д.

Гордятся они этими мундирами, какъ дѣти, и надѣваютъ ихъ только въ торжественныхъ случаяхъ, на примѣръ, въ студенческіе праздники.

На дняхъ они устроили въ честь новаго ректора «*cortège aux flambeaux*».

Зрѣлище было оригинальное. По всему городу вечеромъ тянулась, какъ огненная змѣя, процессія студентовъ съ факелами, красноватый отблескъ которыхъ сопровождалъ ихъ, высоко стоя заревомъ надъ ихъ головами. Черезъ плечо у студентовъ повѣшены были туры рога, наполненные цвѣтами; молодежь бравовала, отбивая тактъ, держа факелы съ пестрыми щитками наотмашь, подъ музыку оркестра, съ пѣснями. Обойдя весь городъ, на place Montbenon они устроили костеръ изъ факеловъ и танцевали вокругъ него «piccolo» — національный танецъ.

На темномъ фонѣ ночного неба ярко выдѣлялось зарево дымящагося костра, а пляшущія фигуры казались чѣмъ-то фантастическимъ, особенно въ средне-вѣковой декорации характерныхъ домовъ Лозанны.

Мнѣ почему-то припомнились наши славные, часто голодные студентики,

бѣгающіе за 8 рублей въ мѣсяцъ ежедневно изъ Измайловской роты на Петербургскую сторону или на Васильевскій островъ, въ трескучій морозъ, въ лѣтнихъ, вѣтромъ подбитыхъ пальтишкахъ. Здѣсь молодежь очень жизнерадостна, совершенно не заражена пессимизмомъ. Пессимиста здѣсь, пожалуй, еще труднѣе отыскать, чѣмъ извозчика. Всѣ они такіе сытые, крѣпкіе, здоровые... Если вы видите блѣдное лицо, лихорадочнымъ огнемъ блестящій взглядъ, впалыя щеки, смѣло держите пари, что это не швейцарецъ. Всѣ швейцарцы одарены особымъ отпечаткомъ довольства, покоя и равнодушія. Несомнѣнно, это для нихъ большое счастье, несомнѣнно также и то, что цвѣтушая и трудолюбивая Швейцарія не насчитываетъ ни великихъ поэтовъ, ни вдохновенныхъ живописцевъ, ни гениальныхъ скульпторовъ,—чѣмъ это объяснить, не знаю...

Литература здѣсь въ очень несовер-

шенномъ состояніи, за исключеніемъ немногихъ, Эд. Родъ, напр.; пишутъ все такія вещи, которыя у насъ съ трудомъ бы нашли мѣсто въ «Родникѣ» или «Игрушечкѣ» для старшаго возраста; но незыскательныешвейцарцы довольны своей литературой.

Да, Достоевскій не могъ бы родиться въ Швейцаріи.

Оно кажется немного странно, что эта красивая страна, эта дивная природа такъ мало находятъ отзвукъ въ сердцахъ своихъ дѣтей. Приглядѣлись ли они, что ли, но всѣ они поразительно равнодушны. Много этому способствуетъ и очень регулярный образъ жизни. Здѣсь одинъ человѣкъ живетъ, какъ другой. Въ 7—8 ч. начинаются и лекціи, и занятія, и работа; въ 12 ч. всѣ возвращаются домой; вся Лозанна обѣдаетъ въ половинѣ перваго, ужинаетъ въ 7 и крѣпко спитъ въ 10. И все здѣсь такъ мирно, такъ спокойно. У насъ, на примѣръ, если

мужикъ работаетъ на крышѣ, вы взгляните, у васъ духъ захватить и вы скорѣе уйдете въ сторону. А здѣсь—гуляетъ рабочій по крышѣ, напѣваетъ tyrolienne; самъ онъ не оборванный,—чисто одѣтый; не полупьяный и не истощенный отъ голода; крыша чистая, съ широкими полями. Онъ себѣ переговаривается весело со стоящими внизу... И не знаю почему, но сердце за него не дрожить.

Однако, я отвлекаюсь.

При университетѣ нашемъ находятся музей (историко-этнографическій и ничѣмъ невыдающійся) и публичная библиотека. Библиотека по составу очень недурная, но, если вы хотите ея пользоваться, вамъ необходимо вооружиться большимъ запасомъ времени и не меньшимъ—терпѣнія.

Черезъ какія-то катакомбы вы попадаете въ небольшую *salle de lecture* (книги выдаются и на домъ). За конторкой возсѣдаетъ старичокъ-библиотекарь;

тамъ у него цѣлое хозяйство, какія-то картинки, вазочка съ неизбѣжными хризантемами, футляръ отъ очковъ и т. д. Помогаетъ ему очень свирѣпаго нрава субъектъ, совсѣмъ одѣтый по домашнему, въ туфляхъ, въ рабочей блузѣ сѣраго полотна и шапочкѣ à la Zola.

Вы начинаете съ того, что берете каталогъ, но каталоги тамъ самаго фантастическаго свойства. Ищете вы, положимъ, Тэна.

Логика подсказываетъ вамъ взять каталогъ подъ буквой Т. Не тутъ-то было. Подъ буквой Т скрывается отдѣлъ политической экономіи. Почему—неизвѣстно. Пересмотрѣвъ всѣ каталоги, вы догадываетесь, что критика, по капризу судьбы, помѣщена подъ буквой М, вмѣстѣ съ белетристикой. Прекрасно. Но буква М содержитъ въ себѣ не одну тысячу названій; а названія эти помѣщены абсолютно безъ всякаго порядка,—ни по литерамъ, ни по годамъ, ни по содержанию.

Названія перемѣшаны, какъ будто ребенокъ забавлялся, играя съ ними, и рассыпалъ билетики какъ попало: Маколей рядомъ съ Armand Silvestre, S-te Beuve съ графиней Дашъ, Боссюэть съ Катюль Мендесомъ, Вольтерь съ m-me Сур и т. д.

Пока вы успѣете добраться до Тэна, вы пропустите обѣдъ, опоздаете на лекціи, а тамъ бібліотеку запрутъ. И вотъ хваленая швейцарская аккуратность; впрочемъ, вѣдь это только книги, а не горшки съ молокомъ.

Зданія, принадлежащія университету, разбросаны въ разныхъ мѣстахъ. Медики, на примѣръ, слушаютъ лекціи то въ Ecole de chimie (новомъ и красивомъ зданіи, построенномъ на русскія деньги,—нашъ Рюминъ завѣщаль Лозаннѣ большой капиталъ, на который теперь собираются строить и новый университетъ), то въ Ecole de médecine.

Ecole de médecine—минутахъ въ 15-ти

ходьбы отъ университета. Это чистенькій, красивый домъ, съ разбитымъ передъ нимъ цвѣтникомъ, гдѣ цвѣтутъ роскошныя хризантемы—темно-розовыя, кроваво-красныя, золотыя, фіолетовыя—всѣхъ тоновъ и оттѣнковъ. Великолѣпныя ребятишки, здоровыя, кудрявыя и розовыя (дѣти привратника), играютъ въ цвѣтникѣ, вбѣгаютъ въ секціонную залу, присутствуютъ при аутопсіи и опять возвращаются къ цвѣтамъ. И невольно приходятъ на умъ слова поэта:

... у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять!..

На медицинскихъ курсахъ больше женщинъ, чѣмъ на остальныхъ. Здѣсь относятся къ нимъ далеко не враждебно, какъ во многихъ другихъ университетахъ, а скорѣе вѣжливо, но студенты и студентки держатся особнякомъ. Контингентъ учащихъ дѣвушекъ доволь-

но симпатичный. Попадаютъ старинные типы, съ небрежной прической, неряшливымъ видомъ и подавляющимъ презрѣніемъ ко всему окружающему, но, къ счастью, такихъ все меньше.

Современная дѣвушка начинаетъ понимать, что недостаточно сдѣлаться пародіей на мужчину, чтобы прослыть образованной женщиной; что женственность такъ же необходима трудящейся дѣвушкѣ, какъ солнце въ аудиторіи.

Я знаю здѣсь двухъ учащихся дѣвушекъ, нашихъ соотечественницъ; одна съ Волги, другая съ береговъ Чернаго моря. Обѣ молоденькія, миленькія, балованныя и холеныя въ семьѣ; это не мѣшаетъ имъ не уступать въ работѣ любому здоровому швейцарскому студенту. Вскакиваютъ въ 6 часовъ утра, когда еще не разсвѣло, въ 7¹/₂ уже бѣгутъ въ университетъ; съ 8 до 12 простаиваютъ въ лабораторіи надъ химическими анализами. Прибѣгаютъ домой на-скоро по-

обѣдать и торопятся къ 2 опять на лекціи, такъ до 6; и это каждый день, въ дождь, во время злѣйшей «bise». По вечерамъ переписываютъ лекціи и читаютъ; 10 часовъ ежедневнаго труда—и бодры, звонко смѣются, не забываютъ по дорогѣ купить душистый букетикъ фіалокъ въ 20 сантимовъ и посмотретья въ зеркало.

Интересную картину представляетъ наша мучительная лѣстница въ 12 часовъ.

Шумной гурьбой высыпаютъ студенты изъ университета, разсыпаются въ разныя стороны, большинство сбѣгаетъ по этой лѣстницѣ. Въ каменной оградѣ, о которой выше шла рѣчь, пробита калитка и березовая аллея ведетъ къ Ecole primaire,—тутъ ребяташки съ четырехъ лѣтъ ходятъ въ школу. Въ 12 часовъ и они выбѣгаютъ съ птичьимъ гамомъ и щебетомъ на нашу лѣстницу и, торопясь,

толкая другъ-друга, летять во всѣ свои крохотныя толстыя ножонки.

Гдѣ-то мнѣ случилось видѣть интересную гравюру,—нѣтъ, двѣ—въ pendant одна къ другой. Лѣстница (такая же живописная и старая, какъ эта), и по ней оживленной толпой, со смѣхомъ и весельемъ, бѣгутъ дѣти, юноши, дѣвушки; внизу подписано:

«Какъ быстро бѣгутъ часы радости».

Другая гравюра изображаетъ ту же лѣстницу: по ней медленно, съ поникнувшими головами, идутъ скорбныя, закутанныя въ черное фигуры похоронной процессіи, и подписано:

«Какъ медленно тянутся часы скорби»...

Въ 12 часовъ по нашей лѣстницѣ бѣгутъ часы радости.

И встрѣчаются, весело шумя, на однѣхъ и тѣхъ же ступеняхъ—беззаботное дѣтство и пылкая юность—настоящее и будущее.

II.

Цвѣты Лозанны.

Второй день въ Лозаннѣ бушуетъ буря. Дуетъ «фэнь» и вся природа въ какомъ-то неистовствѣ. По небу быстро несутся свинцовыя тучи; ихъ странныя очертанія приводятъ на память декоративный эффектъ полетавалькириѣвъ Ибсеновскихъ «Сѣверныхъ богатыряхъ». Темно-лиловый туманъ окутываетъ горы и старается спрятать ихъ отъ непогоды. Грозное, изъсѣро-зеленоватое озеро кое-гдѣ прорѣзано блестящими, какъ лезвіе холодной стали, полосами яркаго свѣта, проникающаго откуда-то изъ-за тучъ; сердитыя, бѣлыя волны бьютъ у берега.

У! Какъ завываетъ вѣтеръ въ трубѣ! То съ какимъ-то негодованіемъ шипитъ и свиститъ онъ, разъяренный, въ каждой щели; то утихаетъ и плачетъ, и жалуется;

то поднимается могучей хроматической гаммой и разрастается, как бѣшенная страсть.

Дождь льетъ неудержимый, крупный, какъ слезы бурнаго отчаянія, и колотить въ стекло оконъ, словно хочетъ сдѣлать имъ больно. Ураганъ потрясаетъ домъ до основанія; слышно, какъ хлопають ставни, какъ дребезжатъ оконныя стекла; иногда рѣзко стукнетъ сорвавшаяся черепица. Цѣлый хаосъ мощныхъ звуковъ— буря ждетъ своего Вагнера.

Въ такую погоду хорошо было бы сидѣть вдвоемъ съ какимъ-нибудь очень близкимъ, дорогимъ другомъ у пылающей печки, съ книгой любимаго поэта на колѣняхъ,—и время отъ времени отрываться отъ книги, всѣмъ сознаниемъ чувствуя ласковую близость милаго существа. И даже не говорить, а такъ, скорѣе мечтать о чемъ-то очень нѣжномъ, очень сладкомъ, не совсѣмъ ясномъ; мечтать—вдвоемъ объ одномъ и томъ же.

Но дорогой другъ далеко!.. Швейцарскія игрушечныя печки не грѣютъ, а только насмѣхаются,—единственная книга, которую можно взять въ руки безъ потери времени, это руководство старо-французскаго языка Cledat, а кромѣ того, бьютъ часы, и надо торопиться на лекціи.

На улицахъ, несмотря на ливень, движеніе не прекращается; если бы въ Лозаннѣ не выходить во время дождя, то добрыхъ $\frac{3}{4}$ всего времени пришлось бы сидѣть дома. Зато всѣ закутаны въ непромокаемые плащи и пелерины съ капюшонами, съ трудомъ позволяющія различить мужчину отъ женщины. Дѣтишки имѣютъ совсѣмъ видъ карликовъ изъ сказокъ Гримма, въ своихъ поднятыхъ на голову остроконечныхъ колпачкахъ и круглыхъ пелеринкахъ.

«Трамваи» переполнены. По улицамъ бѣгутъ зонтики, встрѣчаются, сталкиваются, храбро спѣшатъ дальше по невообразимой грязи, сдѣлавшей бы честь

какому-нибудь нашему Вышнему-Волочку. (Впрочемъ, по колѣна не утонешь, и настоящіе лозанцы ухитряются ходить безъ калошъ).

Самый жестокий кризисъ бури раздражается во время лекціи. Старое зданіе университета дрожить и стонетъ, окна едва выдерживаютъ напоръ вѣтра; онъ проникаетъ въ щели и чуть не тушитъ мелькающій газъ въ аудиторіяхъ, и безъ того скупо освѣщенныхъ. вмѣстѣ съ вѣтромъ и темнотой въ окно врывается откуда-то, вѣроятно, изъ сосѣдней «Ecole normale»,—хоровое церковное пѣніе, придающее совсѣмъ мрачный характеръ всей обстановкѣ. Мауеръ, читающій о Лессингѣ, заставляетъ позабыть вѣтеръ; но когда мы, по окончаніи всѣхъ лекцій, выходимъ изъ университета—вихрь продолжаетъ бушевать, задуваетъ огонь въ рѣдко разставленныхъ фонаряхъ, уноситъ зонтики, рветъ платье; несмотря на 6-й часъ дня, на улицѣ абсолютная темнота;

по нашей мокрой и крутой лѣстницѣ легко сломать себѣ шею.

Въ полутьмѣ, при невѣрномъ мерцаніи фонаря, черные силуэты разбѣгающихся во всѣ стороны студентовъ, съ ихъ на-
двинутыми капюшонами, представляются чѣмъ-то фантастическимъ.

Все мокро, черно, пугающе-мрачно... И я съ ужасомъ думаю о завтрашнемъ утрѣ, о необходимости вставать при огнѣ и холодѣ... Но погода Лозанны капризна—старое сравненіе требуетъ сказать—какъ женщина. Хотя, по чести, я положительно не вижу, чтобы въ умѣнны капризничать мужчины уступали женщинамъ, но почтимъ традиціи. Погода Лозанны капризна, какъ женщина.

На утро вѣтеръ вымелъ всѣ тучи съ неба; дождь вымылъ его голубую эмаль; озеро успокоилось и только слегка волнуется, какъ будто вздыхая послѣ недавнихъ рыданій.

Вся Лозанна, вычистившись и повесе-

лѣвъ, превратилась въ огромную выставку жанровыхъ картинокъ и чудесныхъ nature-mortes; сегодня—jour du marché. Для художника, не ищущаго серьезнаго внутренняго содержанія въ картинѣ, а довольствующагося тѣмъ, что приятно и безобидно ласкаетъ глазъ, здѣсь нашлось бы много матеріала.

Хозяйки Лозанны вооружились большими корзинками; многія изъ нихъ, очевидно, поклонницы системы утилитаризма, катятъ передъ собой ручныя колясочки,—«roussettes», въ которыхъ возили своихъ румяныхъ бѣбешекъ, пока тѣ не начали сами бѣгать въ школы. Рынокъ раскинулся почти на весь городокъ; площади St -François, La Riponne, Palud и всѣ улицы между ними запружены фруктами, овощами и цвѣтами. Торговки изъ окрестныхъ деревень сидятъ на складныхъ стульчикахъ. Онѣ въ крестьянскрѣ завязанныхъ косынкахъ и большихъ передникахъ. Изъ-подъ традицион-

ныхъ широкополыхъ шляпъ темной соломки выглядываетъ то совсѣмъ голова теньеровской старухи, то молодое, розовое лицо. Водузки были бы недурны, — онѣ почти всѣ очень свѣжія, темноволосыя, съ тонкими чертами лица, довольно стройныя; но ихъ портить удивительно равнодушное, неосмысленное выраженіе глазъ.

Передъ ними прямо на тротуарахъ, а то и на мостовой, разложены деревянные лотки или низкія бѣлыя плетенки съ овощами. Передъ привозомъ на рынокъ ихъ чисто перемываютъ, и онѣ такъ и блестятъ; цѣлая гамма натуралистическихъ тоновъ; оранжевая морковь, темно-лиловая капуста, свѣтло-зеленый кудрявый салатъ, красные томаты, чистенькій сѣрый картофель выглядывать искусственными — до того они опрятны.

Надъ рынкомъ стоитъ шумъ и слышится пѣвучій говоръ съ характернымъ водузскимъ выговоромъ:

— Eh monté! Mada-ame, commaing dong! Certènemmaing!

Кухарки закупают провизию, хозяйки выбирают фрукты для десерта, молоденькія дѣвушки—цвѣты.

Прислуга здѣсь презабавная. Кухарки очень высоко цѣнятъ свое достоинство. Хозяйки съ ними никогда не говорятъ иначе какъ на вы; ихъ называютъ mada-ame или mademoiselle; между собой онѣ тоже всегда на вы. Онѣ ходятъ въ шляпкахъ и изяшныхъ накидкахъ; тѣ, что помоложе, часто бывають въ театрѣ, напѣвають испанскіе вальсы и не прочь пофилософствовать на тему о любви, о красотѣ природы и т. д. Онѣ читають фельетоны и очень любятъ «Georges Ohnet». Часы работы у нихъ строго опредѣлены: отъ 10-ти до 12-ти онѣ готовятъ обѣдъ, отъ 6-ти до 8-ми ужинъ, внѣ этого времени онѣ свободны. Не похожи онѣ на нашихъ безхитростныхъ Марьюшекъ и Дарьюшекъ, жарящихъ у

плиты день-деньской; у нихъ всегда отдѣльныя комнатки, и когда у нихъ «flemme», то хозяйка не смѣетъ имъ дѣлать никакихъ замѣчаній.

Вотъ еще специально швейцарское словечко!

Въ Швейцаріи его слышишь всюду. Человѣку нездоровится—il a la flemme. Не въ духѣ—flemme, нервы—flemme. Просто лѣнь обуяла—ну, ужъ конечно flemme. И слово, и состояніе имѣютъ право гражданства.

Но вернемся къ рынку.

Пока мамыши закупаютъ провизію, младшіе ребяташки по дорогѣ въ школу останавливаются у шофретки съ горячими каштанами, покупаютъ на два су и набѣгу грѣютъ объ нихъ руки:

— Monsieur, 2 sous de marrons s'il vous plait!

И monsieur въ синей блузѣ отвѣшиваетъ на два су каштановъ совершенно самостоятельному господину въ колпач-

кѣ и съ пухлыми голыми колѣнками. Господину года 4, но онъ одинъ бѣжитъ въ школу, одинъ вернется изъ нея; рано приучаются они къ самостоятельности. Дѣти здѣсь очень развиты; впрочемъ, чѣмъ они становятся старше, тѣмъ это сглаживается.

У цвѣтовъ барышни выбираютъ себѣ связки пунсовыхъ гладіолусовъ, вѣтви остролиста съ пурпурными ягодами, вѣтки омелы съ круглыми бѣлыми ягодами, а главное—хризантемы, всюду и вездѣ хризантемы. Онѣ или лежать, небрежно связанные въ огромныя, живописныя «bottes», или цвѣтутъ въ глиняныхъ вазахъ пышными кустами.

Хризантему вы встрѣтите вездѣ: въ любомъ присутственномъ мѣстѣ, на казенной конторкѣ, на низенькомъ столикѣ изящной гостиной, въ свѣтлой дѣвичьей комнаткѣ, на полкѣ чистой кухни: и здѣсь—своего рода равенство.

Онѣ царятъ и властвуютъ на рынкѣ,

и домой всё возвращаются хоть съ небольшимъ букетомъ.

Всё сады Лозанны засажены хризантемами и никто ихъ не опустошаетъ; здѣсь вообще сильно развито уваженіе къ чужой собственности; если вы что-нибудь потеряли или забыли, вы почти можете быть увѣрены, что вамъ это возвратятъ и, пожалуй, если вы предложите «un pourboire», вамъ отвѣтятъ: Je n'ai fait que mon devoir». Каждый день столбца 2 «Gazette de Lausanne» и «Feuille d'avis» заполнены объявленіями о найденныхъ вещахъ.

Здѣсь никто не растаскиваетъ деревянныхъ плетней, не ломаетъ кустовъ, не рветъ цвѣтовъ и т. д. Можетъ быть, этой честности очень способствуютъ довольно крупные штрафы за подобное нарушеніе порядка, штрафы, которые, несмотря на полное отсутствіе невидимыхъ городскихъ, строго взыскиваются.

Поэтому сады здѣсь выглядятъ очень

мило. Теперь особенно, въ началѣ декабря, когда уже время отъ времени начинаютъ летать въ воздухѣ большія бѣлыя мухи перваго снѣга, тутъ же и тающія, красиво взглянуть на живописную ограду изъ дикаго камня, въ отверстіе широкой чугунной рѣшетки воротъ, на теряющіяся въ легкой голубоватой дымкѣ тумана аллеи садовъ.

Въ просвѣтѣ аллей виденъ красный фонъ заката, подернутый блѣдно-золотыми облаками; выше тонъ неба совсѣмъ зеленоватый; на горизонтѣ синія горы словно изнутри освѣщены, рѣзкіе бѣлые штрихи снѣга на ихъ очертаніяхъ придаютъ имъ видъ колоссальной фотографіи на матовомъ стеклѣ. Посреди голубого озера—яркое пятно солнечнаго свѣта и удивительные переливы красокъ, игра свѣта и тоновъ, заставляютъ думать, что если бы художникъ перенесъ на полотно всѣ эти оттѣнки, его бы сочли сумасшедшимъ.

Деревья не всѣ обнажены: многія стоятъ совсѣмъ золотыя или темно-красныя; лавро-вишневая деревья и колючій остролистъ съ красными ягодами хранятъ свою сочно-зеленую, глянцевою листву; ихъ отгѣняетъ почти черный бархатъ сосенъ и пихтъ. Кое-гдѣ тихо журчитъ фонтанъ, — и весь зимній, немного меланхолическій пейзажъ, какъ нѣжною улыбкой, оживляютъ бѣлыя, розовыя, пунцовыя звѣзды хризантемъ.

Пушистые, растрепанные помпоны изъ узкихъ, шелковыхъ лепестковъ улыбаются даже изъ - подъ легкаго, шутливаго снѣга. Тутъ и лиловыя хризантемы, начиная съ розоватаго, теплаго тона китайской сирени, кончая красноватымъ *chicago*; бѣлыя съ легкимъ румянымъ отгѣнкомъ, темно-розовые, малиновые цвѣта бѣлой соломы, золотые, наконецъ коричневые съ желтыми пятнами, напоминающіе крылья Венеры - крапивницы — всѣхъ цвѣтовъ и отгѣнковъ. Свѣжесть

•

декабря не мѣшаетъ имъ цвѣсти, и, можетъ быть, потому здѣсь такъ любятъ ихъ.

Отъ хризантемъ мнѣ всего легче перейти къ другимъ цвѣтамъ Лозанны — къ молодымъ дѣвушкамъ, и поговорить о ихъ воспитаніи, рѣзко отличающемся отъ воспитанія нашихъ дѣвушекъ.

Конечно, немислимо сравнивать всю нашу огромную страну съ этимъ маленькимъ клочкомъ земли; но молодая дѣвушка—вездѣ останется молодой дѣвушкой—въ Россіи, въ Швейцаріи, въ Японіи—значить, ихъ сравнивать можно.

Но прежде всего нѣсколько словъ о женскомъ воспитаніи (я не говорю образованіи) въ Россіи.

Свобода—великое дѣло; но, какъ всѣ стихійныя силы, свобода—вещь опасная.

Вода въ рукахъ энергичнаго инженера будетъ приводить въ движеніе фабрики, заводы, лѣсопильни, кормить тысячи рабочихъ, способствовать развитію промыш-

ленности и т. д. Но та же вода, если ее предоставить самой себѣ, можетъ затопить цѣлую деревню, принести смерть, опустошеніе, отчаяніе. Безъ огня мы не могли бы существовать; но тотъ же огонь, если съ нимъ быть неосторожными, можетъ въ нѣсколько минутъ уничтожить и насъ, и наше имущество.

Такъ и свобода.

Я знаю родителей, которые стоятъ за относительную свободу ребенка; но врядъ ли они своихъ маленькихъ дѣтей согласятся оставить на цѣлый день однихъ, безъ присмотра, въ комнатѣ съ зажженнымъ огнемъ; потому что ребенокъ, по теоріи вѣроятности, сначала позавтракаетъ кусочкомъ мыла и мѣдной пуговкой, потомъ, свалившись съ кресла, посадить себѣ шишку, и счастье, если не надѣлаетъ пожара.

Для того, чтобы нашимъ дѣвушкамъ дать полную свободу, надо сперва научить ихъ ею пользоваться.

Мнѣ вспоминаются слова Бѣлинскаго, горячо заступавшагося за забытый мірокъ, за нашихъ дѣтей: «бѣда въ томъ, что у насъ есть родители, но мало отцовъ и матерей; вы скажете, какая разница между «родителями» и «отцомъ и матерью?» Взгляните лѣтомъ на мухъ, какая бездна родителей, но гдѣ отцы и матери?»

Онъ писалъ это болѣе полувѣка тому назадъ, но и теперь эти слова вполнѣ примѣнимы.

Какъ воспитывается большинство нашихъ дѣвушекъ, за рѣдкими исключеніями? Конечно, у нихъ есть институты, гимназіи, учительницы музыки, учителя рисованія, французенки-гувернантки; думаютъ о томъ, чтобы привить имъ приличныя манеры, развить нѣкоторыя способности къ тому или другому изящному искусству; даже гимнастика и спортъ не забыты; но обращаютъ ли вниманіе на этику ребенка? Думаютъ ли о томъ, чтобы воспитать его нравственность? Берутся

ли умѣло и осторожно вводить его въ жизнь?

Нѣтъ! По большей части ограничиваются тѣмъ, что за одно бранятъ или наказываютъ, за другое — хвалятъ, и восхищаются:

— Вообразите, что моя Адочка сегодня сказала? И если Адочка умна, то она сама подсказываетъ матери (какъ мнѣ случилось слышать).

— Мама, а ты забыла рассказать, что я сказала про церковь!

Почему то или другое дурно или хорошо, или остроумно, ребенокъ долженъ докапываться самъ, и вотъ мало-по-малу развивается взглядъ на родителей (даже при искренней любви къ нимъ), какъ не столько на друзей, сколько на нѣкую власть предержащую, отъ которой съ юныхъ лѣтъ (для того ли, чтобъ избѣжать наказанія, если родители придерживаются строгости, для того ли, чтобы получить похвалу, если они «балуютъ» дѣтей) при-

ходится скрывать нѣкоторыя движенія души—тонкимъ чутьемъ ребенокъ всегда схватить какія именно—и выставлять на видъ другія.

Родителямъ по большей части прямо некогда заниматься дѣтьми. И вотъ все то, что ищетъ отклика въ дѣтскомъ сердечкѣ, находитъ его въ дружбѣ съ товарищами, подругами. У насъ больше, чѣмъ гдѣ-либо, развита экзальтированная дружба между молодежью, часто весьма эфемерная, такъ какъ она есть одинъ изъ видовъ этого жаднаго исканія авторитета и духовнаго превосходства, которое сильно развито въ молодомъ умѣ.

Въ гимназіяхъ, благодаря сильному различію классовъ, именъ, состояній (чего здѣсь, понятно, не существуетъ), сталкиваются дѣти самыхъ различныхъ круговъ. Въ силу притяженія контрастовъ, дочь важнаго бюрократа сходится съ дочерью модной актрисы; дочь бѣднаго учителя дружится съ дочерью денежнаго

туза. Однѣ учать другихъ, раскрываютъ передъ ихъ глазами незнакомыя страницы.

И дѣвушка научается жизни по рассказамъ и теоріямъ старшей, нерѣдко испорченной подруги, по болтовнѣ пустой гувернантки, по валяющемуся въ гостиной фельетону газеты, по книгамъ, которыхъ ей или вяло «не позволяютъ» читать, оставляя книжный шкафъ открытымъ, или, придерживаясь принципа свободы чтенія, даютъ безъ разбора.

Печально то, что у насъ, въ Россіи, большую, очень большую роль играютъ французскіе романы новѣйшихъ школь. Считается почти шикомъ, неотъемлемымъ признакомъ элегантности, чтобы на столѣ у порядочной женщины лежалъ послѣдній желтый томикъ Prevost, Mendès, а то и Huisman'a, тогда какъ, помню, какъ-то въ Парижѣ мнѣ случилось спросить одну молодую женщину, по простотѣ душевной, ея мнѣніе относительно одной изъ послѣднихъ книжекъ Prevost.

Она взглянула на меня со слегка испуганным удивленіемъ и отвѣтила:

— Oh! Est-ce qu'on lit ça, voyons!?

У насъ «on lit ça» — почти всѣ: и женщина бальзаковского возраста, и ея шестнадцатилѣтняя дочь, и пріучается смотрѣть на жизнь сквозь призму болѣзненныхъ произведеній французскихъ авторовъ, своей изысканностью формы и утонченной красотой стиля часто увлекающихъ юное воображеніе. Какъ настоящіе «Fleurs du mal», они скрываютъ губительную заразу подъ такой душистой и красивой оболочкой, что трудно повѣрить въ ихъ опасность.

Ихъ тонкій ядъ незамѣтно растрѣваетъ душу, и по большей части въ 20, 22 года у насъ дѣвушка, если фактически и не похожа на героиню новѣйшей формации извѣстнаго романа Прево, то и умомъ, и душою уже «blasée», уже все знаетъ, уже все ей прѣсно и она ищетъ прянаго.

Я здѣсь не говорю объ исключитель-

ныхъ и богато одаренныхъ натурахъ, въ родѣ С. Ковалевской и ей подобныхъ; тѣ такъ или иначе найдутъ свою дорогу, сами выйдутъ; достигнуть ли онѣ смѣлой цѣли, погибнуть ли въ борьбѣ, — все равно, это исключенія, и въ счетъ онѣ не идутъ.

Но возьмите среднюю, обыкновенную дѣвушку, со слабымъ характеромъ, легко поддающейся всякому вліянію натурой. Начните съ того, что проэкзаменируйте ее года черезъ два по выходѣ изъ гимназіи. Училась она много, усердно; передъ экзаменами просиживала ночи напролетъ съ помощью чернаго кофе и даже, можетъ быть, получила медаль. Что же? Она смутно будетъ знать исторію Карловинговъ, съ трудомъ припомнить Пифагорову теорему, не сразу скажетъ вамъ, гдѣ находится Мадрасъ и загадочно посмотритъ въ сторону, когда вы пожелаете узнать ясно, что такое логариѣмы. Зато она читала понемногу

всего, начиная съ Вольтера и кончая Верленомъ; въ сущности она знаетъ ихъ не хуже русскихъ классиковъ: она пугаетъ нѣкоторые стихи Ломоносова и Державина и врядъ ли прочла весь «Пугачевскій бунтъ» Пушкина.

И вотъ эта дѣвушка, которая, можетъ быть, въ иныхъ условіяхъ была бы чудесной женой, матерью, «хозяйкой», по примѣру своихъ прабабушекъ,—теперь, выпущенная со слабымъ багажемъ знанія и фантастическихъ житейскихъ теорій ни съ того, ни съ сего на свободу, пускается въ обширный міръ литературы, одинаково могущій быть и безбрежнымъ моремъ, и грязнымъ болотомъ, видитъ все, что дается въ театрѣ, безъ разбору; и ея слабая головка начинаетъ невольно вертѣться.

Она уже не наивная, простая дѣвушка; она не удовольствуется несложной ролью матери и жены... Несложной?

Я не могу не вспомнить талантливаго,

чисто женскаго отвѣта автора «Мимочки на водахъ» — одной «прелестной pervo-sée» послѣдняго стиля, когда та начала жаловаться на тоску и скуку повседневной жизни, на то, что «никогда ничего не случается».

— Вы, вѣрно, никогда не были въ дѣтской?

— Нѣтъ, а что?

— Такъ зайдите туда: тамъ каждую минуту что-нибудь случается!

Молоденькая невропатка, дѣйствительно, въ дѣтской не бывала, дѣтей у ней не было, да она ихъ и не хотѣла.

Подобно ей, теперь многія не хотятъ дѣтей, не хотятъ этой «несложной жизни». Быть только женой и матерью! Онѣ для этого слишкомъ много знаютъ, у нихъ слишкомъ много нервныхъ appetitovъ и исканія чего-то необычайнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ не довольно сильны, не довольно одарены талантомъ, что-

бы выдвинуться изъ толпы и стать «чѣмъ-нибудь».

И вотъ откуда эта масса разбитыхъ существованій, разведенныхъ женъ, не вынесшихъ «terre-à-terre» семейной жизни, плохихъ актрисъ, неудачныхъ писательницъ, учительницъ музыки, жалкихъ и голодныхъ, мечтавшихъ о карьерѣ Софіи Ментеръ, дѣвушекъ, живущихъ въ меблированныхъ комнатахъ, бѣдныхъ созданий, своей эксцентричностью доведшихъ себя до того, что многіе за ними ухаживаютъ, но никто на нихъ не женится.

Здѣсь, въ маленькомъ уголкѣ Швейцаріи, не только воспитаніе дѣвушки, но и сама семейная жизнь сохранила отчасти патріархальный характеръ. Узкія, быть можетъ, но надежныя рамки семьи сдерживаютъ въ строгихъ границахъ молодую жизнь. У отца и матери довольно времени на воспитаніе дѣтей; здѣсь не свирѣпствуютъ ни винтъ, ни тройки,

ни ужины, ни вѣчные разъѣзды по гостямъ. Время цѣнится дорого; если здѣсь иногда добрые знакомые сходятся провести «*après midi*», то по вечерамъ очень рѣдко собираются; если есть театръ, то только два раза въ недѣлю; зато чуть не каждый день какой-нибудь профессоръ даетъ «*conférence*», при чемъ старается говорить такъ, что всякая мать можетъ повести свою 16-лѣтнюю дочь на лекцію. Недавно въ газетахъ по этому поводу даже возникла любопытная маленькая полемика. Въ одномъ изъ отчетовъ мѣстный хроникеръ такъ отозвался о литературной конференціи проф. Андрэ: «По обыкновенію, зала была наполнена молодыми дѣвушками, и уважаемый профессоръ, по обыкновенію, прекрасно, хотя немножко à l'eau de rose, à la pâte de Guimauve, щадя ушки своихъ слушательницъ, прочелъ свою конференцію».

Андрэ отвѣтилъ на это статьей, оза-

главленной «Pâte de Guimauve», и доказывалъ въ ней, что когда профессора попробовали отступить отъ этого способа чтенія, то всѣ «vraies jeunes filles ont deserté», а тѣ немногія, которыя остались, превратились въ печальныя пародіи на мужчинъ, «montent la bicyclette, causent de tout et font rougir leurs compagnes»; слѣдовательно, чтобъ уберечь ихъ отъ этого, надо никогда не вводить ихъ на ложный путь слишкомъ смѣлыми лекціями. Vive la pâte de Guimauve», такъ заканчиваетъ онъ. Изъ этого одного видно, какъ здѣсь относятся къ молодой дѣвушкѣ.

Она до замужества находится подъ строгимъ наблюдениемъ отца и матери. Ея жизнь идетъ умѣренно и въ разъ навсегда заведенныхъ рамкахъ. Вернувшись изъ школы, гдѣ она видитъ только подобныхъ себѣ, и не слышитъ ни о чемъ новомъ, неожиданномъ, она помогаетъ по хозяйству своей матери, убираетъ свою комнату и т. д.

Она читаетъ только то, что даетъ ей мать; ѣздитъ въ театръ только тогда, когда ее берутъ туда.

Лозанна—маленькій городъ, меньше нашего Кіева; но тамъ, гдѣ въ Россіи царитъ невозможность къ чему-нибудь приложить бродящія молодыя силы, кромѣ «развлеченій» и «увлеченій», въ которыя очертя голову бросается провинціальная дѣвушка, чтобы избавиться отъ гнетущей скуки, здѣсь молодой дѣвушкѣ некогда скучать. Во-первыхъ, день значительно короче нашего; въ Ю—II часовъ всѣ ложатся спать. Порядокъ дня до того одинаковъ, какъ въ богатыхъ семьяхъ, такъ и въ бѣдныхъ, и до того регулированъ, что не остается времени на бездѣлье. Онѣ всегда съ работой, чѣмъ-нибудь заняты; посѣщаютъ кое-какіе курсы, ходятъ на конференціи, иногда сходятся вмѣстѣ, чтобы почитать, поиграть, поработать, и все это подъ ласковымъ надзоромъ матери.

Если родители сами умные и развитые люди (что здѣсь, впрочемъ, далеко не общее правило), то дѣвушки выходятъ дѣйствительно прекрасными созданіями, разливающими вокругъ себя тепло и свѣтъ.

Если родители ограничены, то, по крайней мѣрѣ, подобное воспитаніе внушаетъ дѣвушкамъ извѣстные принципы, извѣстное уваженіе къ семейнымъ началамъ, не вселяетъ въ ихъ головы невозможныхъ и опасныхъ мечтаній. Наивно и безхитростно онѣ исполняютъ свое назначеніе, довольствуются имъ и не

«Ищутъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!»

Взрослыя дѣвушки здѣсь хранятъ много дѣтской простоты. Онѣ способны веселиться надъ самой непритязательной дѣтской игрой, домашними шарадами и т. п. на праздникахъ; въ любительскихъ спектакляхъ здѣсь барышнямъ участво-

вать не позволяется; въ этомъ году въ первый разъ одна барышня рѣшилась выступить на подмосткахъ въ спектаклѣ «*Muse Lausannoise*», и это надѣлало большую сенсацию. Обыкновенно женскія роли исполняются молодыми людьми; насколько это приятно для зрителей видѣть Сильвію съ голубымъ подбородкомъ, говорящую симпатичнымъ баскомъ и т. п.—вопросъ другой; но опасный духъ кулисъ не касается молодыхъ дѣвушекъ.

Иногда онѣ собираются то у одной, то у другой изъ подругъ, провести «*après-midi*».

Приходятъ онѣ съ работой.

Въ русскихъ кружкахъ рѣдко вы теперь увидите 15—20 дѣвичьихъ головокъ, склоненныхъ надъ длинной полосой канвы или бѣлаго батиста, на которыхъ онѣ набрасываютъ шелкомъ лиловыя фіалки или пестрыя звѣздочки.

Онѣ работаютъ за чашкой чая съ то-

ненькими brisselets и или читаютъ вслухъ что-нибудь, прошедшее цензуру матери, или поютъ, или играютъ.

Романсы имъ учительница обыкновенно выбираетъ очень граціозные, сладкіе, — пѣсенки нашихъ прабабушекъ :

«Colin dit à sa bergère».

«Prière d'une orpheline» и т. д.

Только музыка не подлежитъ никакому veto — и странно слышать, какъ иногда подъ равнодушными пальчиками какой-нибудь бѣлокурой Маргаритки звучать и замираютъ тревожныя, страстныя мелодіи Сень-Санса, Грига, Вагнера... Исполненіе этихъ опасныхъ вещей оставляетъ въ ея невинныхъ глазахъ легкой оттѣнокъ мечтательности, — «mais si peu... si peu que rien...» И то, эти мечты относятся развѣ къ какому-нибудь кончающему курсъ университета кузену, съ которымъ барышня уже два года мирно обручена...

Счастливыя... Да, счастливыя дѣвушки. Можетъ быть, ихъ жизнь безсодержательна, пуста въ общечеловѣческомъ значеніи этого слова. Но зато у нихъ нѣтъ и обратной стороны медали: вѣчной лихорадочной напряженности мозга, вѣчнаго подъема нервовъ; онѣ не знаютъ, что такое романы Zola, не были въ опереткѣ, не ведутъ отчаяннаго флирта; онѣ не погинуть, смятыя тлетворнымъ дыханіемъ безжалостной жизни, а, спокойно улыбаясь, пройдутъ свой жизненный путь, и имѣютъ право сказать словами Musset:

«Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre»!..

III.

Воскресенье.

Вѣрно, сегодня, какъ въ милой старой идилліи Гебеля, воскресенье рано поступалось къ солнышку и вмѣстѣ съ нимъ

выбрало самые яркіе лучи для праздничнаго дня. Стоя на горѣ, оно тихо любуется своимъ дѣломъ—и есть чѣмъ полюбоваться: утро все ярко-голубое, сверкающее солнцемъ и дышащее живительною свѣжестью. Въ воздухѣ пахнетъ молодой крапивой и влажной отъ недавно стаявшаго снѣга землей. По лугамъ щедрою рукой весны разсыпаны блѣдно-золотыя звѣзды подснѣжниковъ. Повсюду весенній шумъ: пѣнятся каскадами горныя источники; летятъ между камней и мха быстрыя ручейки съ серебряными трелями; брызжутъ водопадами, бросаясь съ утесовъ внизъ, горныя рѣчки. На горизонтѣ синѣютъ улыбающіяся, роскошныя горы, смѣшиваясь съ пушистыми, бѣлыми облаками, любовно прильнувшими къ нимъ, и отражаясь въ голубомъ, подернутомъ перламутровымъ отблескомъ и недвижномъ, какъ зеркало, озерѣ—настоящемъ озерѣ Феи Фантасты.

Эту сказочную декорацию хотѣлось

бы населить прекрасными юношами и дѣвами, съ глазами глубокими и прозрачными, какъ воды озера,—съ розовыми вѣнками на головахъ. Они, на стаѣ бѣлокрылыхъ лебедей, перегоняли бы другъ друга, охотились бы на орловъ и заманивали бы путниковъ въ свои недоступныя ущелья, въ свои гибельные ледники... Но, увы! горные духи и дѣвы льда давно покинули свои родныя горы, съ тѣхъ поръ, какъ повсюду пролетѣлъ шумя и свистя паровозъ, а на вершину Монблана ступила нога перваго туриста-англичанина въ клѣтчатыхъ чулкахъ. Теперь по всѣмъ дорогамъ и дорожкамъ, ведущимъ изъ городка въ окрестности, вмѣсто горныхъ духовъ разсыпались гуляющіе граждане свободной Лозанны.

Каждый изъ нихъ считаетъ своимъ долгомъ въ воскресенье, одѣвшись какъ можно тщательнѣе, отправиться на прогулку. Подъ-руку съ нимъ идетъ его разряженная супруга, рядомъ—чистень-

кіе ребяташки; передъ собой онъ толкаетъ пуссэтку (повозочку) съ послѣднимъ отпрыскомъ своего рода. Добрые буржуа и ремесленники (въ Лозаннѣ вѣдь существуетъ, такъ - сказать, одно только tiers-état), встрѣчаясь, обмѣниваются привѣтствіями:

— Et ce bon m-r Cornuz?

— Ah, le voilà qui «s'amène»!..

И усаживаются въ какомъ-нибудь маленькомъ загородномъ кафе на открытой террасѣ за столикомъ. Пьютъ легкое бѣлое vin du pays, гренадинъ, но всего больше пиво. Человѣкъ на сто и больше прислуживаетъ garçon, но дѣло идетъ быстро и аккуратно.

Дѣтвора бѣгаетъ и играетъ тутъ же; не слышать ни одного браннаго слова, не видать ни одной пьяной физиономіи. Развѣ въ уголкѣ немного подгулявшая молодежь затынетъ хоровую и весьма безобидную пѣсенку, съ припѣвомъ, въ родѣ:

«Savez vous quelle heure il est,
Savez vous quelle heure il est?»!..

Все это по большей части сапожники, мастеровые и т. д., хотя тутъ же можно встрѣтить и доктора, и адвоката,—по наружному виду различія почти нѣтъ. Дѣтишки ихъ одѣты, какъ дай Богъ нашимъ зажиточнымъ людямъ одѣвать своихъ.

Въ этой прогулкѣ состоитъ ихъ воскресный отдыхъ.

Здѣсь, гуляя, дѣйствительно незамѣтно и безъ усталости, несмотря на то, что приходится подниматься въ гору, можно сдѣлать версть 8—10: такъ удобны дороги, и все больше идутъ лѣсомъ.

Въ лѣсу теперь настоящая прелесть. Въ Россіи еще снѣгъ и холодъ,—здѣсь уже всѣ идутъ въ однихъ платьяхъ, съ огромными букетами желтыхъ подснежниковъ.

Трава въ лѣсу уже разстилается ковромъ зеленого бархата. Солнце застави-

ло кое-гдѣ открыть лиловые глазки фиалокъ. На красныхъ вербахъ набухли почки, и уже всѣ онѣ въ пушистыхъ бѣлыхъ шишечкахъ, напоминающихъ Россію, Вербное воскресенье, дѣтство и нянины приговорки:

«Верба хлѣсть, бей до слезъ»!

Дорога идетъ въ гору, то вдругъ пересѣкая желѣзнымъ мостомъ узкое ущелье съ двумя стѣнами изъ зеленоватаго камня, по которому убѣжавшія впередъ отъ родного лѣса стройныя елочки сбѣгаютъ внизъ къ узенькой, но бурной рѣчущкѣ, пѣнящейся, какъ шампанское, то открывая неожиданную панораму на озеро и тонущіе въ голубомъ туманѣ берега Савойи, то заслоняся величавыми бархатными соснами, красноватые стволы которыхъ красиво вырисовываются на синемъ фонѣ неба.

Вотъ въ зелени мелькаютъ игрушечныя домики, шпиць колокольни съ круг-

лыми часами на башенкѣ, каменные ограды, по которымъ свѣшиваются букеты свѣжаго плюща—это деревенька. Ихъ много раскинуто вокругъ Лозанны. Дома старинные, на которыхъ стоитъ годъ ихъ постройки; на стѣнѣ изъ дикаго винограда не рѣдкость прочесть вырѣзанное «1685».

Въ маленькомъ деревенскомъ кафе, съ висящей у входа, по старому обычаю, на желѣзномъ прутѣ краснорѣчивой вывѣской, изображающей золотую звѣзду, зеленаго осла, а то и просто кружку пива, вы можете отдохнуть въ уютной плющемъ бесѣдкѣ. Тамъ вамъ подадутъ сыръ, ветчину, отличное бѣлое вино, шоколадъ. Швейцарскій шоколадъ не даромъ славится повсюду и даже въ пропастьяхъ Монблана вы видите огромныя буквы: «Chocolat Suchard». Несносная реклама, пугающая и прогоняющая горныхъ духовъ...

Но если дѣва ледниковъ не любить

шоколада, — швейцарцы вообще его любить, и дѣтишки, отправляясь въ школу, получаютъ на завтракъ булочку и плитку шоколада.

Въ кафе чисто: стаканы блестятъ, вилки начищены, бѣлыя фарфоровыя тарелочки лоснятся.

Подаетъ вамъ румяная хозяйская дочка, въ корсетѣ и синей блузкѣ, съ кожанымъ кушакомъ. Ей помогаетъ сестренка, маленькая дѣвочка съ двумя бѣлокурыми косами; у нея на ловко сшитомъ синемъ платьицѣ надѣтъ черный передникъ.

Нечего говорить, что и въ будни немислимо встрѣтить крестьянскаго ребенка босого, всѣ они въ сапожкахъ, въ передникахъ, въ синихъ беретахъ. Береты эти носятъ здѣсь почти всѣ дѣти, безъ различія званія и состоянія. Дѣтвора играетъ въ мячъ, качается на качеляхъ, прыгаетъ черезъ веревочку, — и невольно, въ силу контраста, припоми-

наешь полуголыхъ, бѣлоголовыхъ нашихъ деревенскихъ ребятишекъ, валяющихся цѣлый день въ пыли или въ лужѣ, и не знающихъ не то что шоколада, а часто и хлѣба.

Дамы (или бабы — затрудняюсь, какъ ихъ назвать) въ шляпахъ, въ плюшевыхъ пелеринкахъ, мужчины — въ сюртукахъ, котелкахъ, въ рукахъ у нихъ та же газета, что и у насъ, и читаютъ они тѣ же статьи въ газетѣ, что и мы, живо обсуждая вопросы политики.

Въ одной изъ лежавшихъ тамъ газетъ мнѣ попалось на глаза слѣдующее объявленіе:

«Собраніе итальянскихъ рабочихъ.

Концертъ Филармоническаго Общества итал. рабочихъ и любительскій спектакль.

Rue Madeleine, 9, salle Sociale».

Итальянскіе рабочіе, устраивающіе концертъ и спектаклы Это было настолько интересно, что заслуживало вниманія.

Но здѣсь они пользуются не особенно хорошей славой, и потому мнѣ пришлось услышать не мало протестовъ на мое заявленіе, что вечеръ надо окончить тамъ:

— Помилуйте! Простые рабочіе! Не пошли же бы вы въ Россіи въ кабачокъ, гдѣ собираются извозчики и мастеровые?

— Если бы они устраивали концертъ, отчего же не пойти.

Наконецъ, любопытство взяло верхъ, — мы отправились цѣлымъ маленькимъ обществомъ.

Быль уже девятый часъ вечера, когда мы вышли изъ дому.

За площадью La Palud мы углубились въ узенькую улицу, до того темную и невзрачную, что даже статуя правосудія повернулась къ ней спиной.

Въ темнотѣ съ трудомъ разыскали домъ, и первое впечатлѣніе было ужасно: жалкое, старое, почернѣвшее отъ сырости зданіе. Такъ и казалось, что входяшь въ какой-нибудь вертепъ изъ стариннаго

романа и наткнешься на пьянство или рѣзню.

Поднявшись по узкой каменной лѣстницѣ безъ периль въ 3-й этажъ, мы увидали бѣдную декорацию, убравшую стѣны и входъ—видъ клочка моря, зелень, складки пурпура, рисованныя на грубомъ холстѣ; выше вела лѣсенка на чердакъ.

Встрѣтившій насъ итальянецъ, съ красной лентой черезъ рукавъ, предупредилъ, что войти можно, но всѣ мѣста уже заняты, придется потѣсниться.

— Если хотите идти, — прибавилъ онъ, — то идите скорѣй; они будутъ играть хорошую вещь.

Изъ-за запертой двери, дѣйствительно, вмѣсто обычнаго нестройнаго гула пьяныхъ голосовъ, слышались звуки музыки, и мы храбро двинулись впередъ.

Мы очутились на довольно просторномъ, но очень низкомъ чердакѣ, потолкомъ которому служила прямо крыша. Чердакъ былъ оклеенъ весь обоями крас-

наго цвѣта, стропила обиты красной матеріей (цвѣта ихъ партіи). Передъ деревянными лавками и табуретками стояли столы, за которыми сидѣло сотни три, по меньшей мѣрѣ, народу. Правда, казалось, что яблоку упасть негдѣ; мы въ нерѣшимости остановились на лѣстницѣ. Но въ это время оркестръ кончилъ играть, раздалися аплодисменты, итальянцы засуетились и въ минуту очистили два мѣста для дамъ, а вскорѣ, потѣснившись, усѣлись и всѣ; все это дѣлалось съ радушіемъ и южной любезностью, безъ малѣйшаго признака неудовольствія.

На одной изъ стѣнъ висѣлъ рисованный чернымъ карандашемъ портретъ Карла Маркса, на другой—расписаніе цѣнъ «consummation», при чемъ дороже 60 сантимовъ не было ничего. Имѣлось при этомъ чудесное бѣлое вино съ ароматнымъ букетомъ, не уступающее подающемуся въ нашихъ ресторанахъ дорогому рейнвейну, минеральныя воды, пиво и вермутъ;

хорошенькая итальяночка, изогнувшись на одну сторону, разносила корзину съ орѣхами и отсыпала желающимъ по стаканчику за 10 сант.

Мужчины всѣ были въ сюртукахъ, чисто выбритые; женщины — въ темныхъ платьяхъ съ бѣлыми воротниками, затянутыя и подвитыя; ихъ итальянское происхожденіе выдавалось развѣ огромными черными глазами да золотыми кольцами въ ушахъ.

Дѣти, курчавыя, красивыя всѣ безъ исключенія, какъ только могутъ быть итальянскіе ребятишки, съ которыхъ писалъ Рафаэль своихъ ангеловъ. Дѣвочки — въ изящныхъ платьицахъ епріге, мальчики — въ сѣрыхъ костюмчикахъ и фетровыхъ шляпочкахъ, чинно сидѣли на рукахъ у матери, а кто побольше, тѣ на стульяхъ; между сосѣдними столами вертѣлась очаровательная дѣвочка лѣтъ десяти, вся въ золотыхъ кудряшкахъ; маленькая сирена уже кокетничала и чаро-

вала всѣхъ, даже большихъ итальянцевъ, чокавшихся съ ея матерью за ея здорье.

Впереди, на эстрадѣ, помѣщался небольшой оркестръ, человекъ въ тридцать. Присутствующіе слушали музыку съ тѣмъ благоговѣйнымъ вниманіемъ, какъ ее слушаютъ только итальянцы, въ которыхъ музыкальность—шестое чувство.

Когда раздались звуки струннаго оркестра, я закрыла глаза, и передо мной такъ и встали душныя ночи Неаполя, полныя зноя, аромата апельсиновыхъ деревьевъ и сладкихъ звуковъ.

Но я была только въ тѣсной комнатѣ и вокругъ меня, и слушатели, и оркестръ,— все это были простые рабочіе, оторванные отъ своей прекрасной родины, и за жалкіе гроши работающіе въ буржуазной, сытой Швейцаріи. Бѣдныя стрекозы, просящія хлѣба у самодовольныхъ муравьевъ!

Каменщики, извозчики, штукатуры, но-

сильщики тяжестей, которых не раз приходилось мнѣ видѣть за работой во-злѣ нашего дома, въ синихъ рваныхъ блузахъ, таскающими камни, — теперь это были люди, наслаждающіеся отдыхомъ и музыкой, и этого права никто не смѣлъ у нихъ отнять.

Огрубѣлая руки, въ будніе дни поднимающія пудовыя ноши и разбивающія молотами огромные камни, теперь съ художественной любовью держали въ мозолистыхъ пальцахъ смычки скрипокъ и тонкія флейточки, и какіе нѣжные звуки извлекали они изъ нихъ! Какимъ хорошимъ огнемъ горѣли глаза на суровыхъ, бронзовыхъ лицахъ! Какъ оживленно, артистически велъ оркестръ дирижеръ, простой рабочій-десятникъ.

Мнѣ приходилось слышать знаменитый оркестръ вѣнскаго Opern-Theater, парижской Grand-Opéra, симфоническіе концерты въ Московскомъ дворянскомъ собраніи, и ничто не трогало меня такъ, какъ

разыгранная здѣсь, на этомъ душномъ чердакѣ, этими жалкими тружениками, разыгранная артистически фантазія на мотивы изъ «Травиаты», а также и то, какъ слушали ее эти простыя души, слушали молитвенно, иные чуть не со слезами на глазахъ. Безъ преувеличенія художественно звучали скромные инструменты рабочихъ, гобой выдѣлывалъ solo нѣжными, задушевными звуками, какъ поющій голосъ, полный рыданія.

Одинъ изъ моихъ спутниковъ обратился къ сосѣду справа съ вопросомъ, что играютъ?

— «La Traviata»,—отвѣтилъ тотъ прямо съ нѣкоторымъ возмущеніемъ, что можно не знать подобной вещи.

Да, послѣ трудовой недѣли, эти усталые, измученные люди,—чернорабочіе,—не напивались до пьяна, не избивали своихъ женъ и не доходили до полного озвѣрѣнія, а сидѣли и слушали «Травиату» и въ ея звукахъ находили насла-

ждение и отдыхъ.. Какъ хотите, а тутъ было что-то, что подороже перваго представления «Мессидора» въ Парижѣ и концерта Цумпе—въ Москвѣ, съ равнодушными слушателями первыхъ рядовъ и шепчущимися дамами въ декольте и въ брилліантахъ.

Въ антрактѣ мы разговорились съ однимъ изъ сосѣдей, такъ какъ мнѣ хотѣлось знать условія и характеръ ихъ общества.

Намъ подали литръ превосходнаго вина, при чемъ подававшій человѣкъ на чай не взялъ:

— Здѣсь не кафе, а общество,—объяснилъ онъ,—и всѣ мы—сосѣтеры, потому отпускаемъ по своей цѣнѣ и на чай намъ брать не для кого.

Общество устроили рабочіе-итальянцы, которыхъ вообще очень много въ Швейцаріи, а въ Лозаннѣ насчитывается до 4-хъ тысячъ.

Каждый изъ нихъ вносить по 30 сан-

тимовъ въ мѣсяцъ; кромѣ того, общество поддерживается концертами и т. п. Посеторонніе посѣтителы платятъ по 40 сант., члены общества и ихъ дамы—по 20 сант., дѣти впускаются бесплатно.

Вырученныя деньги составляютъ фондъ общества. На нихъ они нанимаютъ этотъ «залъ» и принадлежащія къ нему еще нѣсколько клѣтушекъ (которыя ими уже сдаются) за 2,600 франковъ въ годъ. Для нихъ это страшная цѣна, да и вообще, принявъ во вниманіе швейцарскую дешевизну квартиръ,—она слишкомъ высока. За залъ хотѣли сначала 2,000, но пока они размышляли, брать ли имъ или нѣтъ, провѣдали про ихъ общество «патроны» и имъ это пришлось не по вкусу, такъ какъ они не одобряютъ дружбы между рабочими, боясь стачекъ; да, кромѣ того, рабочіе всѣ принадлежатъ къ социальнo-демократической партіи (въ честь которой у нихъ и красный цвѣтъ, и портретъ Маркса), а патроны къ либерально-демо-

кратической, прогрессистской и т. д. Поэтому они всячески старались помѣшать возникновенію этого общества и заставили набить имъ цѣну, такъ что тѣ еле успѣли взять за 2,600.

Собираются они тамъ нѣсколько разъ въ мѣсяць и, кромѣ того, залъ всегда открытъ для членовъ общества. Тамъ получаютъ итальянскіе журналы и газеты, которые къ ихъ услугамъ бесплатно.

Я знаю изъ другихъ источниковъ, что рабочіе, основывая это общество, съ полгода назадъ, обращались къ профессору здѣшняго университета В. Парето и вообще къ болѣе или менѣе значительнымъ здѣсь итальянцамъ, и просили у нихъ не денежной помощи, а «а aroggio morale» — нравственной поддержки.

Послѣ того, какъ оркестръ сыгралъ еще нѣсколько итальянскихъ пѣсенокъ, вальсовъ и т. д. (изъ которыхъ, впрочемъ, ни одинъ не имѣлъ такого шумнаго успѣха, какъ «Травиата»), молодой итальянецъ

въ красной шапочкѣ пошелъ вдоль столовъ съ бумажкой и карандашемъ. Мы думали, что это была благотворительная подписка, но положительно это былъ вечеръ сюрпризовъ: оказалось—вотировка, чтобъ оркестръ сыгралъ «Evviva Garibaldi», которую отъ него напрасно требовали слушатели. Пока ограничивались криками и аплодисментами, все было благополучно; но какъ только показались бумажки, вдругъ въ дверяхъ, на лѣстницѣ, какъ изъ земли выросъ розовый жандармъ съ кукольнымъ личикомъ, бѣлокурыми усами и заряженнымъ револьверомъ въ карманѣ. Онъ холоднымъ взглядомъ обвелъ толпу, беззвучно шепнувъ слова два направо и налево... Бумажки исчезли, оркестръ ушелъ, чтобы дать мѣсто устройть сцену, исчезъ и жандармъ, а я не могла опомниться отъ изумленія.

Швейцарія, хваленая страна свободы, высылаетъ жандармовъ съ заряженнымъ револьверомъ противъ людей чужой стра-

ны, требующихъ своего народнаго гимна, который въ монархической Италиі играютъ чуть ли не подъ окнами королевскаго дворца! Объясненіе было просто и несложно; еще недавно былъ легкій бунтъ въ Тессинскомъ кантонѣ, и вообще настроеніе тамъ отнюдь не швейцарское.

Тессинцы считаютъ себя итальянцами и стремятся примкнуть къ Италиі; конечно, Швейцарія строго блюдетъ свои интересы. Не одно смуглое лицо передернулось при этомъ инцидентѣ; но скоро поднялся занавѣсъ и разыгранный съ итальянской живостью (опять-таки простыми рабочими и работницами) незатѣйливый фарсъ «Un Bagno freddo», и двѣ хорошенькія брюнетки, игравшія женскія роли, всѣхъ привели въ хорошее расположеніе духа. Субретка въ одномъ мѣстѣ забыла роль: изъ публики ей кто-то громко подсказаль, она нимало не смутилась и только засмѣялась, показывая великолѣпные бѣлые зубы.

Послѣ горячихъ аплодисментовъ, въ полномъ порядкѣ толпа начала расходиться; только молодежь осталась на танцы. Перешептывающіяся и нѣжно поглядывающія другъ на друга парочки, держась за руки, стали усаживаться на мѣста. Мы спустились съ гостепріимнаго чердака и пошли по темнымъ улицамъ.

Въ ночномъ воздухѣ гулко и отчетливо пробили II ударовъ городскіе часы, имъ отвѣтили университетскіе, на это со всѣхъ сторонъ откликнулись другіе. Съ темно-синяго неба ласково глядѣли крупныя звѣзды на этихъ бѣдняковъ, возвращавшихся въ свои жалкія конурки, чтобы черезъ нѣсколько часовъ опять приняться за торжественный трудъ. А у меня, при выходѣ съ рабочаго чердака, было на душѣ легче и свѣтлѣе, чѣмъ если бы я возвращалась въ 4-мъ часу ночи послѣ ужина съ шампанскимъ и устрицами въ честь «нашего маститаго» или «нашей уважаемой» «Les beaux arts».

Такъ необычно и оригинально проведенный вечеръ немного освѣжили меня; да, по правдѣ сказать, я и нуждалась въ этомъ. Въ Лозаннѣ все время чувствуешь себя какъ бы въ теплой ваннѣ,—атмосфера, которая можетъ быть пріятна на нѣкоторое время, но, какъ гоголевскіе «хорошіе канчуки—въ большомъ количествѣ вещь невыносимая»: отъ нея немного задыхаешься. Хочется чего-нибудь напоминающаго объ искусствѣ, о прекрасномъ; какъ ни стары эти слова, но нигдѣ такъ ярко не вспоминается ихъ существованіе, какъ именно въ этомъ мирномъ, сытомъ и тепломъ уголкѣ.

Я слышала анекдотъ про Тургенева (не знаю, насколько онъ вѣренъ, но нахожу, что не лишень естественности). Онъ гласитъ слѣдующее: великій нашъ писатель сидѣлъ за весьма чопорнымъ обѣдомъ на англицкій ладъ и, наконецъ, ему стало не въ мочь отъ окружающей его натянутости и отъ лакея съ физионо-

міей Гладстона, который при каждом блюдѣ шепталъ ему безстрастно на ухо: «First cotelett... second cotelett»... и т. д. — Тогда онъ стукнулъ кулакомъ по столу и, къ изумленію своихъ собесѣдниковъ, началъ выкрикивать: «Кобыла! баба! рѣдка! телѣга! оглобля! каша! Кострома!»

Только этими русскими словами онъ отвелъ душу.

Вотъ именно такой ассоціаціей идей, въ силу контраста, Лозанна вызываетъ желаніе чего-нибудь яркаго, талантливаго, необычнаго.

Я взяла въ руки одинъ изъ лозанскихъ журналовъ: въ театрѣ давали «Дѣтей капитана Гранта» (тамъ вообще ставятъ только пьесы, признанныя обществомъ и печатью добродѣтельными), а остальное пространство газеты, какъ всегда, занимали объявленія: «Deux beaux porcs à vendre»; «Un fourneau à deux trous à vendre»; «500 acres de bon fumier à vendre», и такъ далѣе все въ томъ же родѣ.

Наконецъ, я вспомнила, что здѣсь существуетъ musée Arlaud, которымъ очень гордятся лозанцы, и рѣшила отправиться туда, чтобы «напитать душу свою» хотя бы живописью.

Музей находится на той самой площади la Riponne, гдѣ 3 раза въ недѣлю бываетъ рынокъ. Онъ помѣщается въ старомъ сѣромъ домѣ, украшенномъ надъ входомъ двумя статуями въ нишахъ: въ одной — Аполлонъ съ проломленной почему-то головой; въ другой — Діана, по плечамъ и головѣ которой спокойно прогуливается большой сѣрый голубь, вѣроятно, плохо знающій мифологію или принявшій строгую дѣвственницу за улыбающуюся Венеру.

Каменная богиня, впрочемъ, милостиво глядитъ на своего пернатого гостя; можетъ быть, онъ развлекаетъ ея уединеніе, когда ей надоѣсть смотрѣть на площадь, гдѣ раскидывается рынокъ, шумный и вульгарный, можетъ быть, онъ прино-

ситъ ей послѣднія новости о ея бѣдной, прекрасной Элладѣ, подслушанныя у лозанскихъ буржуа, которые на углу, покуривая и сплевывая, толкують о судьбахъ Европы.

Намъ отворяетъ двери старуха, которая могла бы служить прекрасной моделью Микель-Анжело для одной изъ его трехъ Паркъ.

Она стоитъ между двумя плохими копіями Венеры-Милосской и Діаны-Охотницы, и заявляетъ намъ, что въ музеѣ всего четыре зала.

Отправляемся въ первый—Salle Vocion. Босіонъ считается «художникомъ Женевского озера».

Ищу Женевского озера, но никакъ его найти не могу, вмѣсто него вижу голубые холсты, на которыхъ нарисованы картонныя горы и очень большія чайки, какъ двѣ капли воды похожія на тѣхъ восковыхъ дутыхъ гусей, что у насъ продаютъ мальчишки на Вербу.

Вспоминаю невольно послѣднюю свою прогулку на берегъ озера, къ руинамъ старой башни Haldimand, когда надъ ярко-лазуревой водой летали чайки, привлеченныя хлѣбными крошками, что мы бросали двумъ бѣлоснѣжнымъ лебедямъ, заплывшимъ на этотъ уголокъ. Время близилось къ закату. Въ косыхъ лучахъ солнца бѣлыя крылышки чаекъ блестяли, какъ серебро. На западѣ горы были нѣжно-розоваго цвѣта, словно освѣщенные божественной улыбкой; отъ заходящаго солнца, по озеру ложился дрожащій блѣдно-золотой столбъ свѣта...

Тогда еще мнѣ невольно подумалось, что не пришелъ еще тотъ художникъ, что люди еще не изобрѣли тѣхъ красокъ, чтобы можно было передать на полотно всю эту волшебную красоту, — лучшее, что есть въ Швейцаріи—ея природу.

Увидавъ картины Босіона, я убѣдилась, что была права.

Кромѣ Женевского озера, онъ писалъ

еще и Венецію, безъ перспективы, безъ воздуха, безъ свѣта, съ апельсинами и арбузами одинаковаго размѣра. Вообще, пройдя остальные 3 зала, весьма небольшіе, я убѣдилась, что отсутствіе воздуха и свѣта — главная черта ихъ живописи, это не можетъ не показаться страннымъ въ виду изобилія того и другого въ природѣ Швейцаріи.

Кромѣ того, я сдѣлала еще одно наблюденіе: одинъ жанръ живописи имъ очень удается, а именно — изображенія животныхъ, напримѣръ: ревущій на одинокой полянѣ въ горахъ быкъ (работы Burnand) прямо великолѣпенъ; недурень и «Водопой» Келлера; въ пейзажѣ Гюмберта самое лучшее — корова и т. д.

Портреты выписаны недурно, но почти у всѣхъ нѣтъ жизни. Обращаютъ на себя вниманіе двѣ мужскія головы Бишофа и Виллермета и поясная фигура молодого человѣка съ ружьемъ — кисти женщины, Оттиліи Редерштейнъ. Среди портретовъ

находится, между прочимъ, написанный красками портретъ императора Александра I—даръ его наставнику Лагарпу, и чудная миниатюра на фарфорѣ работы Пиккара—портретъ императора Николая I.

Изъ прочихъ женскихъ картинъ въ музеѣ фигурируетъ картина г-жи Луизы де-Гемъ — «Химера».

На красномъ диванѣ сидитъ розовая барышня съ неестественно раскраснѣвшимся лицомъ и очень страннымъ, растеряннымъ какимъ-то выраженіемъ. Позади ея, на стѣнѣ, рисуется не то профиль, не то синеватая тѣнь чьей-то, вѣроятно, мужской, судя по коротко остриженнымъ волосамъ, головы; на коврѣ валяются розовые цвѣты, и все залито очень розовымъ свѣтомъ.

Другая картина — «Подъ яблоней» — принадлежитъ той самой художницѣ, о которой часто съ завистью упоминаетъ Башкирцева въ своихъ запискахъ—m-lle Breslau.

Это сидящая за мольбертомъ дѣвица, которая была бы недурна, если бы не странно-сѣрый (въ противоположность ея сосѣдки) цвѣтъ лица. На яблонѣ цвѣты бумажные, а фонъ небрежно замазанъ сѣровато-лиловой краской.

Въ этой же комнатѣ находится почти единственная «нагота» музея — картина Blancpain — «Harmonie». Обнаженная женская фигурка, съ волосами морковнаго цвѣта, стоитъ спиною къ зрителю и, держась рукою за вѣтку дерева, усѣяннаго какими-то удивительными лиловыми репейниками, повернулась къ вамъ добродушной, банально хорошенькой мордочкой, немного удивленной, словно спрашивающей: «Отчего я гармонія?»

Картина отдаетъ лиловымъ цвѣтомъ и, вѣроятно, долженствуетъ изображать новѣйшую школу, такъ же, какъ и находящаяся тутъ же голубая Офелія, въ совершенствѣ напоминающая японскую живопись.

Оставляя въ сторонѣ болѣе или менѣе недурные пейзажи Калама, Герцога и др., надо сказать нѣсколько словъ о Глейрѣ.

Рисунки и недоконченные эскизы его прямо превосходны и мощно сдѣланы, особенно нѣкоторыя академическія фигуры.

Самыя значительныя его картины — это «Казнь майора Давеля, въ нѣкоторомъ родѣ швейцарскаго Гарибальди, и «Леманская битва». Первая картина написана тщательно, но опять-таки страдаетъ отсутствіемъ жизни; фигуры какъ будто нарочно разставлены и позируютъ для живописца. Этого нельзя сказать про другую, производящую сильное впечатлѣніе.

Сюжетомъ ея служить битва, происходившая между гельветами и римлянами въ концѣ второго вѣка до Р. Хр. и кончившаяся пораженіемъ римлянъ.

Художникъ взялъ тотъ моментъ, когда

побѣжденные римляне, при торжествующихъ кликахъ побѣдителей, проходятъ подъ ярмомъ гельветовъ. Маленькія дѣти, полуголыя, какъ амуры, въ вѣнкахъ, хлещутъ ихъ вѣтками и хохоча показываютъ имъ прялки; воины подгоняютъ ихъ бичами; по сторонамъ дороги, на возвышеніяхъ свѣтлокудряя жрицы въ бѣлыхъ одѣяніяхъ воздѣваютъ къ небу руки, славя боговъ.

Побѣжденные идутъ тѣсно сплоченной шеренгой; передъ ними на копьяхъ несутъ двѣ римскія головы въ лавровыхъ вѣнкахъ; одна изъ нихъ, уже посинѣвшая, обращена къ зрителямъ, у нея на устахъ спокойная и даже слегка презрительная улыбка истаго римлянина...

Въ первомъ ряду обращаютъ на себя вниманіе двѣ фигуры, похожія другъ на друга, какъ два родные брата. На ихъ сильныхъ тѣлахъ всѣ мускулы напряжены до крайности, но идутъ они, очевидно, безъ стопа, безъ звука, судя по

плотно стиснутымъ губамъ. Только одинъ весь горитъ краской жгучаго стыда и опустилъ глаза въ землю; а другой смертельно блѣдень, несмотря на стягивающую его шею веревку (общую для всѣхъ): глаза его съ мучительнымъ выраженіемъ страданія и дикой злобы смотрять вмѣстѣ и на мертвую голову въ лавровомъ вѣнкѣ, и на бичъ гельветскаго воина. А вокругъ—толпы воиновъ въ уборахъ изъ звѣриныхъ шкуръ, въ шлемахъ съ крыльями или прямо въ волчьихъ и бычачьихъ головахъ.

Если этой картинѣ что-нибудь вредить, такъ это слишкомъ большая скученность фигуръ на сравнительно маломъ холстѣ.

Она немножко примирила меня съ лозанскимъ музеемъ,—хотѣлъ же Господь пощадить Гоморру хотя бы для пяти праведниковъ!

И вообще, несмотря на то, что я не нашла того, чего искала, я, по крайней мѣрѣ, должна была безпристрастно себѣ

сознаться, что въ такомъ маленькомъ городкѣ, какъ Лозанна, картинная галлея могла быть и хуже.

Что тамъ представлено совсѣмъ бѣдно, такъ это скульптура. Одна мраморная статуэтка, интересная только изяществомъ выдѣлки: «Итальянскій мальчуганъ-рыбакъ съ картой Африки въ рукахъ», работы Бернаскони. Ушла я изъ музея вся подъ впечатлѣніемъ патріотической картины Глейра, и невольно размышляла объ одномъ симпатичномъ свойствѣ швейцарцевъ, которое видно всюду: и въ незатѣйливыхъ ихъ картинахъ, и во всѣхъ буквально романахъ, рассказахъ и поэмахъ—отъ самыхъ лучшихъ до самыхъ незначительныхъ; это—чувство страстной любви, а главное—глубокаго уваженія къ своей родинѣ. Много насъ, русскихъ, пріѣзжаетъ въ Швейцарію учиться медицинѣ, языкамъ, математикѣ и т. п. Этому всему недурно можно выучиться и въ Россіи; а вотъ не мѣшало бы намъ

поучиться у швейцарцевъ именно этому джентльмѣнскому отношенію къ своей родинѣ, хлѣбомъ которой мы вскормлены и въ землю которой намъ вѣрно лечь придется.

Тяжелое впечатлѣніе производятъ многіе наши соотечественники за границей, и особенно здѣсь. Приѣзжаетъ изъ какого-нибудь Мценска или Царевококшайска и, во-первыхъ, прописывается какъ-нибудь въ родѣ Madame de Желторотовъ et suite, а во-вторыхъ, неминуемо начинаетъ конфузиться, что она (или онъ) изъ Россіи.

Вселяютъ они въ здѣшнихъ жителей убѣжденія двухъ родовъ, діаметрально противоположныя, но одинаково нелѣпыя: одно—на старую тему, что по Москвѣ волки ходятъ, другое—что въ Россіи по-русски разговаривать не принято и неприлично, а существуетъ только французскій языкъ.

Этому здѣсь вѣрятъ даже такія соб-

ственно долженствующія быть развитыми личности, какъ доктора; а учать ихъ этому какія-нибудь черниговскія помѣщицы. Но Богъ съ ними, а бѣда въ томъ, что болѣе или менѣе интеллигентные люди слѣдуютъ тому же и иначе какъ съ насмѣшкой о нашей «Федорущкѣ», какъ ее покойный Лѣсковъ называлъ, не отзываются: «что ужъ у насъ... гдѣ ужъ намъ... То ли дѣло у васъ»...

Разъ русскіе люди сами такъ къ своей родинѣ относятся, изъ этого вытекаютъ два послѣдствія: во-первыхъ, о Россіи здѣсь очень ужъ плохого мнѣнія. Во-вторыхъ, видя въ русскихъ такое отсутствіе самыхъ священныхъ принциповъ, швейцарцы и русскихъ не уважаютъ. Какъ-то, напримѣръ, мнѣ случилось отказаться отъ участія въ карикатурѣ на Россію. Такъ этимъ я вызвала — мало того, что неудовольствіе со стороны лозанцевъ-устроителей, но прямо искреннее удивленіе, такъ какъ имъ въ первый

разъ пришлось столкнуться съ такой щепетильностью... Ab uno disce omnes!..

IV.

Поѣздъ быстро мчится по Швейцаріи, то пропадая въ черныхъ тунеляхъ, то снова со свистомъ вырываясь на свободу. Въ окна вагоновъ смотритъ ослѣпительно голубое небо. На убѣгающихъ телеграфныхъ проволокахъ, гдѣ мирными рядками сидятъ воробы, подслушивая государственныя тайны, розовыми огнями горитъ заходящее солнце. Его лучи изъ золота розовыми брызгами и колеблющимися звѣздочками зажигаютъ и спокойное, голубое озеро, въ которое глядятся розовыя горы. Мало-по-малу горы приближаются, онѣ совсѣмъ скрываютъ озеро, и то обступаютъ двумя тѣсными стѣнами желѣзную дорогу, то расходятся и даютъ мѣсто картиннымъ

долинамъ, виднѣясь только на горизонтѣ голубоватыми и фиолетовыми тѣнями. Рядомъ съ поѣздомъ, забѣгая то справа, то слѣва, прячась и опять шаловливо появляясь, бѣжитъ капризная горная рѣчка. Зеленая, какъ малахитъ, но совершенно прозрачная вода даетъ видѣть прихотливо выложенное камнями и убраннымъ воднымъ мхомъ и блѣдно-зелеными водорослями дно. Тамъ, гдѣ камни скопляются фантастической грудой, вода кипитъ, сердится и перескакиваетъ черезъ препятствія, обдавая камни пушистой массой бѣлыхъ брызгъ, похожихъ на пѣну шампанскаго.

Къ рѣчкѣ рѣзво спускаются тоненькія, стройныя елочки, убѣжавшія впередъ отъ родныхъ вѣковыхъ лѣсовъ, чернѣющихъ выше. Когда кончаются лѣса, виднѣются маленькіе городки, чистенькія деревни, пряничные домики съ большими нахлобученными крышами и балконами во второмъ этажѣ, окружающи-

ми словно поясомъ весь домикъ, къ нимъ стараются дотянуться вьющіяся розы, большія бѣлыя лиліи въ садахъ поднимаютъ къ небу свои чистыя чаши. Надъ деревенькой возвышается тонкій шпигъ колокольни, молчаливо указывая наверхъ.

За деревнями идутъ цѣлыя террасы виноградниковъ, гдѣ возятся дѣти и дѣвушки въ широкополыхъ шляпахъ; добродушные, великолѣпные санбернары словно львы лежатъ у игрушечныхъ сторожекъ. Кое-гдѣ террасы прорѣзаны желѣзной дорогой, видны пласты каменныхъ наслоеній, и по этимъ утесамъ дикаго камня лѣплятся огромные, пышные букеты темно-розовыхъ альпійскихъ розъ, придавая природѣ изысканность декорации. Вдалекѣ иногда обрисуются руины стараго замка на вершинѣ горы, точно орлиное гнѣздо на самой вышинѣ.

Картина мѣняется за картиной.

Поѣздъ останавливается у маленькихъ станцій, сплошь увитыхъ плющемъ и ро-

зами; передъ глазами мелькають горцы въ сѣрыхъ курткахъ, съ высокими, остро-конечными палками, украшенными цвѣтами; румяныя крестьянки въ большихъ шляпахъ, съ корзинами въ рукахъ; ребятишки суютъ въ окна вагоновъ букеты бѣлыхъ бархатныхъ эдельвейсовъ, кондуктора кричатъ «en voiture» и поѣздъ летитъ дальше.

Незамѣтно подкрадывается ночь. Въ синемъ прозрачномъ воздухѣ зажигаются крупныя серебряныя звѣзды; луна бѣжитъ рядомъ съ поѣздомъ, любопытно заглядывая въ окна купэ. Въетъ дивной прохладой, посреди торжественнаго молчанія отдыхающей природы странно слышать грохотъ колесъ, рѣзкіе свистки локомотива, видѣть огни и суету на станціяхъ, мимо которыхъ пролетаетъ поѣздъ.

Огни Pontarlier — граница, 12 часовъ ночи.

Нѣсколько часовъ тревожнаго сна, а

въ пятомъ часу уже солнце заливаетъ вагонъ и не даетъ спать.

Пейзажъ, какъ по мановенію волшебства, перемѣнился. Ни горъ, ни капризно перекинутыхъ мостовъ, ни шаловливой рѣчки.

Мягкія линіи, золотистый свѣтъ надъ хлѣбными полями; спокойно разстилается плодородная Cote d'or, спокойно течетъ широкая Рона, обсаженная вязами и лѣнливо склоняющимися ивами. Рѣже попадаютъ городки и села; тянутся поля, то блѣдно-желтыя, то сине-зеленыя, кое-гдѣ какъ краснымъ бархатнымъ ковромъ густо засыпанныя краснымъ, махровымъ макомъ на протяженіи нѣсколькихъ сажень. Но какъ ни странно, въ противоположность мирному пейзажу, что ни дальше, станціи становятся грязнѣе, народъ оборваннѣе, дѣтишки блѣднѣе, женщины одѣты не такъ чисто, зато болѣе кокетливо. Все меньше встрѣчается сытыхъ, довольныхъ, румяныхъ лицъ, все

больше видишь впалыя щеки, лихорадочно блестящіе глаза, нервные жесты. Мѣрная, пѣвучая рѣчь уступаетъ мѣсто скороговоркѣ. По сторонамъ все чаще начинаютъ вытягиваться закоптѣлыя, дымящіяся трубы фабрикъ, казарменныя стѣны заводовъ; само небо становится сѣрѣе, въ вагонѣ поднимается невольное волненіе,—мы подъѣзжаемъ къ Парижу.

Парижъ!..

Страшное движеніе на улицахъ. Автомобили, летящіе съ непривычно рѣзкимъ стрекотаньемъ, паровыя каретки, трайцикли, бисиклетки простыя и двойныя; бисиклистки, почти утратившія женскій обликъ, въ своихъ короткихъ панталонахъ и мужскихъ шляпахъ, придающихъ имъ видъ немного нахальныхъ мальчугановъ, однѣ или нѣжно поддерживаемыя за талію летящимъ съ ними рядомъ бисиклистомъ. Электрическіе трамваи, ча-

сто въ нѣсколько вагоновъ, допотопные омнибусы, съ трудомъ сдвигаемые съ мѣста угрюмыми першеронами, набитые биткомъ читающими газеты дѣловыми людьми и нагруженными модисточками на имперіалѣ; изящныя викторіи съ искусственно очаровательными парижанками, огромныя бочки, поливающія раскаленный асфальтъ мостовой, повозочки, нагруженныя бѣдными, прелестными, умирающими цвѣтами—цѣлыя *bottes* розовой гвоздики, нѣжно-желтыхъ и темнокрасныхъ розъ, задыхающихся въ атмосферѣ города, хлопанье бичей, наглые окрики кучеровъ въ бѣлыхъ цилиндрахъ, огромныя раскрашенныя афиши на стѣнахъ, рядомъ угловатая фигура Иветты съ рыжими волосами и блѣднымъ лицомъ, и реклама вина Маріани, настоя поддерживающей организмъ Колы. Типичныя выкрикиванія газетчиковъ «Paris-Sport». Цѣлыя толпы мужчинъ и женщинъ у витринъ ювелирныхъ магазиновъ, глаза,

горящіе одинаково жаднымъ огнемъ при взглядѣ какъ на брилліантовую ривьеру въ нѣсколько сотъ тысячъ, такъ и на художественно сдѣланныя стразы; широкіе входы Louvr'a, Bon Marché и Printemps, какъ огромныя пасти, поглощающія каждую минуту десятки и сотни женщинъ, растерянныхъ, трепещущихъ страстной завистью, потерявшихъ сознание времени и мѣста, переполненное публикой кафе, начиная отъ великолѣпныхъ и раззолоченныхъ на большихъ бульварахъ до маленькихъ, подозрительныхъ вертеповъ Clichy, и ни одного женскаго лица безъ ярко накрашенныхъ губъ, ни одного почти еще дѣтскаго личика съ наивными глазами...

Все это куда-то спѣшить, торопится, поспѣваетъ, и всѣ, какъ въ характерной картинѣ Рошгросса, летятъ за счастьемъ. А оно, насмѣхаясь и издѣваясь, ежесекундно мѣняясь на тысячу новыхъ ладовъ, летитъ впереди ихъ, манитъ, тя-

нетъ, смѣется и не дается никому въ руки.

Странное, тревожное, именно тревожное впечатлѣніе кладетъ на душу этотъ странный, тревожный городъ, «Ville-lumière», какъ зовутъ Парижъ его поклонники.

Особенный воздухъ, особенный запахъ Парижа не можетъ не кинутся въ голову, какъ крѣпкое вино, въ который бы разъ вы туда ни прїѣзжали.

Моментально начинаетъ казаться, что только въ Парижѣ такъ горитъ электричество, такъ пахнетъ асфальтомъ, газомъ, цвѣтами, пудрой и вспырнутой дождемъ листвою каштановъ на бульварахъ; что только тамъ такъ красиво сквозь изящный силуэтъ триумфальной арки алѣетъ закатъ и въ золотистой дали туманно синѣетъ Булонскій лѣсъ; что только тамъ такъ загадочно вырисовывается въ розоватомъ отливѣ заходящаго солнца тонкій абрисъ обелиска, и что только тамъ

каждое зданіе, каждый памятникъ, каждый камень полны значенія, потому что въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отразились цѣлыя столѣтія историческаго развитія Франціи, ея борьбы, ея поражений и побѣдъ, и торжество ея цивилизаціи, которое, кажется, дошло до апогея.

Не правда ли, всегда бываетъ немного грустно смотрѣть на что-нибудь достигшее почти полной степени совершенства? Если взять жизнь человѣческую, какъ ее любили изображать древніе мудрецы, въ видѣ линіи сначала восходящей, а потомъ нисходящей, то понятно, что послѣ кульминаціонной точки она идетъ внизъ. И пріятнѣе видѣть ребенка, который еще весь будущее, чѣмъ человѣка, перешагнувшаго полный расцвѣтъ силъ, который уже начинаетъ становиться прошлымъ.

Парижъ дошелъ до кульминаціонной точки во многихъ отношеніяхъ, и теперь онъ идетъ внизъ. Какъ древняя Александ-

рія, какъ Аѳины, какъ Римъ эпохи упадка, онъ дошелъ до такихъ предѣловъ, дальше которыхъ итти некуда. Вѣяніе порока виднѣется здѣсь вездѣ, въ каждомъ женскомъ лицѣ, будь это блѣдный профиль аристократки, промелькнувшей въ купэ, или жалкое, накрашенное лицо голодной бѣдняги, бродящей ночью по бульварамъ; въ каждой дѣтской мордочкѣ, на которую неумолимая наследственность наложила роковую печать анеміи и вырожденія; оно царитъ вездѣ,—въ тѣхъ ничего нестыдящихся парочкахъ, которыя ходятъ и ѣздятъ обнимаясь и цѣлуясь, вынося на улицу свои самыя интимныя ощущенія; въ каждомъ возгласѣ уличнаго воупо, для котораго въ Юльѣ уже нѣтъ тайны ни въ чемъ и нигдѣ; въ каждомъ взглядѣ мужчины на женщину; и это вѣяніе до того замѣтно, до того сильно, что невольнымъ, смутнымъ страхомъ оно сжимаетъ сердце.

Но странно, какъ на кладбищахъ вы-

растают самые пышные цвѣты и самую тучную жатву собираютъ на полѣ послѣ битвы, удобренномъ кровью человѣческой,—такъ и здѣсь, на развалинахъ всѣхъ иллюзій, всѣхъ идеаловъ, какъ новыя слова звучать давно забытыя идеи правды, красоты, добра; борцы за нихъ—сильнѣе прежнихъ, потому что легче заставить принять новую вѣру, чѣмъ вернуться къ поруганной старой.

Они не пугаются трудностей, и вотъ, литература, живопись, музыка даютъ яркіе таланты; новые всходы возрастаютъ и на руинахъ прошлаго. Какъ чудный цвѣтокъ, зацвѣтаетъ новая поэзія.

Заговоривъ о французской поэзіи, я должна сказать нѣсколько словъ о даровитѣйшемъ изъ молодыхъ поэтовъ—о Ростанѣ.

За послѣдніе годы во французской литературѣ началъ совершаться замѣтный переворотъ. Реалисты, натуралисты, за ними парнасцы, за ними символисты,

каждый въ своемъ родѣ исчерпалъ до дна свою систему и выпилъ свой бокаль; въ смыслѣ изображенія самыхъ рискованныхъ сторонъ жизни имъ некуда больше итти.

Они заставили литературу слѣдовать за ними во всѣ углы и закоулки порока. Въѣстѣ съ Зола она посѣщала всѣ парижскіе вертепы, присутствовала при убивающемъ душу развратѣ во всѣхъ слояхъ общества, начиная отъ теплицы, полной ядовитыхъ растений, и кончая землей, запущенной, озвѣрѣлой деревней.

Въѣстѣ съ Bourget она побывала въ приютахъ адюльтера и холостыхъ квартиркахъ разочарованныхъ виверовъ.

Въѣстѣ съ Prevost и Mendes'омъ она задыхалась въ душныхъ будуарахъ, отравлялась духами и часто создавала себѣ искусственныя наслажденія.

Въѣстѣ съ Луисомъ она созерцала сцены античной страсти, откровенной до

разнузданности и захватывающей до обморока.

Для нея не было ничего новаго. Она подчинялась всѣмъ ихъ капризамъ. Она бросала въ краску молодыхъ дѣвушекъ, нашептывала грѣшныя тайны юношамъ и соблазняла честныхъ женщинъ.

Ее раздѣли донага, и имъ оставалось развѣ только убить ее, чтобы насладиться видомъ терзаній и крови.

Но въ это время на защиту ея, сначала робко, потомъ отважнѣе, выступили два-три писателя. Они захотѣли заставить ее опомниться, дать ей вздохнуть чистымъ воздухомъ, напомнить ей, что есть румянецъ стыдливости у женщинъ, нетронутыя уста у дѣвушекъ, благородныя души у мужчинъ.

Они вернули ей, какъ потерянные и снова найденные брилліанты, забытыя слова, и робкими шагами она начала итти, за ними, оживать, оправляться...

Къ числу этихъ защитниковъ, этихъ борцовъ принадлежалъ Ростанъ.

Нѣжнымъ лепетомъ своихъ романтиковъ, экстазомъ своей принцессы Грезы, наконецъ, глубокой вѣрой Самаритянки, онъ внесъ нѣсколько перловъ въ область французской поэзіи.

Впервые за долгіе годы, благодаря ему, она вспомнила добрый, дорогой ликъ Божественнаго Учителя: раздались Его полныя милосердія слова къ падшей душѣ; люди, забывшіе Евангеліе, вспомнили его, слушая полные простоты стихи Ростана; это уже много, и поэзія, какъ отверженная Самаритянка, поняла, что надо вѣрить, чтобы быть прощенной.

Ихъ еще немного пока, этихъ борцовъ, но они не должны отступать; придетъ минута и, какъ говорить поэтъ:

«Міръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ
крови»

и поднять къ нимъ руки, моля простоты и правды.

Ростанъ совсѣмъ еще молодой человекъ, блѣдный, нервный, немного женственный. Тонкія черты его лица выражаютъ крайнюю впечатлительность; большіе, все время точно грустные глаза измѣняются и загораются, когда онъ читаетъ стихи; какъ большинство французовъ, онъ хорошо владѣетъ дикціей и мастерски читаетъ стихи, хотя и замѣчательно просто (что составляетъ рѣдкость у нихъ).

Намъ нѣсколько разъ привелось слышать его читающимъ; онъ никогда не отказывается и безъ малѣйшей рисовки читаетъ, когда его просятъ. Мнѣ вспоминается первый вечеръ, проведенный въ его изящномъ небольшомъ отелѣ, въ одномъ изъ отдаленныхъ кварталовъ Парижа, гдѣ воздухъ чище и меньше суеты.

Отель отдѣланъ съ строгимъ вкусомъ, но не всѣ еще комнаты меблированы.

— Эдмондъ меблируетъ главныя комнаты своими пьесами, — смѣясь объясняетъ хозяйка дома, очаровательная тоненькая блондинка, золотистыя кудри которой, вѣроятно, были причиной того, что всѣ героини Ростана бѣлокуры.

— Мы ждемъ слѣдующей пьесы, чтобы омеблировать hall!

Но всѣ единодушно протестуютъ, находя, что hall и такъ хорошъ.

Эта комната въ родѣ концертнаго зала, въ два свѣта, отдѣланнаго деревомъ, одна половина его на нѣсколько ступеней выше другой и отдѣляется отъ нея рѣзной балюстрадой; внизу раскиданы кресла и диваны, наверху — только одинъ рояль.

Отсутствіе драпировокъ, бездѣлушекъ и т. д. придаетъ комнатѣ слегка средне-вѣковъ видъ, видъ оригинальный и привлекательный, можетъ быть, именно кон-

трастомъ съ приглядѣвшимися глазу зеркалами, цвѣтами, плюшемъ и затканными экранами.

Поэтому незамѣтно все общество, послѣ обѣда, переключивается туда съ чашками кофе. Составлявшіе убранство сервировки желтые васильки и бѣлые флокусы (въ Парижѣ цвѣты вездѣ и всюду) перешли въ руки дамъ. Бесѣда идетъ легче и интимнѣе въ немного фантастической обстановкѣ. На хорахъ мелькаетъ свѣтъ, рѣзное оконце отворяется, и оттуда выглядываютъ двѣ освѣщенные головки—это сыновья Ростана, хорошенькіе, какъ головки Мурильо; младшій—прямо херувимъ, старшему почти семь лѣтъ, но матери его на видъ не дашь больше 20-ти; въ своемъ открытомъ лифѣ, усыпанномъ фіалками (здѣсь обѣдаютъ въ вечернихъ туалетахъ, и женщина, не открывающая плечъ, рискуетъ прослыть чуть ли не калѣкой), она выглядитъ совсѣмъ дѣвочкой.

Небольшое общество состоитъ изъ нѣсколькихъ парижанъ, между ними извѣстный критикъ съ сѣдой красивой головой (парижскій «Графъ Жасминовъ»), красавица madame L. съ профилемъ римской императрицы и темно-рыжими волосами.

Изъ нашихъ соотечественниковъ: князь Барятинскій съ женой, извѣстной Петербургу артисткой Л. Б. Яворской, съ такимъ успѣхомъ создавшей на сценѣ Литературно-артистическаго кружка «Принцессу Грезу», а въ Москвѣ «Романтиковъ», и не менѣе извѣстная Петербургу пѣвица Литвинъ.

Вотъ одна изъ загадокъ, которую не разрѣшилъ бы самъ Эдипъ. Безспорно одинъ изъ лучшихъ голосовъ, которые есть и были когда-либо на русской сценѣ; артистка почему-то поетъ и въ Лондонѣ, и въ Испаніи, и во Франціи, и въ Америкѣ съ громаднымъ успѣхомъ, а у насъ жалуются, что нѣтъ голосовъ.

Впрочемъ, это не единственный слу-

чай: въ Парижѣ есть художникъ, извѣстный буквально всей Европѣ и всей Америкѣ, сдѣлавшій себѣ большое имя въ Парижѣ,—это Юрій Як. Леманъ, который до сихъ поръ, несмотря на свою бѣлую бороду, коверкаетъ французскія фразы и которому мѣсто въ Россіи, какъ гордости нашихъ картинныхъ галлерей,— и что же? Въ Россіи его очень мало кто знаетъ, а если знаютъ, то только специалисты.

Мы щедро отдаемъ наши таланты чужимъ странамъ, забывая, что отнимаемъ ихъ у себя.

Это отступленіе невольно пришло мнѣ въ голову, когда я слышала удивительный голосъ г-жи Литвинъ, очаровавшей всѣхъ и вызвавшей неподдѣльные аплодисменты, когда она спѣла стансы Сафо, арію Далилы, Вагнера и точно вызовъ бросила безъ аккомпанеента призывъ Валькиріи, звонко отдавшійся подъ сводами потолка; стоя у рояля, вся въ чер-

номъ, своей спокойной красотой пѣвица дѣйствительно производила впечатлѣніе Валькириі.

Присутствующие заинтересовались и другою отраслю русскаго искусства. Принялись просить г-жу Яворскую прочесть русскіе стихи.

Артистка, смѣясь, отказывается:

— Но вѣдь для васъ это будетъ все равно, что китайскіе стихи!..

Но Ростанъ стоитъ на своемъ; его интересуеть, какъ звучить «Princesse Lointaine» по-русски.

— Вотъ кстати и балюстрада, и лѣстница, вы вся въ бѣломъ,—вообразимъ, что мы въ театрѣ.

Артистка соглашается, но мало-по-малу привычныя фразы увлекаютъ ее, она забываетъ о слушателяхъ,—вѣрнѣе, о зрителяхъ, и входитъ въ роль.

М-ме Ростанъ вся внимание; она знаетъ наизусть всѣ стихи, и когда она, благодаря имени или сходному съ француз-

скимъ слову, угадываетъ, о чемъ идетъ рѣчь, она улыбается, довольная, какъ ребенокъ.

Парижскій «Графъ Жасминовъ» съ благосклоннымъ удивленіемъ смотритъ на русскую артистку.

Когда она кончаетъ и сходитъ съ лѣстницы, начинается оживленный говоръ. Сравниваютъ ея жесты и мимику съ парижской «Принцессой».

Всѣ находятъ, что стихотворная русская рѣчь гармонична и прямо ласкаетъ слухъ, стараются повторить русскія риѣмы...

Артистка требуетъ награды и къ ней единодушно присоединяются всѣ.

Ростанъ долженъ прочесть стихи.

Поэтъ не хочетъ быть въ долгу; онъ нервнымъ жестомъ проводитъ по волосамъ и начинаетъ читать свои стихи.

Этими странными, тонкими стихами мнѣ хочется закончить сегодняшній

фельетонъ, и хотя они много потеряютъ въ моей слабой передачѣ,—я попытаюсь.

Онъ назвалъ ихъ «L'heure charmante»— «Прелестный часъ»; оставимъ имъ это названіе.

Подъ звуки музыки обѣдъ кончался поздно.
 Весь старый паркъ блестялъ, элегію забывъ;
 Порою вѣтерка душистаго порывъ
 Покачивалъ въ вѣтвяхъ легко и граціозно
 Цвѣтныя чашечки японскихъ фонарей,
 Лиловыхъ, розовыхъ и палевыхъ огней.
 Ихъ отраженія, какъ тонкія спирали,
 На водахъ озера, колеблясь, умирали.
 То чудный вечеръ былъ!.. Сливались, какъ сквозь
 сонъ,

Природы красота и прелесть декораций;
 Листва столѣтнихъ липъ и молодыхъ акацій
 Смыкалась въ вышинѣ, какъ сказочный плафонъ.
 Въ отверстія ея смотрѣли къ намъ, мерцающа,
 Далекіхъ звѣздъ огни; и тихо въ этотъ часъ
 Безпечная любовь царила между насъ,—
 Любовь свободная, глубокая, живая.
 Куда-то далеко дѣйствительность ушла.
 Все залито луной, и сосенъ силуэты,
 Какъ блѣднымъ бархатомъ, сіяніемъ одѣты:

Въ убранствѣ тщательно накрытаго стола
Исчезъ порядокъ весь; на канделябрахъ строй-
ныхъ

Рядъ огоньковъ дрожить, веселыхъ, безпокой-
ныхъ,

Прикрытыхъ розовымъ щиткомъ цвѣтной тафты,
Прозрачно-розовыхъ, какъ странные цвѣты.

То чудный вечеръ былъ, волшебный, незабвен-
ный;

О немъ не вспомнить намъ безъ грусти сокро-
венной.

Аристократія талантовъ и умовъ,

Аристократія сердець неповседневныхъ,

Тѣ взгляды, полные значенія безъ словъ,

Молчанье, полное мечтаній задушевныхъ.

На мигъ—задумчивость, и съ новымъ вдругъ
огнемъ

Польется разговоръ, души коснется страстно

Рѣчь вдохновенная, звучащая согласно

Одной вибраціей съ чистѣйшимъ хрусталемъ;

Въ бокалахъ искрилось живительное Асти,

И, подчиняя насъ своей красивой власти,

Старалась роскошь насъ блаженствомъ окру-
жить.

Фиалки на столѣ набросаны небрежно,

Однѣ, темнѣй, еще благоухали нѣжно;

То были Пармскія... онѣ хотѣли жить—

То были Пармскія: лѣсныя—умирали.
 Какъ будто сорвана невидимой рукой,
 Вдругъ трепетала вся одна изъ розъ порой,
 И лепестки ея всѣ сразу облетали.
 Въ малѣйшей складочкѣ, въ изяществѣ цвѣтка,
 Во всемъ—скрывались здѣсь изящества вѣка;
 Вѣка развитія въ малѣйшей фразѣ крылись;
 И въ каждомъ пустякѣ такъ ярко отразились
 Вѣка борьбы и жертвъ и духа торжество
 Надъ первобытною матеріей тяжелой.

А разговоръ лился, изящный и веселый;
 Касались музыки, поэзіи,—всего,
 И метафизики... Былъ шумъ и смѣхъ повсюду,—
 Напрасно въ тишь и въ ночь манила темнота.
 Вотъ подали на столъ лѣсной клубники груды.
 Пунсовымъ ягодамъ—пунсовыя уста
 Прелестныхъ лакомокъ лукаво улыбались;
 Онѣ доврчивѣй къ сосѣду нагибались,
 И пополамъ, смѣясь, дѣлили свой миндаль;
 А рядомъ вспыхнулъ споръ и слышалось «Стен-
 даль».

На вянущихъ цвѣтахъ играли блики свѣта;
 Въ бокалахъ таялъ ледъ прозрачнаго сорбета.
 Минутой странный васъ охватывалъ экстазъ.
 Что было поводомъ для этого экстаза?
 Быть можетъ, полная глубокой тайны фраза,

Движеніе рѣсницъ и взглядъ глубокихъ глазъ;
 А можетъ быть, и видъ какой-нибудь бездѣлки,
 Десертный ножичекъ особенной отдѣлки.
 То былъ тотъ дивный часъ, когда въ уставшей

заль

Съ террасы свѣжая вливается прохлада;
 Когда, облокотясь, оставивъ свой бокаль,
 Мечтаешь безъ конца надъ кистью винограда.
 И рѣчь становится загадочнѣй, смутнѣй,
 И непонятные намеки слышишь въ ней.
 Любовь свободная, глубокая, живая,
 Безпечная любовь царила между насъ,
 И были мы дѣтьми въ блаженный этотъ часъ.
 Кто говорилъ стихи, кто умолкаль, мечтая.
 Зажглись огни сигаръ и легкій дымъ гаваннѣ
 Головки дамъ облекъ, какъ голубой туманъ.
 У самыхъ сдержанныхъ отвѣтовъ рядъ задор-
 ныхъ
 Вертѣлся на устахъ; въ петлицахъ фраковъ чер-
 ныхъ
 Явились звѣздочки душистыя гвоздикъ,
 Похищенныхъ у вырѣзныхъ корсажей.
 Вотъ отдаленный вальсъ лукаво къ намъ про-
 никъ,
 И отраженіемъ несбыточныхъ миражей
 Въ глазахъ мечтательницъ зажегъ онъ странный
 свѣтъ.

Теперь онъ едва находятъ намъ отвѣтъ
И, кольца на рукахъ ломая машинально,
Слѣдятъ, какъ вальсъ звучить и сладко, и пе-
чально.

А ночь вливается весеннею волной,
И запахомъ цвѣтовъ весь полонъ садъ ночной;
И ароматъ духовъ, и дымъ сигары цѣнной
Легко сливаются съ душистымъ вѣтеркомъ.
То чудный вечеръ былъ, волшебный, незабвен-
ный,
О немъ не вспомнить намъ безъ грусти сокро-
венной!
О, тихій, нервный смѣхъ... И долгій взглядъ
тайкомъ.

Остроты, полныя насмѣшки утонченной,
Гримаска милая притворно огорченной,
Тутъ философіи возвышенная рѣчь,
А здѣсь эстетика, идеи, идеалы,—
Горячія слова... А тамъ—пожатые плечи
Въ отвѣтъ на полные намековъ мадригалы.
Свѣжѣть. На плечи накинуть тюль и газъ,
Слегка наводитъ дрожь вечерняя прохлада;
Но пары прячутся въ аллеяхъ темныхъ сада,
Скрываются вдвоемъ отъ любопытныхъ глазъ.
Во мракъ статуи склоняются, бѣлѣя,
И манить къ озеру душистая аллея.
Цвѣтныя звѣздочки скользятъ со всѣхъ сторонъ.

На лодкахъ свѣтъ, огни, и мандолины звонъ,—
 И пѣсня нѣжная своей истомой сладкой
 Охватываетъ всѣхъ какой-то лихорадкой.
 И нервы подняты, и блѣдность на челѣ,
 И сердце сладкій сонъ вкушаетъ на землѣ.
 То чудный вечеръ былъ, волшебный, незабвенный,
 О немъ не вспомнить намъ безъ грусти сокро-
 венной.

Невольно смолкли мы, а вѣтерокъ ночной
 Всѣ свѣчи потушилъ и тѣшилъ надъ нами:
 Пугая, заставляя подъ темными вѣтвями
 Пожаромъ запылать фонарикъ расписной.
 И чудный вечеръ тотъ намъ былъ прекраснѣй
 вдвое

Своей безпечностью, тревожностью своей.
 И пробуждалось въ насъ сомнѣнье роковое,
 Что гибель ужъ близка,—что отданы мы ей.
 Нашъ праздникъ былъ хорошъ, хорошъ своей
 печалью,—

Какъ все, что кончиться и умереть должно:
 И этотъ яркій свѣтъ, и пѣсни, и вино,
 Біеніе сердець, и тамъ за синей далью
 Входящая луна, и музыка, и смѣхъ,
 И женщинъ красота, и на устахъ у всѣхъ
 Остроты легкія,—изящная небрежность
 Сердцецъ испорченныхъ, но утонченныхъ нѣж-
 ность,

Смѣшеніе умовъ всѣхъ націй и всѣхъ расъ.
И жемчугъ, и стихи, и розы, и искусство—
Все это было здѣсь... И странное всѣхъ насъ
Невыразимое охватывало чувство,
Когда мы думали, что скоро безъ слѣда
Погибнетъ это все, погибнетъ—навсегда.

Парижъ, 12 августа.

Въ семейство пригласили гостить родственниковъ изъ провинціи. Родственники дальніе, но въ будущемъ отъ нихъ можно ожидать наслѣдства, и поэтому къ ихъ приему начинаютъ усиленно готовиться. Кабинетъ барина превращаютъ въ спальню для дядюшки; тетюшкѣ устраиваютъ постель въ спальнѣ барыни; барина прогоняютъ: ему будутъ ставить походную кровать въ столовой. Наконецъ, пріѣзжаетъ горничная съ вещами. Оказывается, родственники намѣрены поселиться чуть ли не на весь годъ! Масса сундуковъ, бауловъ, корзинокъ наводняетъ квартиру... Барину надо искать важныя бумаги—онѣ находятся подъ столомъ, обращеннымъ въ умывальникъ. На барынины воздушныя платица въ гардеробѣ повѣсили пропи-

танные нафталиномъ дядюшкинъ халать и тетушкинъ салопъ. Всюду валяются картонки, чубуки, пахнетъ лѣкарствами; съ горничной прѣехали двѣ моськи, кошка и попугай; лай, крикъ, пискъ... Отъ чердака до погреба все занято, набито, разбросано, хорошенькаго гнѣздышка не узнать, обѣдъ заказанъ къ тремъ часамъ вмѣсто шести; голодный баринъ, которому поэтому не дали позавтракать, рветъ на себѣ волосы; барыня собственноручно подметаетъ полъ и горько плачетъ, упрекая мужа за родственниковъ; прислуга требуетъ расчета—а гости уже во дворѣ.

Вотъ въ какомъ положеніи сейчасъ Парижъ, благодаря выставкѣ 1900 года.

Парижъ! Приходило ли вамъ когда-нибудь въ голову, что такое Парижъ?

Ну да, конечно, «столица Франціи, расположенная на рѣкѣ Сенѣ, столько-то миллионовъ населенія» и т. д., какъ поучаетъ насъ блаженной памяти учебникъ Малинина. Нѣтъ, это не то.

Обо всякомъ другомъ городѣ, благодаря ли географіи, описаніямъ, путешествіямъ, благодаря ли знакомству съ людьми изъ этихъ большихъ городовъ—Петербургомъ, Берлиномъ, Женевой, Вѣной—можно себѣ составить хоть приблизительное понятіе. Большіе дома, красивыя зданія, прямыя улицы, электричество, роскошные магазины, памятники великихъ людей, словомъ, все, какъ быть должно, все болѣе или менѣе по одному шаблону.

Парижа—представить себѣ нельзя, его мало видѣть — его надо почувствовать. Парижъ—это нѣчто живое, одухотворенное, тысяческое, постоянно движущееся, каждое мгновеніе мѣняющееся и вѣчно неизмѣнное. Недаромъ французскіе поэты, беллетристы, романисты—такую конкретную любовь любятъ свой Парижъ.

Они описываютъ каждый его уголокъ, каждый камень мостовой, каждое дерево бульваровъ, какой-нибудь закоулокъ пар-

ка, колонны Мадлены, аркады Риволи— все это для нихъ полно таинственнаго значенія, живетъ, мѣняетъ настроеніе вмѣстѣ съ ними и отвѣчаетъ ихъ душѣ.

Никому изъ нашихъ писателей и особенно поэтовъ не придетъ въ голову воспѣвать Египетскій мостъ или прелести Мясницкой улицы, описывать Петербургъ или Москву не какъ случайную декорацию романа, а описывать именно городъ самъ-по-себѣ, такъ тщательно, съ такой любовью останавливаясь на каждой маленькой подробности обстановки. Прочтите Зола, Мопассана, Коппе, да, наконецъ, cadaго изъ французскихъ беллетристовъ, начиная съ В. Гюго, — и вы увидите, что Парижъ играетъ огромную роль въ ихъ творествѣ, что безъ Парижа половина ихъ романовъ, ихъ поэмъ, потеряла бы всякій интересъ. Парижъ живетъ вмѣстѣ съ ними.

Видятъ ли они изъ окна мастерской художника пестрый, безпечный, полуго-

лодный монмартръ, надъ которымъ, какъ странный символъ, рѣзко выдѣляясь на темно-синемъ небѣ, кружатся огненные крылья красной мельницы. Смотрятъ ли они изъ роскошнаго частнаго отеля на пышную зелень чиннаго парка Монсо; уходятъ ли въ прошлые вѣка подъ сводами собора Парижской Богоматери; любуются ли пестрою панорамой предмѣстій Парижа, скользя въ легкомъ пароходѣ по зеленоватымъ водамъ Сены — городъ не покидаетъ ихъ, онъ держитъ ихъ подъ своимъ внушеніемъ, не отпуская ни на минуту, окружаетъ ихъ незамѣтнымъ, но необходимымъ имъ, какъ воздухъ, вліяніемъ. Солдаты, посланные въ Индію, мрутъ отъ желтой лихорадки, кавказцы, попавшіе на сѣверъ Сибири, погибаютъ отъ ледянаго дыханія холода; лишите парижанина Парижа — и онъ умретъ отъ ностальгii. — *La nostalgie de Paris!* говорили мнѣ парижане — (это не значить уроженцы Парижа, но люди, разъ попавшіе

туда, откуда бы то ни было, съ Пиренеевъ, изъ цвѣтушей Нормандіи, изъ пылкаго Марсея, изъ суровой Бретани и оставшіеся тамъ). Тоска по Парижу—это хуже, чѣмъ тоска по родинѣ.

Парижъ въ первый разъ даже не всегда нравится. Это бываютъ такія лица: первое впечатлѣніе слишкомъ сильно, чтобы быть пріятнымъ; потомъ начинаешь вглядываться, всматриваться, открывать что-то интересное... привлекательное... наконецъ,—обаятельное, и потомъ кажется, что лучше этого лица и не встрѣчалъ.

И вотъ, теперь — Парижа не узнать. Обыкновенно—это прелестное время для наблюдателя. Мы въ половинѣ августа; это уже не тотъ Парижъ, оживленный, сверкающій, блистательный, который мы видимъ зимою; это уже и не Парижъ иностранцевъ. Конецъ апрѣля, май, половина іюня—Парижъ полный эксцентричныхъ туалетовъ, американскихъ выѣздовъ, англійской рѣчи, — удваивающій шумъ,

оживленіе, веселье до головокруженія, благодаря наплыву людей, несущихъ ему золото и жажду развлеченій, чтобы оставить первое и удовлетворить второе.

Нѣтъ теперь въ Парижѣ никого; Парижъ усталъ, измученъ, онъ хочетъ отдохнуть, и смотрѣтъ на него необычно и хорошо, какъ на очень дѣятельнаго, всегда лихорадочно-торопящагося чело-вѣка, который вдругъ притомился бы и сѣлъ сложа руки. Смертельные удары измучили Парижъ. Деревья, чудесные каштаны бульваровъ, стоятъ сожженныеюлемъ. Время-отъ-времени порывъ горячаго вѣтерка встряхнетъ мощное дерево акаціи, выглядывающей изъ-за ограды, и тогда тихо падаютъ на землю сотни мелкихъ, ярко-желтыхъ листочковъ, блестя на солнцѣ, какъ золотой дождь, сверкая искорками на фонѣ еще свѣжей зелени всего дерева. Асфальтъ тротуаровъ весь усыпанъ, устланъ желтыми, крас-

ными, коричневыми листьями, похожими на лепестки фантастических цвѣтовъ, до того прихотливо раскрасила ихъ осень карминомъ, ржавчиной и позолотой. Кажется, что только что прошла по улицѣ какая-нибудь пышная процессія, чьи-нибудь похороны, — такъ оно и есть: здѣсь хоронили лѣто.

Гирлянды винограда и вѣтки плюща, тамъ и сямъ свѣшивающіяся чрезъ чугунныя рѣшетки садовъ, уже краснѣютъ. Велика потребность французовъ «украсить»; всѣ маленькіе балкончики передъ окнами наполнены цвѣтами, образующими цѣлыя корзины, каждый выступъ, каждый камень, гдѣ только можно, обвить зеленою, брошена на него какая-нибудь цѣпкая, выющаяся вѣтка. И до чего кокетливы эти вѣтки на темномъ чугунѣ ограды, эти изящные темно-пунцовые и зеленые листья, вырѣзанные такъ прихотливо великою художницею — природой, до чего красивы голубые и лиловые, и розовые

шары гортензій, выглядывающей изъ широкихъ листьевъ своихъ...

Въ палисадникахъ доцвѣтають послѣднія розы; при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка онѣ вздрагивають и безсильно роняють лепестки; зеленый дернъ подъ ними весь усыпанъ бѣлыми, розовыми, желтоватыми лепестками. Скверы убраны геліотропомъ, подъ жаркими лучами солнца торопящагося сильнѣе, сильнѣе благоухать; лиловый бархатъ его цвѣтовъ уже обожженъ наполовину и сталъ коричневымъ, но запахъ его все полонъ ванили.

Тамъ и сямъ, среди зеленого газона, раскиданы красивыми пятнами клумбы красной или розовой герани. Въ воздухѣ носится мелкая пыль фонтановъ.

По улицамъ медленно проѣзжаютъ повозочки съ осенними плодами и овощами, чудесныя шаррѣтки съ цвѣтами. Каждая изъ нихъ могла бы служить великолѣпной *nature morte* для аква-

релиста. Ярко-пунцовые, глянцевитые помидоры рядомъ съ продолговатыми фиолетовыми баклажанами, золотистые абрикосы, прозрачный свѣтло-зеленый виноградъ, румяныя сливы, темно-сѣрые съ красноватымъ отливомъ персики—все это переложено виноградными листьями и такъ и просится на картину вмѣстѣ съ молоденькой продавщицей въ синенькомъ платьицѣ, въ передничкѣ, не торопясь толкающей свою телѣжку. У нея пышные каштановые волосы, лукавые глаза и бѣлые зубы, блестящіе въ улыбка небольшаго рта; она смѣется и перебрасывается замѣчаніями со знакомыми, словно для нея игра—везти эту повозку въ жаркій день по мостовой.

А вотъ, у телѣжки съ цвѣтами типичная старуха, въ чепцѣ, старуха изъ поэмъ Коппе! Дряхлая, сгорбленная, она едва двигаетъ телѣжку. У нея коричневое морщинистое лицо, сѣдые волосы, а въ дрожащихъ, старыхъ пальцахъ—свѣ-

жія, нѣжныя розы на длинныхъ стебляхъ. Она продаетъ послѣднія розы!..

Не пожалѣйте десяти сантимовъ, возьмите пучокъ розъ у нея: это, быть можетъ, ея послѣднія розы!..

Не пожалѣйте десяти сантимовъ, возьмите пучокъ розъ у нея: это, быть можетъ, ея послѣдніе дни!..

По улицамъ разносятся всевозможные запахи — то пряные отъ овощей, то сладкіе отъ цвѣтовъ, они смѣшиваются съ запахомъ горячаго, только что политаго асфальта, газа, деревьевъ, травы... и даютъ тотъ особенный, удивительный запахъ Парижа, который нельзя забыть, котораго нѣтъ ни въ одномъ городѣ кромѣ него.

Движеніе не такъ шумно. На улицахъ играютъ дѣти, парижскіе мальчуганы съ голыми икрами, въ глухихъ черныхъ передникахъ, закрывающихъ все платье... Молодыя женщины «en cheveux» перебѣгаютъ черезъ улицу... У открытыхъ

дверей домовъ мирно бесѣдуютъ консьержи и ихъ почтенныя супруги... На скамьяхъ бульваровъ старички, грѣясь на солнцѣ, читаютъ газеты...

Это—время отдыха, успокоенія, сіесты! Все мирно, тихо, безмятежно...

И вдругъ эта милая эпоха теперь нарушена; Парижъ выбить изъ колеи, лишень покоя и равновѣсія, Парижъ не узнаеть самъ себя.

Душевный миръ нарушень тѣмъ, что въ Парижѣ лаконично называютъ «l'affaire», т.-е. дѣломъ Дрейфуса.

Листки съ отчетомъ о реннскихъ засѣданіяхъ вырываются у заморенныхъ camelots; редакціи работаютъ не переставая днемъ и ночью, выпуская прибавленія, добавленія, телеграммы и т. д. На улицахъ кучера доходятъ до драки; въ кабачкахъ кровопролитія; мужья перестаютъ разговаривать съ женами; число разводовъ увеличивается; старые друзья не кланяются другъ другу, и

даже дѣти бранятся подхваченными на улицѣ выраженіями, въ родѣ — «Espèce de Zola!»

Но объ этомъ теперь столько говорятъ и столько пишутъ, что я считаю лишнимъ что-нибудь прибавлять, и перейду къ тому, что нарушило внѣшній миръ и порядокъ парижанъ, т.-е. къ выставкѣ.

Города дѣйствительно не узнать: не то послѣ баррикадъ, не то послѣ землетрясенія.

Всюду строятъ, роютъ, взрываютъ, выворачиваютъ землю; здѣсь чернѣютъ глубокія ямы, тамъ возвышаются груды кирпичей, камней, кучи песка, котлы съ какимъ-то цементомъ, заборы тамъ, гдѣ ихъ никогда не было; грохотъ машинъ, стукъ топоровъ, визгъ пилы, лязгъ желѣза... облака известки... на коврахъ газона валяющіеся рабочіе... Словомъ, безпорядокъ невообразимый. Парижане недовольны.

Родственники загромодили квартиру,

надѣлали хлопотъ... и если хозяева молчать, то только потому, что въ розовой дали виднѣется наслѣдство!..

А выставка обѣщаетъ быть грандіозной.

Нѣтъ государства, нѣтъ самой крошечной республики, которая не приняла бы, кажется, въ ней участія. Огромное пространство занято ей; оба берега Сены застраиваются; Елисейскія поля, Марсово поле, эспланада Инвалидовъ—отъ Place de la Concorde до Гренельской набережной, со всѣми прилегающими набережными, улицами и площадями. Работа въ полномъ разгарѣ. Всюду рабочіе: французы въ синихъ блузахъ, черные итальянцы въ бархатныхъ курткахъ, англичане съ сосредоточенными лицами и челюстями бульдоговъ, въ полосатыхъ фуфайкахъ, красныя рубахи нашихъ костромичей...

Я иду на русскую стройку, у Трокадеро, гдѣ возводится «Кремль» — па-

вильонъ окраинъ, Сибири и Азіи, и гдѣ пройдетъ панорама сибирской желѣзной дороги передъ окнами вагоновъ, въ которыхъ будетъ устроенъ ресторанъ. Пока здѣсь еще только роютъ, копаютъ; русскій лѣсъ сложенъ въ тѣни сквера Трокадеро и бродятъ мужики въ красныхъ рубахахъ, какъ у себя дома.

Только Россія и Англія привезли свой матеріаль и своихъ рабочихъ. Собственно, обошлось это такъ дорого, что чуть ли не дешевле было приобрѣсти строевой лѣсъ на мѣстѣ! Французская администрація вообще поскупилась на свѣдѣнія и Россію ждалъ сюрпризъ: съ перваго корабля за право ввоза взыскали 35,000 франковъ; такъ какъ будетъ не менѣ четырехъ кораблей, то значить одной пошлины придется уплатить около полутора ста тысячъ. Это «немножко много», и хотятъ вести переговоры о возвращеніи этихъ денегъ, что, впрочемъ, сомнительно. Англіи пришлось особенно

много заплатитъ, потому что у нея не только лѣсъ, а до послѣдняго буквально гвоздя— все свое. Что касается рабочихъ, то они себя здѣсь чувствуютъ недурно.

Имъ выстроены бараки; для cadaго деревянная кровать (ихъ всѣхъ сто двадцать человѣкъ и ждутъ партію еще въ шестьдесятъ). Все это чисто и опрятно; надъ кроватями уже висятъ шитыя полотенца съ пѣтухами и скромныя иконки, блестящія фольгой; деревенскіе образки, купленные у коробейника или принесенные отъ святыхъ угодниковъ... Большой баракъ, уставленный длинными столами и лавками, служить столовой; въ баракѣ напротивъ—кухня, русская печь и русская Акулина, вытаскивающая ухватами горшки съ кашей.

— Какъ же тебѣ здѣсь нравится?— спрашиваю я ее.

— Ничаво, да я никуда не хожу!— равнодушная къ соблазнамъ Парижа отвѣчаетъ Акулина.

И то правда: когда и куда ей ходить? Накормить всю артель, намаяться у печки... жара и такъ смертная! Разморить ее, она и укладывается въ тѣни: отдыхъ слаще Парижа.

Они себѣ соорудили нѣчто въ родѣ «Робинзона»—между двумя огромными деревьями сложены бревна до самыхъ вѣтвей и тамъ образуется площадка; вотъ туда-то они забираются и блаженствуютъ подъ густою сѣнью вѣтвей.

Кстати о деревьяхъ. Парижъ до того бережетъ свои деревья, что ни одного не позволилъ тронуть. На Трокадеро русскимъ пришлось придумывать особенную конструкцію павильона, чтобы заключить дерево внутрь зданія; просили позволенія пересадить деревья, съ обязательствомъ вернуть ихъ невредимыми на то же мѣсто, но и этого не разрѣшили: Пикарь, главный инженеръ выставки, далъ слово палатѣ депутатовъ, что ни до одного дерева не коснутся. Такимъ

образомъ, у насъ въ павильонѣ вѣдомства Императрицы Маріи (на эспланадѣ) дерево будетъ въ видѣ колонны, и вѣтви его разойдутся по крышѣ.

Теперь, благодаря этому, на стройкѣ есть тѣнь, и Акулина торжествуетъ.

Случайно попадающіе туда парижане съ курьезнымъ чувствомъ глядятъ на огромную пылающую печь, на бабу въ ситцевой кофтѣ, повязанную, несмотря на адскую жару, платкомъ и обливающуюся потомъ надъ своими ухватами у этой печи, которую понадобилось устраивать здѣсь; обстановка смутно напоминаетъ имъ примитивное изображеніе ада, а пища, которую они пробуютъ съ легкимъ опасеніемъ, оставляетъ ихъ въ недоумѣніи.

Сюда привезли запасы гречневой крупы, кислой капусты и пекутъ черный хлѣбъ, приговаривая:

— Аржаной хлѣбушка — калачу дѣдушка!

Понятно, что это меню сильно интригуетъ парижанъ. Не то было съ нами, несмотря на то, что насъ ждалъ завтракъ у Julien, я съ чувствомъ полного удовольствія по любезному приглашенію завѣдующаго работами графа Р. взялась за деревянную ложку и принялась за щи и за черный хлѣбъ. Конечно, развѣ могъ французъ понять, что для меня въ этомъ кусочкѣ «страннаго черного тѣста» заключался кусочекъ далекой родины, далекой деревни... Дымокъ надъ избами, сѣдяя ветлы надъ рѣчонкой, широкія поля ржи съ синими васильками, бѣлыя головенки ребятишекъ съ синими глазами, коровы, идущія съ поля—и вѣковая тишина, и вѣчный, молчаливый, безропотный трудъ, чтобы добыть кусокъ этого «страннаго, черного тѣста»...

И ясно, ясно встало это все передъ моими глазами, когда я, полусмѣясь и полудумчиво, смотрѣла на кусокъ черного хлѣба...

А впереди текла Сена, сновали пароходики, грохотали трамваи, шипѣли автомобили, звенѣли велосипеды.

И странно въ этой обстановкѣ было мнѣ видѣть молодое, безусое лицо паренька, стоявшаго передо мной, снявъ картузь.

— Какъ вамъ нравится въ Парижѣ, — спрашиваю я и его. Онъ сообщительнѣе Акулины.

— Ничаво! — отвѣчаетъ онъ мнѣ. — Хорошій городокъ!

— Какъ же вы здѣсь разговариваете?

— Да какъ придется! Руками ему покажешь, а то они и слова понимаютъ.

Они дѣйствительно какъ-то умудряются объясняться. Недавно, идя по Avenue Victor Hugo, мы слышимъ гармонику и сейчасъ же узнали «родные звуки». Подошли—да, наши рабочіе. Они вообще производятъ сенсацию своими красными рубашками и гармониками, и вокругъ нихъ толпа. А они какимъ-то чудомъ

бесѣдуютъ, рассказываютъ, ихъ спрашиваютъ...

— Многие изъ нихъ уже начинаютъ понимать по-французски, — смѣется графъ Р. — Я недавно слышалъ, какъ одинъ рабочій объяснялъ здѣсь французу, что они не работаютъ въ воскресенье «ди-мантъ рюсъ дансэ полька» цѣлая фраза!..

— А то мы намеренно ходили въ Самаритѣнъ (предоставляю судить о произношеніи) сейчасъ, говорить: «мусью, русь». Прислали намъ русскаго приказчика.

Это они ходили покупать себѣ Complet.

Изъ нихъ нѣкоторые выразили желаніе одѣться по-европейски. Нѣсколько попалось мнѣ представляющихъ забавное соединеніе «французскаго съ нижегородскимъ», сапоги бутылками, рубахи на выпускъ, — а на головѣ парижскій соломенный Canotier съ ленточкой!

— Вы что, бывали въ Петербургѣ?..

— Нѣтъ, мы костромскіе.

— Что же, лучше Парижъ Костромы?..

— Я и въ Костромѣ-то разъ только провѣдомъ былъ!—отвѣчаетъ мнѣ паренекъ.

— А гдѣ же вы здѣсь побывали?..

— На башню Эйфеля поднимались... высоко!—Потомъ его лицо расплывается.

— Опять же ходили въ адъ, въ рай...

Я силосъ себѣ представить впечатлѣніе юнаго богатыря изъ костромскихъ лѣсовъ въ монмартскомъ кабачкѣ передъ «пластическими» картинами, изображающими семь смертныхъ грѣховъ, и вопрошаю:

— Понравилось?

— Да такъ говоримъ, что въ случаѣ ежели умирать, такъ уже въ Парижѣ, чтобы въ ихній адъ попасть!..

На этомъ неожиданномъ заключеніи я прерываю бесѣду, раздумывая на ту тему, что жаль, что не нашлось въ Парижѣ ничего лучшаго показать костромичамъ нашимъ, чѣмъ монмартскій адъ и рай...

Надо сказать, что всѣ они вовсе не такъ уже удивлены и восхищены Парижемъ. На примитивнаго человѣка впечатлѣнїе Парижа слабѣе. Квинтъ-эссенція Парижа непонятна ему. Я вспоминаю маленькую мою кузину, которую мать взяла на парижскую выставку. Первое слово ея, когда она остановилась передъ башней Эйфеля, было:

— Да какая она маленькая!..

Очевидно, слушая предварительные рассказы, свѣжее воображеніе работало во всю и представило себѣ нѣчто фантастическое...

Такимъ образомъ, изъ многомиліонной толпы, запрокидывавшей головы, чтобы ахать и поражаться хотя безцѣльнымъ, но гигантскимъ сооруженіемъ Эйфеля—одна пятилѣтняя дѣвочка нашла его маленькимъ и была разочарована.

Вѣроятно, тоже приблизительно должны испытывать простые люди, попадая сюда.

— А домой хочется?

— Хочется!—съ искреннимъ вздохомъ отвѣчаетъ парень.

Съ меньшей искренностью вырывается и у моихъ спутниковъ.

— Да, хорошо бы теперь въ Тульскую губернію!

— На сѣно!..

— Въ рѣку!..

Устають они страшно, благодаря невыносимымъ жарамъ, и тотъ Парижъ, куда всѣ такъ стремятся зимой, теперь они бы отдали за русскую деревню.

— Не надо поддаваться слабости!..

И мы отправляемся досматривать остальное.

Мы выходимъ изъ Трокадеро, минуя Трансвааль. Онъ почти уже готовъ: работаетъ энергично. Изъ зелени выглядываютъ его два бѣлые павильона, удивительно напоминаютъ сахарные кондитерскіе пироги, или тѣ украшенія, которыя на Пасху приготавлиются въ парижскихъ

булочныхъ, дворцы изъ saingout и замки изъ бѣлой глазури.

Дальше все мало подвинулось. У Алжира возводится, впрочемъ, бѣлый минаретъ; Англія только вбиваетъ столбы, ставитъ стойки. По лѣвому берегу виднѣются остовы зданій у подножія Эйфелевой башни, — огромный павильонъ направо—Chasses, forets et pêches.

По лѣсенкѣ мы спускаемся внизъ и близъ pont d'Jena садимся въ маленькій пароходъ, который везетъ насъ по Сенѣ къ place de la Conende. На рѣкѣ — свѣжѣе, легкій вѣтерокъ обвѣваетъ пылающее лицо.

Вотъ мы проплываемъ мимо странныхъ, невиданныхъ построекъ. На правомъ берегу—влѣво отъ насъ—приближается навстрѣчу пароходу цѣлый городокъ, смотрящійся въ Сену.

Сѣрые, бѣлые, розоватыя тона... Остроконечныя окна, ажурныя турѣлки, зубчатыя башни, узкіе балконы, витыя лѣст-

ницы... Ворота узкими арками... Вотъ старый замокъ, вотъ церковь съ острыми шпицемъ...

Это — «старый Парижъ». Онъ почти уже готовъ; художественно выстроенныя зданія изъ дерева покрыты штукатуркой и артистически поддѣланы подъ камень.

Уже и теперь, выдѣляясь на голубой эмали неба, формы романской готики ласкаютъ глазъ, привыкшій къ монотонному однообразію и симметріи новыхъ кварталовъ. Эти старинные дома, замки, узкіе переходы—такъ и воскрешаютъ въ памяти романы стараго Дюма, ночныя приключенія, таинственныя свиданія, фигуры, закутанныя плащами; воображеніе населяетъ этотъ уголокъ стараго Парижа тѣнями «haultes dames» въ высокихъ hennins съ ниспадающими бѣлыми вуалями, храбрыми рыцарями, лукавыми пажами... Улыбается своей очаровательной улыбкой королева Маргарита, le roi galant преклоняетъ колѣни передъ красотой...

Я убѣждена, что этотъ уголокъ будетъ однимъ изъ самыхъ излюбленныхъ на выставкѣ: посреди шумной и блестящей эпопеи настоящаго поэтическая страничка прошлаго!..

Вотъ готовятъ громадную оранжерею изъ желѣза и стекла, это будетъ павильонъ садоводства и огородничества...

На лѣвомъ берегу работаютъ надъ частными павильонами. Всѣ они будутъ на сваяхъ; внизу пройдетъ желѣзная дорога—Metropolitain; весь Парижъ теперь изрытъ ею.

Съ Champs de Mars къ Esplanade будетъ идти chemin marchand, т. е. движущаяся дорога.

Такую дорогу въ миниатюрѣ можно теперь видѣть въ большихъ магазинахъ Парижа: изъ одного этажа въ другой вмѣсто лѣстницы между перилами идетъ совершенно гладкій подъемъ; вы становитесь внизу, кладете руку на перила и стоите неподвижно, дорожка же дви-

жется подъ вами и приводитъ васъ наверхъ.

Это одинъ изъ сюрпризовъ выставки,— къ которымъ принадлежитъ и телескопъ, въ который будетъ видна луна въ размѣрѣ метра,—и гигантское колесо-качели, виднѣющееся вдали на горизонтѣ, какъ колоссальная буква О, къ которой башня Эйфеля служитъ восклицательнымъ знакомъ...

Мы проѣзжаемъ мимо моста Александра III — почти оконченнаго. Пароходъ останавливается у place de la Concorde. Сквозь зелень мелькаетъ бѣлый дворецъ des Arts, краснѣетъ крыша его визави Малаго дворца.

Здѣсь мы выходимъ. Вотъ площадь съ ея обелискомъ, глядя на который нельзя не вспомнить чудеснаго стихотворенія Готье, съ ея фонтанами, со статуями величественныхъ женщинъ, изображающихъ французскія провинціи; одна изъ нихъ въ траурѣ, вѣнки и свѣжіе цвѣты

всегда лежать передъ ней—это Эльзась-Лотарингія.

Я невольно бросаю взглядъ впередъ, въ avenue des Champs Elysées, по направлению къ Триумфальной аркѣ, чтобы насладиться знакомой и вѣчно новой картиной—самой красивой въ Парижѣ.

Но ее дѣйствительно не узнать!

Все загромождено деревянными заборами; строить входъ на выставку; виднѣтся некрасивый баракъ Кооперативнаго ресторана для рабочихъ; уничтожень Pavillon des Fleurs (въ которомъ бывали выставки des Indépendants); разрушень и Palais d'industrie, — одна только средняя часть его корпуса не сломана и служить помѣщеніемъ для администраціи по устройству Palais d'Arts.

Большой дворецъ почти законченъ. Это громадное бѣлое зданіе, придерживающееся античнаго стиля.

Вообще тенденція, преобладающая во

французской архитектурѣ—это античные мотивы. Готика, романскій стиль, ренессансъ—все это уже повторялось и варьировалось на тысячи ладовъ, изъ нихъ извлечено все, что можно было, и теперь взялись за античный стиль, но стараются и въ немъ отыскать новые мотивы, воодушевляются его интимными сторонами; такъ или иначе, дворецъ и незаконченный уже красивъ, весь бѣлый, расписанный фресками внутри; группы и статуи еще оживятъ его. Въ немъ будетъ выставка произведеній искусства, самыхъ разнообразныхъ. Въ Маломъ же — интереснѣйшая выставка: исторія искусства Франціи за послѣднее столѣтіе.

Послѣдовательной, широкой картиной развернется исторія эпохъ, исторія тѣхъ ступеней, которыя переходило французское искусство отъ революціи, директоріи, первой имперіи до нашихъ дней, со всѣми уклоненіями, исканіями новыхъ путей, въ самыхъ яркихъ образахъ.

Въ этомъ маленькомъ дворцѣ Франція покажетъ намъ цѣлое столѣтіе.

Пожелаемъ же ей, чтобы это столѣтіе вообще благополучно окончилось для нея. До новаго осталось такъ немного; только бы она ничѣмъ не запятнала конецъ настоящаго столѣтія, и тогда выставка будетъ для всѣхъ истиннымъ праздникомъ новаго вѣка.

Уголокъ Германіи.

(Изъ мѣткихъ впечатлѣній).

Не знаю, откуда пришла я
И выросла гдѣ я;
Не знаю, я птичка лѣсная —
Иль фея!
Но развѣ кто знаетъ,
Откуда дѣтское, что во мракѣ ночномъ
Ароматъ свой кругомъ
Разливаетъ!“

Такъ поетъ полу-фея, полу-ребенокъ, златокудрая Раутенделейнъ, сидя на выступѣ стараго, обросшаго сѣдымъ мхомъ, камня; у ногъ ея торопливо бѣжитъ съ свѣжимъ шумомъ, съ неустаннымъ плескомъ, холодный ручеекъ. Сквозь зеленые папоротники проникаетъ солнечный лучъ, ручеекъ сверкаетъ и дробится серебромъ и алмазами. Онъ прибѣжалъ сюда съ самой высоты горы, по узкой лощинкѣ, густо заросшей орѣшникомъ, засыпанной сухимъ валежникомъ, спутанной

ползучими цвѣтами повилики. Ея крупные, бѣлые колокольчики тянутся кверху и вкрадчиво обвиваютъ кусты и деревья, по могучимъ столѣтнимъ пнямъ вьется вырѣзной плющъ; тамъ и сямъ изъ травы торчатъ высокими пучками красновато-лиловая мята; ея пряный запахъ смѣшивается съ ароматомъ розоваго донника, сырого мха и воды...

По оврагу спускается дорожка — настоящая «Козья тропинка»; слышавъ шаги, шорохъ, трескъ сучьевъ подъ ногами, двѣ козули испуганно шарахаются въ кусты. Только ихъ тонкимъ ножкамъ, да воздушной Раутенделейнъ и можно, кажется, пробраться здѣсь.

По обрыву тутъ и тамъ изъ пышной зелени выглядываютъ обнаженные камни, образуя прихотливыя углубленія, пещеры, сидѣнья, похожія на огромныя неуклюжія кресла, самой природой устроенныя для таинственныхъ лѣсныхъ и горныхъ духовъ... Вонъ мелькаетъ полу-

развалившаяся лачужка, сложенная изъ потемнѣвшихъ кирпичей; у порога низенькой двери вязанка хвороста; черная кошка съ ярко-зелеными глазами сторожить жилье; здѣсь, должно быть, ютится старая колдунья — Виттиха; да не ея ли это сгорбленная фигура тамъ, выше, попалась намъ навстрѣчу, съ космами сѣдыхъ волосъ, выбивающихся изъ-подъ чепца, съ пучками лѣкарственныхъ травъ въ передникѣ?...

Вся эта прелестная, немножко мрачная, немножко мечтательная декорация такъ и переноситъ насъ въ міръ волшебной сказки, въ міръ чудесъ и тайнъ...

Здѣсь, въ этомъ оврагѣ, съ навороченными камнями, съ трещинами вглубь темнаго базальта — прячутся маленькіе кобальды; тутъ, въ лошинкѣ, гдѣ плещетъ и скачетъ вода, живетъ дѣдушка-водяной; это его зеленая борода мелькнула сейчасъ въ густомъ мракѣ лѣснаго колдца. А вонъ тамъ, за вѣковыми дере-

вьями, въ громадномъ дуплѣ разлапистаго дуба, притаилась фигура лѣшаго съ козлиными ногами. Корни и сучья сплелись по землѣ, какъ странныя змѣи, крошечный гномъ въ красномъ колпачкѣ мелькнулъ въ травѣ, — да завидя насъ остановился и притворился мухоморомъ.

А если здѣсь нѣтъ Раутенделейнъ, то только потому, что она только что вспорхнула и побѣжала за своимъ мотылькомъ; я еще слышу ея пѣсенку:

«... Не знаю, откуда пришла я
И выросла гдѣ я!..»

Слишкомъ красиво зеленое золото солнца сквозь густую листву деревьевъ! Слишкомъ заманчиво смотреть картинка-лачужка изъ-за кустовъ орѣшника и лѣсной малины! Слишкомъ пышно на сѣрыхъ камняхъ разрастаются яркіе цвѣты, букеты пунцовыхъ маковъ, голубой мальвы, ажурныхъ папоротниковъ, слишкомъ ясно вездѣ слышится какой-то шорохъ, плескъ,

шопоть, не то плачь, не то смѣхъ, пере-
кликаніе птицъ...

Здѣсь все дышитъ волшебной преле-
стью, здѣсь витаетъ тѣнь стараго Топе-
ліуса, здѣсь живетъ сказка! И не хочется
уходить съ Мальберга, и полной грудью
вдыхаешь, глотаешь насыщенный испа-
реніями травъ и цвѣтовъ до густоты
воздухъ. Весь міръ кажется далеко; по
«Козьей тропинкѣ» не ходитъ никто,
вѣковые дубы и буки важно ведутъ свою
бесѣду, покачивая головами, — и тишина,
и зеленый сумракъ, и лепеть ручья, и
трепетанье листвы...

Можно ли повѣрить, что стоитъ свер-
нуть съ «Козьей тропинки», выйти на
открытую лужайку — и передъ вашими
глазами раскинется ландшафтъ, полный
жизни и движенія, сразу вырывающій
изъ той сказочной атмосферы, въ кото-
рую погружаетъ Мальбергъ.

Передъ вами — тихая Lahn — притокъ
Рейна — зеленоватой лентой прорѣзы-

вающая узкую долину между отрогами Таунуса. За нею, по ту сторону, снова горы; тѣ, что ближе, видно, покрыты лѣсами, воздѣланными пашнями, фруктовыми садами; на фонѣ желтыхъ, коричневыхъ, зеленыхъ полосъ бѣлѣютъ домики, краснѣютъ черепичныя кровли... Дальше — горы уже неопредѣленно синяго цвѣта, темныя, закрытыя флеромъ тумана; еще дальше — и онѣ цвѣтомъ смѣшиваются не то съ небомъ, не то съ тучами, и уходятъ въ такую даль, что глазъ не достигаетъ ихъ!..

По эту сторону рѣки, утопая въ садахъ, виднѣются нарядныя виллы Эмса. Возлѣ праваго берега ютится собственно Bad-Ems, эlegantный и много посѣщаемый курортъ; у лѣваго — такъ называемый Sprien-Ems, — виллы, — а самъ городокъ Эмсъ уходитъ повыше въ гору.

Сейчасъ сезонъ въ разгарѣ; по граціозному чугунному мостику, соединяющему оба берега, снуютъ пѣшеходы; перевоз-

чикъ не успѣваетъ переправлять свой челнокъ отъ кургауза къ вилламъ и обратно; на террасѣ у кургауза за столиками смѣхъ, говоръ ужинающихъ—ужинають здѣсь рано, — въ 7 часовъ.

Толпа прибываетъ сюда со всѣхъ угловъ Европы, и съ трогательной надеждой старики, молодые, дѣти тянутся со своими кружечками къ источникамъ, наивно думая, что черпаютъ изъ нихъ здоровье. Но здѣсь много совсѣмъ почти здоровыхъ людей; въ Эмсѣ тяжело больные не ѣздятъ, и нѣтъ толпы, которую можно видѣть въ курортахъ, на примѣръ, для чахоточныхъ или больныхъ печенью, — въ Карлсбадѣ или въ Меранѣ, — толпы еле двигающихся призраковъ съ желтыми, измученными лицами, съ боязливыми глазами, кутающихся, кашляющихъ, вздыхающихъ... Сюда пріѣзжаютъ пѣвцы, пѣвицы, адвокаты подправить голосовыя связки; вообще, легкая хрипота, утомленіе горла — и врачи посылаютъ почи-

ниться въ Эмсѣ; но въ остальномъ лѣчащіеся въ Эмсѣ — здоровы, и бѣгаютъ безъ усталы по горамъ, гуляютъ въ паркѣ, посѣщаютъ театрикъ, чистенькій и приличный, кончающійся въ 10 ч. аккуратно.

При мнѣ гастролировалъ здѣсь знаменитый трагикъ Матковскій, и та же труппа, которая въ обыкновенное время играетъ «Тетку Чарлея», «Гейшу», «Контролера спальныхъ вагоновъ» и т. д., перемѣшивая фарсъ съ опереткой, — вполне прилично и добросовѣстно поддержала ансамбль въ «Кинѣ» и «Королѣ Лирѣ», что, надо сознаться, было бы немислимо у насъ. Горячо, искренно, оригинально провела молоденькая актриса — Юганна Дишерль — роли Анны Демби и Дездемоны, видно всю душу вложила въ это... Бѣдненькая! Въ среду — это была Дездемона, робко жавшаяся къ Отелло, съ трогательной мольбою у него же подѣтски искавшая защиты... а въ четвергъ она играла даже не вторую роль —

третью—пансіонерку въ «Нитушъ»; недолго длилось ея счастье. Но я отвлеклась.

Итакъ, публика переполняетъ театр; вообще эмскіе «больные» развлекаются чѣмъ могутъ. Общее впечатлѣніе Эмса—очень нарядное. Много французенокъ,—значить изящныхъ туалетовъ; подъ аркадами кургауза веселенькіе и привѣтливые магазины со всевозможными бездѣлушками, ювелирныя лавки, хрусталь, сувениры, тоненькія дамскія тросточки всѣхъ цвѣтовъ, съ бантами à la bergère, альбомы видовъ, палатки съ живыми цвѣтами, поражающими своей роскошью, нѣжныя розы на длинныхъ стебляхъ, пунцовые, бѣлые и розовые гладіолусы,—настоящіе украшенные цвѣтами мечи, растрепанныя астры, гигантскія маргаритки; корзинки, убранныя съ неизвѣстнымъ у насъ вкусомъ, съ бантомъ и пучкомъ цвѣтовъ сбоку на ручкѣ, вотъ-вотъ готовыя, кажется, порхнуть. Хрусталь блеститъ, разно-

цвѣтные каменья играютъ, цвѣты съ прилавковъ шлютъ прощальныя улыбки на куртины парка, полныя розъ и огненныхъ лилій, выглядывающихъ изъ свѣжей зелени газона. Посреди добрыхъ зеленыхъ липъ, дубовъ и буковъ Германіи мелькаютъ чужеземные гости: тисъ, японскій дубъ, пинія, розовая акація, китайская софора, всѣ листья, отъ бѣлыхъ до розовато-зеленыхъ, отъ темно-пурпурныхъ до почти черныхъ сочетаютъ свои оттѣнки и сливаютъ свою тѣнь. Кое-гдѣ мелькаетъ статуя; усыпанная мелкимъ гравіемъ аллеи шуршатъ подъ шагами прохожихъ.

Подъ звуки музыки движется толпа, совершенно какъ толпа опереточныхъ статистовъ; съ удовольствіемъ и удивленіемъ вдругъ замѣчаешь въ ней знакомыя лица и смотришь на нихъ, какъ на первыхъ сюжетовъ.

Вотъ красивое, чисто русское лицо нашего извѣстнаго профессора; вотъ всѣмъ знакомая голова почтеннаго романиста;

вотъ кудрявая шевелюра и немного женственныя черты баритона петербургской оперы; вотъ стройная, изящная фигура любимой артистки, характерное лицо одного изъ свѣтилъ адвокатуры...

Встрѣчаются, обмѣниваются восклицаніями, впечатлѣніями; русскія «превосходительства» считаются родствомъ; пессимисты находятъ, что невыносимая скука, оптимисты—восхищаются окрестностями.

Говоръ, смѣхъ, шелестъ вѣровъ, ароматъ цвѣтовъ; надъ мостомъ и по набережной загораются вереницы опаловобѣлыхъ фонарей электричества; въ блѣдномъ небѣ загораются рѣдкія серебряныя звѣзды; тихіе аккорды струнь—какой-то мечтательный нѣмецкій вальсъ... И, наконецъ, выплываетъ луна, и струйки медленно текущей Lahn начинаютъ играть блѣднымъ золотомъ, и виллы, такія обыкновенныя днемъ, кажутся таинственнѣе; все мѣняется, все темнѣетъ,

все приобрѣтаетъ поэтическую окраску; «вѣтеръ складываетъ теплыя крылья», пахучія испаренія сильнѣе поднимаются съ травъ и цвѣтовъ, изъ курильницъ природы; сейчасъ бы здѣсь разыгаться какому-нибудь космополитическому роману въ духъ Поля Бурже—но режимъ требуетъ ложиться: только-что гдѣ-то «на башнѣ медленно пробило десять часовъ» — какъ обыкновенно начинаются старые французскіе романы, и Эмсъ благоправно затихаетъ; огни потухаютъ; все успокаивается.

Вотъ въ окнѣ виллы виднѣется женская фигура въ бѣломъ, распахнувшая раму и глядящая на звѣзды; можно пари держать, что это—прелестная соотечественница: русскіе, какъ дѣти, терпѣть не могутъ съ вечера ложиться спать...

Какъ стихаетъ Эмсъ каждую ночь, такъ же замираетъ онъ на всю зиму. Съ окончаніемъ сезона закрываются купальныя заведенія, заколачиваются лавочки и ма-

газины, запираются виллы, содержатели того и другого обыкновенно уѣзжаютъ обратно къ себѣ въ Берлинъ или Кельнъ.

Все пустѣеть; Эмсъ, какъ медвѣдь, на зиму засыпаетъ, закутавшись въ снѣговой саванъ; и зимой только вѣтеръ гуляетъ по пустому кургаузу, заглядывая въ темныя окна и напрасно отыскивая тѣни тысячъ людей, которые такъ недавно здѣсь жили, отдыхали и волновались, плакали и смѣялись...

Вся жизнь сосредоточена зимой дальше, въ самомъ городкѣ—Dorf Ems, выше, въ гору.

Узкія улицы; мостовая, вымощенная мелкими плитами; старая церковь; добродушные дома, опоясанные балкончиками въ цвѣтахъ; острья черепичныя кровли; палисадники, въ которыхъ насаженъ виноградъ, любопытно высовывающій изъ за ограды завитые усики свои; розы, розы, розы высокія, штамбовыя розы, усыпан-

ныя, какъ на декораціяхъ, крупными цвѣтами; розы, вьющіяся по рѣшеткамъ, взбирающіяся на стѣны дома, цѣпляющіяся за камни; встрѣчающіеся чисто одѣтые крестьяне, румяныя дѣвушки, бѣловолосые дѣтишки въ чистыхъ передникахъ и крѣпкихъ сапожкахъ—вотъ другой Эмсъ.

Въ этомъ Эмсѣ, благодаря значительному количеству руды въ прилегающихъ горахъ, находятся извѣстные серебряные и свинцовые заводы. Къ большому горю обитателей Эмса, одни—и самые доходные—рудники пришлось запечатать, такъ какъ ихъ эксплуатація грозила гибелью нѣкоторымъ источникамъ Эмса; принуждены были выбирать. Выборъ склонился въ пользу источниковъ: никакія горы золота и серебра не могли бы дать городу того, что даетъ наивная надежда челоуѣчества на излѣченіе.

И теперь въ одной изъ горъ таинственно чернѣютъ запечатанныя ворота, точно

разсердился могучій Рюбецаль и замкнулъ входъ въ свои владѣнія.

Заводы принадлежать одному товариществу и раздѣляются на три части: внизу (приводясь въ движеніе водою рѣки Lahn) цѣлая система колесъ перемываетъ и сортируетъ камни; выше—плавится руда, и, наконецъ, на самомъ верху—находятся шахты.

Заводъ, какъ всѣ заводы, и, конечно, не устройство зубчатыхъ колесъ или доменныхъ печей заинтересовало меня въ немъ, а то необычное впечатлѣніе, которое выносишь оттуда, и которое каждому кидается въ глаза.

Нижнее отдѣленіе, кромѣ зданія конторы, имѣетъ нѣсколько просторныхъ корпусовъ, гдѣ производятся работы, сюда камни привозятся изъ шахтъ. Большія глыбы еще наверху взрываются динамитомъ, а уже эти меньшія разбиваются молотками—работа, на которую идутъ обыкновенно мальчуганы лѣтъ 14-ти; самые

мелкіе осколки сортируются, на что требуются нѣжныя женскія руки. Остальное дѣлаетъ вода: она перемываетъ руду и сортируетъ ее, смотря по тяжести: свинець, серебро и негодные камни. Маленькія вагонетки по рельсамъ желѣзной дороги переправляютъ промытую руду въ плавильню,—такъ что внизу, собственно, самая легкая часть труда.

Мы попали какъ разъ ко второму отдыху: когда мы входили на заводъ, прозвонилъ звонокъ, и разомъ все остановилось, замолкло жужжаніе колесъ, шумъ воды, шорохъ сыплющихся камушковъ: у рабочихъ было полчаса на кофе. Кофе они получаютъ здѣсь же, платя за большую кружку 2 пфенига (меньше 1 копѣйки), а хлѣбъ и молоко приносятъ свое. Подъ предводительствомъ управляющаго мы вошли въ громадную комнату съ очень большими окнами, гдѣ работали сортировщицы, и вотъ гдѣ началось мое удивленіе.

Масса воздуха и свѣта, нѣчто въ родѣ рабочихъ станковъ, на которыхъ лежатъ груды мелкихъ камней и стоятъ небольшія деревянные корытца, куда складываютъ отобранные камни, по три корытца у каждой работницы, въ одномъ — густой блескъ свинца, въ другомъ желтоватый отблескъ мѣди, въ третьемъ — просто кварць.

Въ комнатѣ было десятка три дѣвочекъ. (Онѣ и работаютъ, и отдыхаютъ отдѣльно отъ мужчинъ.) Онѣ дружелюбно поклонились намъ.

О, какой болью отозвалось въ моемъ сердцѣ воспоминаніе о тѣхъ чахлыхъ женскихъ фигурахъ въ лохмотьяхъ, съ не то нахальнымъ, не то замученнымъ выраженіемъ молодыхъ, но до чего изнеможенныхъ лицъ, — о тѣхъ жалкихъ тѣняхъ разврата, болѣзни, голода и пьянства, которыя у насъ зовутся фабричными работницами... Бѣдныя, бѣдныя „младшія сестры!“ Я думала о васъ, глядя на

этихъ дѣвушекъ, и горячее чувство обиды вставало во мнѣ...

Здѣсь впечатлѣніе было совершенно такое, какое бывало у меня, когда я входила въ приѣмную петербургскихъ патріотическихъ школъ,—если отнять обстановку, эти станки и корытца съ камушками...

Все это были дѣвушки въ возрастѣ отъ 14 до 17 лѣтъ. Раньше ихъ здѣсь не пускаютъ на заводъ, такъ какъ отъ 6 до 14 лѣтъ онѣ обязаны окончить школу, послѣ 17 ихъ уже не оставляютъ на фабрикѣ—такъ какъ тогда каждой дѣвушкѣ легче найти себѣ болѣе выгодное занятіе: она уже въ силѣ, на нее спросъ. Здѣсь она зарабатываетъ отъ 1½ до 2-хъ марокъ въ день (20—25 р. въ мѣсяцъ). Кромѣ того, вся ея семья имѣетъ право покупать въ потребительномъ товариществѣ завода, гдѣ есть все, что угодно, и дѣйствительно очень пониженные цѣны на все—начиная съ сахара и кончая башмаками—

и притомъ выдается дивидендъ въ концѣ года, смотря по суммѣ покупокъ.

Дѣвочки всѣ въ опрятныхъ синихъ или коричневыхъ платьяхъ, въ темныхъ передникахъ, свѣжія, плотныя, румяныя, съ туго заплетенными косами... Нѣкоторыя изъ нихъ уже кончили свой завтракъ и вяжутъ чулки или шьютъ, усѣвшись рядкомъ на скамеечкахъ; иныя, чинно обнявшись, прохаживаются взадъ и впередъ... Глазамъ своимъ не вѣришь, что это—фабричныя. И, однако, это такъ, и для этихъ дѣвушекъ фабрика не была „злой ямой“, мѣстомъ порока и неизбѣжной гибели...

Вернувшись домой, онѣ будутъ помогать матери въ работѣ, —а года черезъ два-три выйдутъ съ фабрики такія же чистенькія, свѣжія, не потерявъ румянца круглыхъ щекъ, ни ясности голубыхъ глазъ. И какой-нибудь Фрицъ или Юганнъ спокойно возьметъ ихъ въ жены...

Значить, это возможно?.. Возможно?..

Но идемъ дальше.

Вотъ передъ нами трехъэтажное зданіе: это—столовая и общежитіе для рабочихъ.

Почти всѣ рабочіе на заводѣ—изъ ближайшихъ деревень, и потому, кончая къ 6-ти часамъ свою работу и возвратившись домой, они еще успѣваютъ работать для себя, обрабатывать свой клочокъ поля, копаться въ виноградникѣ. Они не прекращаютъ, такимъ образомъ, несмотря на фабрику, естественной и чудесной связи крестьянина съ землею. И это сохраняетъ въ нихъ инстинктъ домовитости, любовь къ своему углу, традиціи семейнаго очага; у нѣмецкаго крестьянина—это не пустое слово.

Но нѣкоторые рабочіе, издалека, уходятъ къ себѣ домой только по праздникамъ,—особенно зимой, въ холодъ и снѣгъ,—и вотъ для нихъ-то и устроено на всякій случай общежитіе.

Весь нижній этажъ занимаетъ обширная столовая, чистая и свѣтлая, съ по-

лированными лавками и длинными столами; у каждой группы рабочихъ—свое отдѣленіе, указанное табличкой. Налѣво—кухня съ громадными баками для кофе и для кипятка; маленькая форточка ведетъ изъ кухни въ столовую, черезъ нее передаютъ кушанье или кофе въ обмѣнъ на установленные для этого билетики. Направо лѣстница ведетъ въ верхніе два этажа, гдѣ находится контора потребительнаго товарищества и спальни рабочихъ.

— Ну, я съ вами въ эти клоповники не пойду!—заявляетъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, русскій генераль, занимающій видный постъ въ Парижѣ.—И вамъ не совѣтую!

Съ этимъ онъ рѣшительно усаживается на лавку.

Мы поднимаемся наверхъ. Управляющій наудачу раскрываетъ дверь въ одну изъ спаленъ...

Представьте себѣ идеально-чистую ком-

нату съ большимъ окномъ, прекрасно провентилированную; направо по стѣнѣ—желѣзная кровать; надъ нею—другая, такимъ образомъ, что ножки верхней кровати входятъ въ перила нижней и образуютъ нѣчто въ родѣ коекъ, или желѣзнодорожныхъ спальныхъ мѣстъ,—но, по желанію, эти кровати могутъ и разъединяться. Налѣво еще двѣ такихъ кровати, такъ что всѣхъ мѣстъ шесть, но комната просторная, потолоки высокіе, воздуха довольно. Посреди большой столъ, нѣсколько стульевъ. Направо, въ стѣнѣ, ближе къ двери—шкафъ, раздѣленный на шесть ящичковъ; на каждомъ—табличка, изъ нихъ три съ именами владѣльцевъ; въ этой комнатѣ сейчасъ помѣщаются трое рабочихъ.

У двери вѣшалка для платья, праздничная одежда рабочихъ аккуратно развѣшана на ней.

Въ одной изъ комнатъ на шкафу стоитъ клѣтка, изъ которой слышится чириканье

и щебетанье. Я всматриваюсь ближе— на перекладинкахъ сидить превеселое пташество, мирно рядышкомъ, чижи, щеглята, зяблики—штукъ съ десять.

— Это что же такое?—спрашиваю я управляющаго.

— Это принадлежит одному рабочему.

— Позволяется?

— Помилуйте, это такая невинная страсть, и онъ любить своихъ птицъ больше всего на свѣтѣ!..

Постели совершенно опрятныя. Бѣлье мѣняется разъ въ недѣлю, какъ въ заграничныхъ пансіонахъ—ни болѣе, ни менѣе.

За все это рабочій платитъ 2 марки 40 пфениговъ въ мѣсяць.

Мы съ торжествомъ тащимъ генерала:

— Что, клоповникъ, по-вашему?

— Не ожидаль!—разводитъ онъ руками.

Осматриваемъ затѣмъ потребительный магазинъ:—двѣ небольшія комнаты, содержащіяся въ образцовомъ порядкѣ, гдѣ

на полкахъ мирно и не ссорясь лежать самые разнообразные предметы: ситцы, мыло, сапоги, кофе, канцелярскія принадлежности, игрушки и т. п.—такъ что здѣсь можно удовлетворить всѣ свои потребности, съ ногъ до головы одѣться, запастись домашнимъ провіантомъ и такъ далѣе: универсальный магазинъ въ миніатюрѣ!

Затѣмъ, поблагодаривъ управляющаго, усаживаемся снова въ экипажъ и рѣшаемъ ѣхать прямо въ шахты.

Чудесная дорога ведетъ въ гору. По пути попадаютъ намъ домики, цѣлая вереница домиковъ до самаго зданія плавильни, которую мы пока минуемъ, удаляясь отъ нея въ сторону. Домики—опять жилища рабочихъ, совершенно неказарменнаго стилия, тутъ и садики, и виноградники; здѣсь живутъ семейные рабочіе. Большое, красивое зданіе—это школа, тамъ же и зала собранія рабочихъ. У нихъ свой «Gesang-Verein» «Turn-Ver-

gein» и т. д. Я устремляюсь было туда, но мое рвеніе удерживаютъ:

— Сначала въ шахты!..

Вотъ мы опять подъѣзжаемъ къ какимъ-то строеніямъ, навѣсамъ... Узкие, желѣзные рельсы приводятъ насъ къ двумъ отверстіямъ въ видѣ арокъ, пробитымъ прямо въ горѣ. Передъ нами зияетъ безконечный черный коридоръ, уходящій подъ землю и скупо освѣщенный блѣдно мерцающими лампочками.

Намъ объясняютъ, что для того, чтобы спуститься въ шахту (въ корзинкѣ), надо сначала пройти больше полверсты впередъ по этой галлерей. Это значительно охлаждаетъ наше намѣреніе спуститься. Мы идемъ обратно мимо рудокоповъ въ кожаныхъ передникахъ, вагонетокъ, сверлильныхъ машинъ и т. д. И отправляемся въ плавильню.

По дорогѣ я останавливаюсь у заинтересовавшихъ меня домиковъ и прошу показать мнѣ любую квартиру.

Проводникъ нашъ—помощникъ управляющаго плавильни —стучить въ первую попавшуюся дверь.

— Herr Zimmermann, можно къ вамъ? Желаютъ взглянуть, какъ живутъ наши рабочіе.

— Пожалуйста, пожалуйста! Потрудитесь войти!—привѣтливо встрѣчаетъ насъ хозяинъ, красивый брюнетъ съ интеллигентнымъ лицомъ. Онъ въ блузѣ и самъ возится у плиты въ блестящей опрятностью кухонкѣ; у ногъ его вертится смуглый, крѣпкій мальчуганъ лѣтъ трехъ.

Хозяинъ немножко смущенно улыбається:

— Вотъ, жена понесла маленькую въ гости къ бабушкѣ, я и хозяйничаю здѣсь за нее!

— Сколько же у васъ здѣсь комнатъ?

— Вотъ, взгляните.

Кромѣ маленькой стеклянной галлерейки—нѣчто въ родѣ передней, дверь изъ которой ведетъ въ кухоньку—еще три

комнаты: чистая комната, спальня и крошечная комната, гдѣ стоитъ дѣтская кроватка. Въ гостиной—право, я не могу иначе назвать эту комнатку, хоть и дико для русскаго уха прозвучить слово «гостиная» у фабричнаго—свѣтлые обои, удобное кресло, у окна швейная машина, пѣты въ вазочкѣ, газета на столѣ; гравюры на стѣнахъ и надписи, прибитыя надъ дверью:

— «Alles mit Gott» — «Nicht Geld giebt uns das wahre Glück».

Въ спальней—большая деревянная кровать, бѣлыя занавѣски на окнахъ; окна блестятъ, полъ блеститъ, словомъ, обстановка лучше и чище, чѣмъ у нашего любого чиновника изъ мелкихъ.

Я вспоминаю заплѣсневѣлыя московскіе дворы, лѣстницы, гдѣ пахнетъ кошками, керосиномъ и чадомъ, сырые углы жалкихъ квартиръ, гдѣ ютится интеллигентный пролетаріатъ, платя рублей 15, 20 въ мѣсяць...

— Сколько вы платите здѣсь?

— 10 марокъ въ мѣсяцъ, всѣ эти квартиры; есть больше—тѣ 14.

— А что вы получаете?

— Это зависитъ.. судя по работѣ. Нашъ заработокъ колеблется отъ 3 до 5 марокъ въ день. Я рѣдко вырабатываю менѣе 4.

— Дома вы работаете?

— Я ухожу въ разное время; обычно—отъ $\frac{1}{2}$ утра до $\frac{1}{2}$ дня, такъ у меня весь день свободенъ и остается время повозиться въ виноградникѣ, да вотъ съ ними...

Онъ кивнулъ головой на сынишку, который держалъ его за полу блузы.

— Скоро въ школу будетъ ходить?

— Года черезъ два отправится!

Мы дали серебряную монетку на конфеты будущему школьнику; но, очевидно, сейчасъ ему еще рано было въ школу, потому что когда отецъ велѣлъ ему поблагодарить, то онъ залепеталъ что-то ве-

селое, но абсолютно непонятное. Должно быть дѣло шло о сладкомъ, потому что онъ повторилъ знаменитую сцену изъ Пиквикскаго клуба, когда не совсѣмъ проснувшійся и случайно очутившійся въ чужой повозкѣ сэръ Пиквикъ, на вопросъ, какъ его зовутъ, блаженно улыбаясь, бормочетъ...

— «Холодный пуншъ»!

Такъ юный господинъ, когда мы его спросили:

— Какъ тебя зовутъ?

Пролепеталъ:

— Пумперникэль!

Названіе популярныхъ среди нѣмецкаго юношества пряниковъ.

Мы распрощались съ ними и отправились въ плавильню.

Здѣсь больше пахнетъ фабрикой, чѣмъ внизу. Женщины не работаютъ; у рабочихъ черныя отъ копоти лица; атмосфера раскаленная до того, что задыхаешься. Расплавленный свинецъ, крас-

ныя струи жидкаго металла, льющіяся изъ печей... серебряная пѣна, застывшая на черпакахъ; груды готовыхъ свинцовыхъ плитокъ, еще не остывшихъ и играющихъ всѣми цвѣтами радуги... Тутъ и тамъ красный огонь, а здѣсь зеленоватый.. Мракъ, и вдругъ ярко вспыхивающее пламя, по рембрандтовски озаоряющее чью-то черную голову...

Сущій адъ, — и адскій трудъ, — и въ сущности для чего это все? для чего трудятся эти люди? для выдѣлки вещей, которыми сами они не воспользуются, а воспользуютсятѣ, кто взысканъ судьбой...

И странныя мысли начинаютъ бродить въ моей головѣ.

Мнѣ невольно думается о томъ далекомъ времени, когда первобытные люди, крѣпкіе, мощные, воевали, какъ дикіе звѣри, съ подобными себѣ, съ природой, съ настоящими дикими звѣрями, а тѣхъ, кто не въ силахъ былъ бороться, какъ они, — оставляли дома.

И вотъ я представляю себѣ этихъ блѣдныхъ, хилыхъ людей, ненавидящихъ своихъ господъ. Они ненавидятъ и принуждены покоряться, стеречь ихъ пещеры, качать ихъ дѣтей, прислуживать имъ.

Но одинъ изъ нихъ, случайно, сидя въ темнотѣ — въ ужасной темнотѣ, бывшей самымъ страшнымъ врагомъ первобытнаго человѣчества и, можетъ быть, нервно ударяя камнемъ о камень, чтобы спугнуть хищныхъ звѣрей — высѣкъ искру огня!..

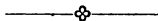
Да, именно! Не гордый титанъ Прометей, соперникъ боговъ, а жалкій слабый рабъ.

Онъ былъ спасень! Благодаря этой нечаянно разгаданной тайнѣ, онъ побѣдилъ. Его сочли посланникомъ Верховнаго Существа, мудрецомъ. Онъ передалъ великую тайну себѣ подобнымъ, чтобъ отнять могущество у сильныхъ; ихъ стали называть жрецами... Они побѣдили!

И такъ до сихъ поръ.

Эти здоровые, сильные, мускулистые люди — они въ подчиненіи у насъ. Они до смерти работаютъ тяжелую, изнурительную работу свою. А мы — потому что мы нашли и хранимъ божественный огонь знанія и разума — поставили себя выше ихъ.

Но и мы не спѣшимъ подѣлиться съ ними этимъ огнемъ; мы ревниво бережемъ его для себя, бережемъ, какъ жадные скупцы — неужели для того — чтобы не потерять силу — надъ сильными?..

II. Германія.

Мы садимся въ Нидерланштейнѣ въ вагонъ и ѣдемъ до Рюдесгейма, чтобы потомъ опять обратно проѣхать черезъ Нидерланштейнъ, но уже спустившись по Рейну на пароходѣ, и такимъ образомъ увидѣть самую красивую часть Рейна отъ Рюдесгейма до Кобленца.

Поѣздъ летитъ все время вдоль Рейна; и, право, сдѣлавъ оба конца, я затрудняюсь сказать, какъ красивѣе эта чудная рѣка—изъ окна вагона или съ палубы парохода. И такъ, и иначе—такая чудесная панорама, такая смѣна впечатлѣній...

Рейнъ течетъ въ долинѣ, защищенной справа и слѣва стѣнами горъ: Вогезами и отрогами Таунуса.

По долинѣ тянутся полосы кудряваго винограда; между ними золотятся хлѣбныя поля, сѣрѣетъ зелень картофеля,

чернѣются пространства убраннаго хлѣба—и на нихъ, здѣсь и тамъ, красуются яблони и груши, вѣтки ихъ низко свисаютъ подъ тяжестью краснѣющихъ плодовъ.

Виноградники бѣгутъ и вверхъ по горамъ; кажется, будто ихъ сочныя, курчавыя лозы прямо вырастаютъ изъ дикаго камня.

Часто попадаются маленькіе, пестрые городки, старинныя деревушки; надъ каждой, словно охраняя ее, молчаливо бодрствуетъ колокольня съ длиннымъ шпиремъ своимъ.

Домики изъ кирпича, или бѣлые съ косыми коричневыми перекладинами, характернымъ узоромъ оживляющіе ветхій фасадъ; это тѣ домики въ которыхъ витаетъ тѣнь Тургеневской Аси! Вонъ frau Luise, конечно это она выглядываетъ изъ продольнаго окошка на верху дома съ остроконечной черепичной кровлей; вотъ и ея черный котъ съ желтыми гла-

зами; и та герань цвѣтетъ у окна, съ которой Ася сорвала вѣточку, чтобы бросить «ему»...

Сѣрый день. Волны Рейна сейчасъ зеленовато-сѣрия, изрѣдка отливаюшія серебряной рябью; и весь день кажется какъ-то проникнуть нѣмецкой поэзіей, слегка туманной, задумчивой и свѣжей...

Вотъ по лѣвому берегу тянутся лѣса, свѣтло зеленяя лужайки; внезапно выглянувшее солнце дѣлаетъ яркій свѣтовой эффектъ на изумрудной травѣ.

Начинаютъ показываться развалины замковъ.

За С.-Бархаузенемъ поѣздъ попадаетъ въ туннель. Когда онъ со свистомъ вырывается изъ него, въ окно ярко врывается видъ Рейна, дымящійся пароходъ бѣжитъ по нему, а по другой сторонѣ рѣчки—тоже входъ въ туннель, прорытая арка, надъ ней какая-то фантастическая башенка того же камня, что и скала, точно входъ въ чертоги фей—и видно,

какъ эта пропасть проглатываетъ поѣздъ, на нашихъ глазахъ вагоны уходятъ въ землю одинъ за другимъ.

Какое оживленіе, какое движеніе! Какъ сплотилась здѣсь энергія настоящаго съ поэтической дымкой прошлаго, памятниками котораго проходятъ передъ нами гордыя развалины феодальныхъ замковъ, одни имена которыхъ своимъ звукомъ напоминаютъ намъ слышанныя преданія — дары *легенды* съ ея миннезенгерами, небесной любовью и пламенной вѣрностью, бѣлыми покрывалами дѣвъ и блескомъ безупречныхъ рыцарей — и *исторіи* съ ея печальной правдой, грабежами, насиліями, нищетой крестьянъ и свирѣпостью марграфовъ и бурграфовъ...

Взглядъ не отрывается отъ окна вагона, не утомляясь ни на минуту.

Четыреугольныя башни, замшенныя зубчатыя стѣны, сѣдыя бойницы, благородныя очертанія уцѣлѣвшихъ арокъ; коегдѣ растущія на камняхъ деревья, подъемъ

ные мосты, рвы—вотъ они, настоящія разбойничьи гнѣзда.

Штольценфельсъ, съ которымъ связано преданіе о двухъ братьяхъ, влюбившихся въ одну и ту же дѣвушку, сдѣлавшихся смертельными врагами, и примирившихся только, когда ихъ красавица ушла въ монастырь.

Дальше—островки въ рамѣ изъ тростника, купы вѣковыхъ деревьевъ. Зеленоватая вода, покрытая мелкой рябью, блеститъ на солнцѣ, какъ змѣиная чешуя. Въ гору выются дорожки между пестраго ковра полей, пирамидальные тополя чередуются съ фруктовыми деревьями; наконецъ—на слияніи Наэ съ Рейномъ показывается пестрый Бингенъ, и черезъ нѣсколько минутъ мы въ Рюдесгеймъ, на станціи, усаженной олеандрами, густо усыпанными розовыми цвѣтами, которые пахнутъ миндалемъ.

Въ Рюдесгеймъ—родинѣ золотистаго вина—мы прощаемся съ желѣзной доро-

гой и отправляемся въ Нидервальдъ смотрѣть статую «Германіи».

Можно ѣхать по зубчатой желѣзной дорогѣ, но мы предпочитаемъ коляску. Мы ѣдемъ по набережной, уставленной чистенькими отелями. Туннели, завитыя виноградомъ, бесѣдки, наогралахъ майоликовыя вазы съ геранью—все это кокетливо и весело смотреть на насъ. На террасахъ масса обѣдающихъ туристовъ; воскресенье, и въ Рюдесгеймѣ наплывъ: все больше нѣмцы, ѣдутъ на поклоненіе своей «Германіи». День совсѣмъ разгулялся, солнце сіяетъ и все кругомъ золотить своими улыбками. Свернувъ съ набережной, мы углубляемся въ горы; сначала еще по улицамъ попадаютъ вывѣски съ изображеніями гномовъ, сѣрое зданіе въ старо-нѣмецкомъ стилѣ (Kön.-Domänen-Kellerei, гдѣ единственное настоящее Рюдесгеймовское вино). Бочарная мастерская, у дверей которой стоитъ толстый бочаръ въ колпакѣ, при

видѣ котораго такъ и вспоминается Гофмановскій «Мейстеръ Мартинъ», съ его тоненькой Розой и ея троими влюбленными, и большая бочка, увѣнчанная цвѣтами, и праздничныя пѣсни въ честь «Рейнскаго золота»—золотого вина.

Мы удаляемся отъ города. По сложенной изъ дикаго камня оградѣ вьется плющъ, какіе-то невиданные вьющіеся цвѣты, вѣрно изъ породы ипомей, свѣшиваются, точно огненные кубки, свои оранжево-красныя, продолговатыя чашечки.

Огромныя акаціи, липы, осины тѣснятся вдоль дороги. Виноградъ бѣжитъ тропинками по уступамъ въ гору. Земля здѣсь кажется сухой и усѣянной камнями, и странно, что она даетъ пищу этимъ роскошнымъ лозамъ. Дальше идутъ не вездѣ еще убранныя поля, опять лужайки, опять фруктовыя деревья. По краю дороги природный бордюръ: взглянувъ на него, такъ и хочется пустить его въ какіе-нибудь изразцы, до того прихо-

тливо, словно нарочно, по каймѣ зеленого дерна раскиданъ узоръ самыхъ нѣжныхъ полевыхъ цвѣтовъ: крупная бѣлая и розовая повилика, лиловые колокольчики, блѣдно-голубыя астры и малиновые съ сѣрымъ репейники составляютъ чудесный рисунокъ.

Но вотъ мы сворачиваемъ въ сторону отъ полей, и аллеей орѣшниковъ, густыхъ липъ и тѣнистыхъ сосенъ подъѣзжаемъ къ цѣли нашего странствія.

Неизбѣжный ресторанъ, моментальная фотографія, лавчонка съ сувенирами и почтовыми «Ansichts-Karten» — словомъ, налицо всѣ тѣ меркантильные торговцы, которыхъ теперь такъ много въ каждомъ храмѣ природы...

Здѣсь надо сдѣлать нѣсколько шаговъ по аллеѣ, спуститься по лѣстницѣ—и тогда открывается весь памятникъ.

Тысячу разъ лучше памятника та великолѣпная картина, которая открывается

на Рейнъ, на противоположный берегъ. Отсюда видна вся долина Рейна .. отсюда видна Франція...

Давно уже Германія мечтала о памятникѣ на берегахъ Рейна; еще Кернеръ эти мечты воспѣвалъ въ своихъ патріотическихкихъ стихахъ.

И наконецъ ихъ мечта осуществилась. Надо отдать справедливость—памятникъ красивъ.

Величественная, колоссальная фигура женщины на громадномъ пьедесталѣ изъ гранита. Батальные барельефы по его сторонамъ. Два генія съ обѣихъ сторонъ: геній войны въ видѣ воина, трубящаго въ рогъ, и геній міра—женщина съ масличной вѣтвью въ коронѣ изъ звѣздъ, если не ошибаюсь а внизу Рейнъ, въ видѣ мощнаго старца съ бородой, и молодая, прекрасная Мозель рядомъ съ нимъ. Сама Германія держитъ въ рукахъ императорскую корону, и взоръ каменныхъ глазъ ея гордо устре-

мень туда, гдѣ синѣютъ горы ея побѣжденной соперницы—Франціи.

Вдругъ раздается трубный звукъ: точно каменный воинъ затрубилъ. Но это сигналъ, и по нему стройный мужской хоръ начинаетъ пѣснь, слова которой стоятъ на памятникѣ:

«Lieb Vaterland, magst ruhig sein,
Fest steht und treu die Wacht am Rhein!»

Надо уважать чужой патриотизмъ. Сцена была не лишена *couleur locale*. Этотъ торжественный гимнъ надъ водами Рейна, у ногъ «Германіи»,—я думаю, пожалуй, будь я на мѣстѣ нѣмцевъ, что столпились у памятника,—и у меня бы забилось сердце.

Осмотрѣвъ памятникъ, мы возвращаемся внизъ, уже не на станцію, а на пристань. Скоро подплываетъ пароходъ, носящій поэтическое названіе «Лоэнгрин», выпускаетъ толпу пассажировъ, принимаетъ другую,—свистокъ, съ берега

добродушно настроенные незнакомые люди машутъ платками—и мы ѣдемъ по Рейну.

Чудная погода. На палубѣ накрыты столики; одни пассажиры обѣдаютъ, знаменитая рейнская лососина занимаетъ видное мѣсто въ ихъ трапезѣ; другіе пишутъ. Меня вообще сначала поражало, отчего, куда ни войти, въ какое-нибудь мѣсто, посѣщаемое нѣмецкими туристами, вы увидите, что всѣ они, какъ одинъ человекъ, сидятъ и пишутъ: и старцы, и дамы, и дѣти. Это усердіе изумляло и интересовало меня. Я думала: неужели они записываютъ свои путевыя впечатлѣнія? и даже завидовала имъ, потому что сама никогда не могла дойти до такого совершенства. Только когда я покину какую-нибудь мѣстность, она встаетъ передо мной, какъ живая, съ каждой ея особенностью, съ каждой линіей, съ каждымъ изгибомъ; но пока я смотрю на нее—зрѣніе воспринимаетъ впечатлѣніе без-

отчетно, бессознательно, и лишь издали вдругъ во всѣхъ деталяхъ ясно выплываетъ какая-нибудь картина. Итакъ, я завидовала нѣмцамъ, пока не присмотрѣлась, наконецъ, что они пишутъ: это были—«Ansichts-Karten», т. е. открытыя письма съ изображеніемъ какого-нибудь вида, гдѣ остается мѣсто еще для 2—3 словъ, кромѣ адреса.

Эти Karten неимоვნю распространены въ Германіи. Если нѣмецкій туристъ ѣдетъ куда-нибудь, то онъ обидитъ того изъ знакомыхъ и родныхъ, кому не пошлетъ карточки—съ Рейна, съ Везувія, съ вершины пирамидъ и т. д. Вотъ онъ и пишетъ тетушкѣ Амаліи, кузинѣ Мици, брату Оскару, дядѣ Фрицу и т. п. А чтобы не утруждать своего благороднаго ума, онъ часто прибѣгаетъ къ готовой поэзіи «Lexikon der Postkartengrüsse»—«Лексикона почтовкарточныхъ привѣтовъ», если можно такъ перевести. Пишетъ ли онъ веселому буршу-студенту,

онъ отыскиваетъ рубрику «Wein» — и пишетъ:

«Hingesessen,
Wurstgegessen,
Wein gesoffen,
Fort geloffent!»

И страшно доволенъ этимъ остроумнымъ «witz»'омъ.

Пишетъ ли онъ златокудрой Мици, открывается рубрика «Liebe» — и чертится:

Ob Sonnenlicht, ob Mondenschein,
Ich grüsse dich und denke Dein!

и еще въ такомъ родѣ...

Для дяди выбираетъ онъ отдѣлъ «Post-Karten» — и пишетъ:

«Ansichtskarten, sagtest Du,
Waren dein Entzücken—
Darum will ich heute gleich
Dich damit beglücken!..»

Вотъ что пишутъ добрые нѣмцы, пока пароходъ плавно и быстро разсѣкаетъ волны Рейна, пока мы смотримъ на гро-

мадную сѣрую скалу Лорелеи и тщетно ищемъ на ея голой вершинѣ фигуру золотоволосой феи...

«Ein Märchen aus alten Zeiten»—

вспоминается намъ, а передъ нами раз-
вертывается пестрая панорама Рейна;
игрушечные городки; руины замковъ;
сквозныя башни; Бопардская ратуша со
статуей святого на углу; старинные мо-
настыри. На набережной праздничная
толпа. На лѣвомъ берегу—воспоминаніе
о Франціи, вѣроятно—женщины пикант-
нѣе, тоньше черты лица, оживленнѣе
глаза. Навстрѣчу попадаютъ пароходы,
то бѣлый, то черный дымъ тянется за
ними въ воздухъ. Мы проѣзжаемъ очаро-
вательный Кобленцъ съ конной статуей
Вильгельма, словно на всемъ скаку соби-
рающагося броситься въ рѣку (на самомъ
слияніи Мозели и Рейна; интересна раз-
ница цвѣтовъ у двухъ рѣкъ, словно рѣзкой
чертой отдѣленныхъ другъ отъ друга).

Въ Кобленцѣ я была передъ этимъ незадолго, и у меня осталась отъ него типичная картина: ночью, послѣ ужина, въ ожиданіи поѣзда, мы бродили по площади. Вдругъ раздались звуки «funiculi-funicula» — итальянской пѣсенки, и показался... взводъ солдатъ: оказалось, это былъ военный маршъ; подъ его звуки солдаты возвращались въ казармы. Луна ярко играла на прусскихъ каскахъ; веселая пѣсенка теряла свой задорный темпъ, чтобы приблизиться къ тяжелой маршировкѣ солдатъ, и уличные мальчишки въ тактъ бѣжали за ними.

Красивый городокъ—связанный воздушнымъ мостомъ съ другимъ городомъ, Эренбрейтштейномъ — невзирая на ихъ мирный видъ, это двѣ очень сильныя крепости...

За Кобленцомъ слѣва горы куда-то ушли, да и справа онѣ отступили. По берегамъ равнины, рощи, сады...

Рейнъ сталъ словно шире.

6 часовъ. Солнце близится къ заходу. Послѣ Нейвида—городка, шетинящагося фабричными трубами,—горы налѣво уже едва синѣютъ вдалекѣ..

Мелькаетъ веселая пристань Андернаха, съ чудесной церковью 13-го вѣка, острымъ шпикомъ возвышающейся надъ нимъ. Хорошенькая дѣвочка съ двумя косами, въ коричневой юбкѣ и бѣлой рубашонкѣ, точно сошедшая съ картины Каульбаха, махаетъ пароходу руками и смѣется.

За Андернахомъ опять пришли горы, но уже болѣе пологія.

Плавно идетъ пароходъ мимо движущейся панорамы береговъ; Рейнъ впереди уходитъ въ безконечность широкою серебряной дорогой; мелькаютъ лодки съ бѣлыми парусами. А я думаю о томъ далекомъ времени, когда не было пароходовъ, а скользили по Рейну парусныя галеры, когда рыцари похищали принцессъ и стерегли ихъ въ крѣпкихъ замъ-

кахъ, и св. Геновефа на утлой ладьѣ спасалась отъ своихъ тюремщиковъ...

По берегамъ виднѣются дикаго камня церкви съ острыми крышами, съ круглыми «oeil de boeuf» — темныя, съ великолѣпными узорами готическихъ оконъ. Тополя смотрятъ вверхъ; ивы низко кланяются водѣ. Позади горы, густо поросшія лѣсомъ, на скалахъ — то старыя зámки, то изящныя виллы — Ауербаховскія «Дачи на Рейнѣ», и чудится въ нихъ тихая, семейная жизнь, невинный и дозволенный отцами романъ какой-нибудь баронессы Греты съ вѣрнымъ Лео...

Но пора собирать вещи. Я спускаюсь въ рубку, и тутъ новое впечатлѣніе.

Изъ маленькихъ четырехугольныхъ окошекъ рубки каждую секунду видны новые пейзажи, точно живая картинная галерея проходить передъ глазами: каждое окошко кажется рамкой, а виды все мѣняются, бери кисть — и пиши любой!

Закатъ весь лиловый съ золотомъ.

Отъ солнца идутъ большіе лучи, какъ на наивныхъ старыхъ картинахъ надъ головами святыхъ. Море опалово-розоваго тумана застилаетъ его, а лучи все тянутся кверху. Въ точно прорванное отверстіе въ этомъ туманѣ вдругъ проглядываетъ огненно-розовый кусокъ, это и есть солнце; потомъ оно совсѣмъ прячется, и только края тучъ золотятся.

Тучи разыгрываютъ цѣлую фантазмагорію: кажется, будто это синевато-лиловыя горы, а полосы розоваго неба, уходящія выше, въ сторону—залитая багрянцемъ рѣка...

Вотъ мы подъѣзжаемъ и къ Ремагену.

Это маленькій прирейнскій городокъ: здѣсь мы оставляемъ пароходъ, чтобы сѣсть въ поѣздъ и дальше ѣхать уже по желѣзной дорогѣ. Темнѣетъ и тянетъ свѣжестью съ рѣки. Мы выходимъ на берегъ, и изъ-за голубой тучи на розовомъ небѣ, какъ по заказу, выплываетъ полная, блѣдно-золотая луна. На водѣ темно-голубо-

го Рейна дрожить и переливается широкий лунный столбъ. Отчаливающій пароходъ на минуту разбиваетъ его... и опять потомъ тянется, колыхается черезъ рѣку золотая дорога...

Еще свѣтло въ эти лунныя сумерки.

Мы пѣшкомъ проходимъ по тихимъ, узкимъ, улицамъ, мощенымъ широкими плитами.

Картина соннаго городка полна мирной прелести; наши шаги гулко отдаются въ ночномъ воздухѣ по каменнымъ плитамъ.

Вотъ въ полуотворенную калитку ограды виденъ дворикъ, два-три куста; дѣвушка сидитъ у окна и читаетъ. Въ такомъ домикѣ, вѣрно, жила Ауербаховская «босоножка», и у нея были такіе же чистые глаза, прилежно опущенные на книгу.

Огни зажигаются въ окнахъ. Луна освѣщаетъ пустыя улицы, играетъ на розеткѣ готической церкви, сіяетъ на плитахъ мостовой. 8 часовъ,—но все уже готово къ отдыху...

Поѣздъ ждетъ... садимся... и скоро Рейнь скрывается изъ нашихъ глазъ, а съ устъ просятся слова Тургенева:

«Привѣтъ тебѣ, скромный уголокъ Германской земли, съ твоимъ незатѣйливымъ довольствомъ, съ повсемѣстными слѣдами прилежныхъ рукъ, терпѣливой, хотя и не спѣшной работы... привѣтъ тебѣ—и миръ!..»

НѢСКОЛЬКО ДНЕЙ.

НѢскольکو дней...

I.

Господинъ въ свѣтломъ пальто остано-
вился у темнаго и довольно стараго дома
и смотрѣлъ на номеръ съ видомъ чело-
вѣка, который что-то разыскиваетъ. Кон-
сьержъ въ одной жилеткѣ и черной
ермолкѣ на головѣ стоялъ, прислонясь
спиной къ чугунной рѣшеткѣ, отдѣля-
вшей нѣчто въ родѣ палисадника отъ тро-
туара, и отлично видѣлъ затрудненіе
господина, но смотрѣлъ на него съ пол-
нымъ равнодушіемъ и невозмутимо кѣ-
рилъ скверную сигару.

Наконецъ, господинъ обратился прямо
къ нему съ преувеличенной вѣжливостью,
сразу выдававшей въ немъ иностранца:

— Pardon, monsieur, veuillez me dire
si c'est ici que demeure m-lle Irtenieff?

Консьержъ выпустилъ сигару изо рта, помолчалъ и медленно промолвилъ:

— M-lle Daignouff? connais pas ça.

«Poireau! Poireau!» раздался въ это время изъ дома пронзительный и властный голосъ, и изъ окна выставилась черноволосая, румяная голова madame Poireau, всегда все видѣвшей и слышавшей.

— Mais c'est m-lle Lydie, qu'on demande! — пренебрежительно крикнула она мужу. — Tu ne peux pas répondre, voyons? Потомъ она съ чрезвычайно любезной улыбкой, показавши отличные бѣлые зубы, обратилась къ незнакомому господину.

— C'est au sixième à gauche, monsieur, №12!

Домохозяинъ поставилъ madame Poireau непремѣннымъ условіемъ ея службы любезность съ жильцами, и поэтому m-me Poireau улыбалась всегда, то есть улыбался ея ротъ, глаза же никогда не измѣняли своего пронзительнаго взора,

заглядывавшаго всякому прямо въ душу и сразу оцѣнивавшаго человѣка.

Господинъ въ свѣтломъ пальто, очевидно, удовлетворилъ ея строгій вкусъ, потому что, когда онъ, приподнявъ шляпу, казалъ ей: «Merci, madame», она совсѣмъ любезно закивала черной наколкой и и повторила:

— Oh, pas seulement la peine, monsieur! Pas la peine!—распѣвая на слогахъ съ удареніемъ.

Она скрылась въ окнѣ; консьержъ опять взялся за сигару, провожая посѣтителя взглядомъ потревоженнаго стараго пса, а господинъ сталъ подниматься по узкой деревянной лѣстницѣ. Подъемной машины не было, но онъ быстро взбѣжалъ всѣ шесть этажей и только на послѣдней площадкѣ приостановился передохнуть, облокотясь на полированные перила.

На площадку выходили три двери безъ всякихъ звонковъ. Онѣ вели въ комнаты, принадлежащія квартирамъ нижнихъ эта-

жей и предназначающіяся для прислугъ, но иногда сдающіяся въ наемъ расчетливыми хозяйками, которыя предпочитаютъ держать приходящую прислугу или пользоваться услугами консьержки.

Надъ одной изъ дверей стоялъ № 12. Въ эту дверь онъ постучалъ властнымъ, быстрымъ стукомъ, точно зная напередъ, что его приходъ будетъ кстати.

— Entrez!—отозвался изъ-за двери молодой женскій голосъ, даже въ этихъ двухъ слогахъ выказавшій чистоту и музыкальность.

Онъ медлилъ войти, забавно заинтересованный вдругъ идеей по звуку голоса вообразить себѣ лицо женщины, которую онъ еще не зналъ. Голосъ былъ не высокій и не слишкомъ звонкій, но очень нѣжный и своеобразно мелодичный. «Блондинка, навѣрно, съ лицомъ Гретхень... Небольшого роста... Невинные глаза»... Не столько подумалъ онъ, сколько представилъ себѣ какой-то неяс-

ный женскій образъ, но въ это время голосъ повторилъ съ легкимъ оттѣнкомъ удивленія:

— Entrez!

Послышался шумъ отодвинутаго стула. И ему отворила дверь молодая дѣвушка. Нѣтъ, не блондинка; у нея были темные волосы, высокая тоненькая фигура и очень большіе, почти слишкомъ большіе для маленькой головы глаза.

И на Гретхенъ она вовсе не была похожа. Съ перваго взгляда она показалась ему слишкомъ строгой: болѣе чѣмъ простой костюмъ той полу-мужской, полу-англійской складки, которую теперь начали признавать женщины: темная суконная юбка, крахмальная рубашечка суроваго батиста съ бѣлымъ воротникомъ, кожаный поясокъ и красный галстукъ; прическа по-мальчишески, косою проборъ, и никакой робости въ лицѣ, только слегка удивленное выраженіе глазъ, прищу-

ренныхъ чутьчку—вѣрно близорука—и суховатый тонъ.

— Monsieur?..

— Лидія Павловна Иртеньева?—вопросомъ отвѣтилъ онъ ей.

При звукахъ родного языка глаза ея широко открылись отъ неожиданности; она быстро отвѣтила:

— Это я...

— Позвольте представиться: Заблоцкій, сослуживецъ и пріятель вашего ба-тюшки.

— Ахъ, Боже мой, отца! Какъ же, я о васъ слышала, т.-е. знаю отъ него!—совсѣмъ другимъ тономъ заговорила она.—Садитесь, пожалуйста! Отъ папы! Господи! Простите... имя ваше?

— Андрей Петровичъ...

— Я такъ рада увидѣть человѣка изъ нашихъ краевъ!.. То-есть даже собствен-но не изъ моихъ краевъ... а отъ папы... Ну что же онъ? Здоровъ? Какъ они тамъ всѣ?..

Она закидала его вопросами, вся взволнованная. Дорогое лицо старика вдруг так ясно встало передъ ней; ей казалось, что этотъ до сихъ поръ чужой ей человѣкъ долженъ былъ принести ей съ собой больше «ея папы», чѣмъ равнодушная почта, и она торопливо его спрашивала:

— Ну что же, что́... Какъ они тамъ всѣ?..

— Папа вашъ совершенно здоровъ, прекрасно себя чувствуетъ,—началь Заблочкий, сразу захваченный сочувствіемъ къ ея волненію,—вся семья—тоже. Они узнали, что я буду въ Парижѣ, и просили меня побывать у васъ... чтобы я могъ имъ подробно рассказать о вашемъ житьѣ-бытьѣ... А кромѣ того передать вамъ вотъ эту посылку и письмо.

Онъ передалъ ей объемистый пакетъ и письмо. Она схватилась за письмо, шепча: «Милые мои, милые!..»

Надорвала конвертъ и только тогда опомнилась:

— Простите?

— Ради Бога! Не обращайтесь на меня никакого вниманія! Я подожду, если позволите...

— Пожалуйста!..

Она отошла къ окну и углубилась въ чтеніе, а онъ украдкой разсматривалъ ее. Нѣтъ, сейчасъ она совсѣмъ не казалась такимъ мальчуганомъ: вся розовая, съ влажными глазами и растроганной улыбкой на лицѣ, она была какъ-то мягче и женственнѣе, худенькая фигурка дышала своеобразной граціей. Ей можно было дать лѣтъ 18, но самъ старикъ Иртеневъ говорилъ ему, что ей 23 года. Отъ нея онъ перешелъ къ комнатѣ, вспоминая, что обѣщалъ ея сестренкѣ «запомнить все, все, какъ у Лидуси»:

Комната была небольшая, но чистенькая. Кровать пряталась въ альковѣ за занавѣской изъ пестрой «persienne». Такой же матеріей была обита доска камина, надъ которой во всю ширину его

вдѣлано было низкое зеркало. Маленькое пианино, круглый столъ, большое кресло, пара стульевъ, полка съ книгами да сундукъ, обитый черной кожей,— вотъ все, что находилось въ комнатѣ. Шкапъ прятался въ стѣнѣ и не занималъ мѣста; складныя внутреннія ставни оконъ дополнялись пестрыми гардинами. Въ окна виднѣлось цѣлое море крышъ. Заблочкій осматривалъ комнатку и мысленно по ней рисовалъ себѣ жизнь дѣвушки. «За комнату платить... Франковъ 35—40, не больше. А! Спиртовая «бульотка» и сковородка, притаившіяся на полочкѣ, въ углу; рядомъ какіе-то пакетики... съ надписью: «Epicier et fruitier A. Lambret». Значить, сама себѣ устраиваетъ завтракъ, а, быть можетъ, и обѣдъ... Ноты раскрыты на пианино: вокализы Віардо... учится усердно. Рабочая корзинка и куски батиستا... случается себѣ кое-что самой мастерить? Не мудрено: старикъ врядли ей можетъ больше рублей 50—60 высылать!..»

Сочувствіе опять шевельнулось у него къ этой хорошенькой дѣвушкѣ; онъ самъ когда-то студентомъ жилъ на 15 рублей въ мѣсяць; хоть это было давно, но онъ помнилъ это... А теперь его жена въ 50 рублей шляпки носить, «совсѣмъ простенькая.., но modèle—даромъ: 50 руб.!» Портреты на каминѣ... Съ нѣкоторымъ любопытствомъ подошелъ: отецъ... сестры... братья... два-три любимыхъ всей Россіей лица, и больше никого... Пучокъ розовой гвоздики: а, значить, любить цвѣты, позволяетъ себѣ эту роскошь на 50 сантимовъ! Книги на столѣ... Тургеневъ, это, вѣрно, съ собой взяла изъ Россіи. А вотъ—изъ бібліотеки. Онъ взялъ въ руки потрепанный томикъ, ожидая найти модный романъ, но увидалъ Герцена. На наудачу раскрытой страницѣ бросилась въ глаза подчеркнутая фраза: *Трудъ — наша молитва.*

«Вотъ какъ у насъ!», съ легкой, но сочувственной усмѣшкой подумалъ онъ.

Ему было немного странно, что онъ такъ внезапно попалъ въ комнату молодой дѣвушки, до этого дня совершенно чужой ему,—и попалъ въ ея интимную обстановку, такъ сказать, застигъ ее врасплохъ. Было и немного какъ будто неловко за тотъ мысленный обыскъ, который онъ дѣлалъ у нея,—можетъ быть, именно потому, что нашель не вполнѣ то, чего ожидалъ у самостоятельной дѣвушки, готовящейся къ артистической карьерѣ и живущей въ Парижѣ. И скромная комнатка трогала его. Онъ вдругъ живо представилъ себѣ свою прелестную Надюшу вотъ въ такой же обстановкѣ, одну, вдалекѣ отъ всего родного, и ему стало пріятно, что онъ такъ можетъ описать старику Иртеньеву обстановку его дочки.

Въ это время она кончила письмо. Слезы катились по ея щекамъ, но она не замѣчала этого, и, улыбаясь, протянула Заблоцкому руку.

— Отецъ пишетъ, что вы такъ облег-

чили ему первые годы въ чужомъ университетѣ, въ чужомъ городѣ, что онъ васъ считаетъ своимъ настоящимъ другомъ... Бѣдный мой, дорогой папочка! Если бы вы знали, какъ я цѣню всѣхъ, кто его любить... Спасибо вамъ!

— Полноте, что вы!—удерживая ея руку, сказалъ онъ.—Павель Егоровичъ такой рѣдкой души человѣкъ, его весь Кіевъ за эти два года полюбить успѣлъ!..

— О, папа! Это—удивительный человѣкъ!—воскликнула она. Глаза ея заблестѣли.—Если бы онъ не долженъ былъ такъ много работать... на всѣхъ насъ...—Ея тонкія брови болѣзненно наморщились.—Его имя было бы извѣстно всей Россіи!..

Потомъ она сама сконфузилась своего порыва и перевела разговоръ:

— Папа пишетъ мнѣ, чтобы я васъ считала своимъ другомъ... И я это сдѣлаю отъ всей души!..

— Постараюсь оправдать ваше довѣ-

ріе! И принимаю его. Вы увидите, что это—не фраза.

— Но, рассказывайте мнѣ. Какъ они тамъ. Вѣдь я ихъ больше двухъ лѣтъ не видала! Я уѣхала изъ Харькова какъ разъ передъ тѣмъ, какъ папа перевелся къ вамъ.

— Всѣ ваши живы, здоровы... отлично себя чувствуютъ, но постоянно вспоминаютъ объ отсутствующей. Мы часто бываемъ другъ у друга: жена моя очень сошлась съ вашей... матушкой...

— Мачехой?—тихо не то переспросила, не то поправила Лидія.

— Да... а моя дочка въ одномъ классѣ съ вашей сестрой Олей..

— Какъ? У васъ уже такая большая дочь?—удивилась она, взглянувъ на него и словно только-что его разглядѣвъ, такъ она была занята до сихъ поръ своими мыслями.

— Моей Надюшѣ семнадцатый годъ!—улыбнулся Заблоцкій. Онъ привыкъ къ этимъ удивленіямъ.

Ему шель 43-й годъ, но больше 32-хъ—34-хъ не даль бы ему и самый внимательный наблюдатель. Правда, въ волосахъ у него была сильная просѣдь, но скорѣе хотѣлось удивиться, почему онъ такъ рано посѣдѣлъ. Смуглое лицо казалось совсѣмъ молодымъ, благодаря блестящимъ глазамъ; и ротъ былъ яркій, не потерявшій кармина молодости, съ великолѣпными, бѣлыми зубами. Все въ немъ выдавало счастливую и здоровую организацію и непренебреженіе мускульной работой.

Дѣйствительно, невзирая на свое профессорство, онъ былъ членомъ Яхт-клуба, а въ университетъ пріѣзжалъ на велосипедѣ. Онъ былъ строенъ и элегантно одѣтъ, а темная бородка его была подстрижена не преувеличенно модно, но въ мѣру. Научныя занятія не мѣшали ему заботиться о себѣ, и онъ любилъ повторять, что «не считаетъ неопрятностинеобходимой вивѣской россійскаго либерала».

Онъ спокойно выдерживаль ея осмотръ и не безъ тѣни кокетства прибавиль:

— Я—старикъ, Лидія Павловна!

Тутъ уже она засмѣялась, даже не противорѣча ему.

— Ну вотъ что... рассказывайте!..

Она сѣла противъ него у стола, облокотившись и подперевъ подбородокъ обѣими ладонями, и, не отрывая отъ него глазъ, слушала. Ей чудилось, что онъ принесъ съ собою частичку той любви, той нѣжности, которой ей часто такъ не хватало въ ея одинокой комнаткѣ, а онъ, поддаваясь все больше чувству симпатіи, рассказываль ей «все, все»,—какъ живеть ея отецъ, кто его окружаетъ, какая у нихъ квартира, и т. д. Витя останется ассистентомъ при клиникѣ, стоитъ на очень хорошей дорогѣ. Борисъ чудесно играетъ на скрипкѣ; выступаетъ на всѣхъ концертахъ; устраиваютъ и дома концерты,—собираются по субботамъ,—у насъ Надюша съ нимъ дуэты разыгры-

ваеть... Толкують о Толстомъ, о марксизмѣ, о томъ, о семъ, а глядишь—фанты устроятъ или жмурки затѣють, весь домъ вверхъ дномъ поставятъ. Оля похожа на нее, на Лидію, только меньше ростомъ и полнѣе; даетъ уроки, а сама учится въ гимназіи отлично. Володя и младшія три дѣвочки—отъ мачехи—тоже учатся, Катя перешла во второй классъ... Тетушка попрежнему бродитъ съ завязанными зубами и упивается романами... А няня, о, няня заставляетъ Володю или Катю каждый день себѣ читать телеграммы въ газетахъ изъ Парижа, когда телеграфируютъ о какихъ-нибудь émeutes; она мѣста себѣ не находитъ и все твердить: «Только бы нашу Лидусю тамъ какъ-нибудь не зашибли, ну да, небось, написали бы въ телеграммахъ-то?» Ее, конечно, успокаиваютъ, что обязательно написали бы, и для нея теперь парижскія телеграммы дороги, какъ извѣстія съ поля битвы во время севастопольской

компани! Когда она узнала, что онъ ѣдетъ въ Парижъ, то пришла къ нему при гостяхъ и просила Христомъ-Богомъ отвезти отъ нея Лидусъ самоварчикъ, «а то, какъ написала она, что самоваровъ у нихъ нѣтъ, такъ мнѣ и чай въ глотку не идетъ!» Насилу убѣдили ее, что тамъ ставить самовары прислуга не умѣетъ. Ну, она, конечно, прослезилась и приказала Лидусъ кланяться и цѣловать, «а пуще всего, чтобы калоши носила, а то она этого не любитъ!» Лидія слушала его, смѣясь и плача въ одно и то же время.

— Простите, что я такая глупая... не могу удержаться отъ слезъ... Они мнѣ часто пишутъ, но какъ-то живая рѣчь ближе; мнѣ кажется, что я ихъ вижу и слышу...

— Полноте, развѣ я не понимаю? Вамъ здѣсь, должно быть, иногда очень скучно... Вы привыкли къ большой семьѣ, къ шуму. Ну, да теперь вы мнѣ позволите

исполнить порученіе Павла Егоровича и васъ хорошенько здѣсь развлечь, показать вамъ Парижъ... Я пари держу,—за смѣялся онъ,—что вы Парижъ меньше моего знаете, хоть и живете здѣсь третій годъ...

— Что правда, то правда; да какой же здѣсь Парижъ? У насъ тутъ провинція... А на бульварахъ я рѣдко бываю...

— Вы должны мнѣ рассказать подробно, какъ вы живете, вѣдь я обѣщаль все отцу передать.

О! Ея жизнь такъ однообразна...

Утромъ ее будить m-me Poigeau, принося ей воду, рассказываетъ свѣжія новости квартала: кто съ кѣмъ поссорился, кто кого зарѣзалъ, почему вишни; а также и событія текущей политики, за которой m-me Poigeau яро слѣдитъ. Она сама себѣ готовитъ кофе и бѣжитъ къ учителю пѣнія. Онъ живетъ далеко, переѣхалъ близъ Madeleine, и въ скверную погоду она позволяетъ себѣ роскошь—

омнибусъ. Вернувшись пѣшкомъ, она или по дорогѣ заходитъ пообѣдать въ скромный пансіонъ m-me Marie, гдѣ обѣдаютъ нѣкоторыя изъ ея соученицъ, а чаще покупаетъ себѣ въ boucherie готовую телячью котлетку, или кусокъ курицы, или приправленный биштексъ, какъ это принято въ Парижѣ, и поджариваетъ ихъ на своей машинкѣ; потомъ кусокъ сыра, нѣсколько вишенъ или зеленыхъ миндалинъ, и обѣдъ готовъ... Фрукты такъ дешевы въ Парижѣ у «marchands des quatre-saisons», которые возятъ по улицамъ ручныя телѣжки; у нихъ же она покупаетъ и свой пучокъ цвѣтовъ, смотря по сезону, «une touffe de violettes, une botte de narcisses». Гораздо веселѣе такъ самой хозяйничать, чѣмъ итти къ этой m-me Marie, гдѣ всегда много народа въ тѣсной и грязной столовой. Она—не французенка. Кто она—неизвѣстно. Она говоритъ одинаково скверно на всѣхъ языкахъ и увѣряетъ русскихъ, что она—рус-

ская, нѣмцевъ,—что нѣмка, болгаръ,—что болгарка и т. п. Кормить она за 1 фр. 25 сант. жирно и невкусно... дома лучше, хоть и возня. И потомъ можно пообѣдать, когда хочешь. Послѣ ранняго обѣда—часовъ въ пять—она идетъ прогуляться, или куда-нибудь по дѣлу: обмѣнить ноты, купить какой-нибудь пустячекъ въ GalleriesLafayette, полюбоваться оживленной толпой «большихъ бульваровъ», роскошью витринъ, золотыми украшениями Оперы. И опять къ себѣ, на свой 6-й этажъ, заниматься до вечера. Вечеромъ куда-нибудь въ театръ... очень рѣдко... а иногда учитель даетъ ей контрамарки въ Эраровскую залу, гдѣ бывають музыкальные вечера. Всего же чаще она сидитъ дома, читаетъ, пишетъ письма... Иногда пойдетъ къ подругѣ пить чай или та заглянетъ къ ней. Знакомыхъ?.. Какіе же могутъ быть у нея знакомые! Съ парижскимъ обществомъ нечего и мечтать сойтись; надо не знать Парижа, что-

бы надѣяться на это. Русская колонія, та, которая въ церкви сидитъ на стульяхъ съ ковромъ подъ ногами и одинаково веселѣ «шелеститъ» по-французски и по-англійски за обѣдней въ rue Daqu, какъ на раутахъ въ посольствѣ, эта—еще недоступнѣе. Съ соучениками она ограничивается официальнымъ знакомствомъ, если не считать двухъ-трехъ подругъ. Здѣсь надо быть очень осторожной...

— Въ особенности молодой дѣвушкѣ... —сказаль онъ, не договаривая того, что договорилъ его взглядъ, любующійся ея граціозной фигуркой: «такой, какъ вы».

— Изъ вашего разсказа я еще разъ вывожу заключеніе,—продолжалъ онъ,— что, живя въ Парижѣ, вы совсѣмъ не чувствуете, такъ сказать, его «нерва». Ну, вы мнѣ позвольте на правахъ дружбы и съ порученія вашего отца немножко васъ съ Парижемъ познакомить. Сейчасъ я васъ не смѣю больше задерживать, къ тому же у меня есть кое-какія дѣла, а

завтра, если вы позволите, я заѣду за вами мы вмѣстѣ позавтракаемъ. Хорошо?

Онъ такъ просто и сердечно спрашивалъ, что она невольно такъ же просто отвѣтила:

— Съ большимъ удовольствіемъ!

Сговорились на половинѣ второго, — до половины перваго у Лидіи былъ урокъ, — и распростились совсѣмъ друзьями.

Когда Заблоцкій проходилъ мимо «ложи» привратника, онъ кинулъ взглядъ въ отворенную дверь. «Ложа» была затянута ковромъ, на каминѣ возвышались фарфоровыя вазы съ цвѣтами. М-me Poireau возсѣдала въ обитомъ трипомъ палисандровомъ креслѣ и любезно закивала ему: «Monsieur a bien trouvé mademoiselle?»

— Merci, merci, madame!.. — и онъ поторопился предложить ей золотой десятифранковикъ, — это былъ его принципъ какъ за границей, такъ и въ Россіи быть въ дружбѣ съ швейцарцами, памятуя, что отъ нихъ многое зависитъ.

— Oh, monsieur!—вскочила m-me Poireau, какъ на рессорахъ, и превратилась вся въ одинъ улыбающійся реверансъ. Когда Зabloцкій скрылся, она обратилась къ неподвижно курившему свою сигару супругу и изрекла:

— Poireau? C'est du serieux.

II.

Лидіи шель 24-й годъ, и почти три года она жила самостоятельно. По воспитанію она была далеко отъ своей бабушки и даже отъ своей матери. Все рѣже и рѣже встрѣчается теперь когда-то столь излюбленный нашими поэтами и писателями типъ дѣвушки-ангела, дѣвушки-лиліи и т. д. Наши ангелы и лиліи съ юныхъ лѣтъ должны думать по большей части о кускѣ хлѣба, о своемъ будущемъ, и если у нихъ есть *чистота*, зато *наивности* уже не бываетъ.

Лидія росла на свободѣ, въ ихъ домѣ

обо всемъ говорилось открыто, читала она съ дѣтства все, что бывало дома, и рано знакомилась съ жизнью. Она развивалась нормально, и если ея до этихъ лѣтъ не коснулось никакое увлеченіе, то виною этого были обстоятельства, а не недостатокъ темперамента или сердца. Ей было лѣтъ тринадцать, когда умерла ея мать; эта потеря обожаемой матери на всю ея юность наложила отпечатокъ грусти, и всю нѣжность она перенесла на отца и младшихъ дѣтей. Года черезъ два отецъ женился вторично; онъ не былъ счастливъ въ этомъ бракѣ, и глухая драма семейныхъ неурядицъ опять надолго заняла Лидію. Она фанатично оберегала «маленькихъ» отъ произвола мачехи, и ей было не до себя. Наконецъ, «маленькіе» стали подрастать, а появлялись новыя дѣти. Отцу становилось все труднѣе работать, и у Лидіи явилось страстное желаніе выбиться на дорогу, сдѣлаться «чѣмъ-нибудь». У нея былъ

чудесный голосъ, составлявшій гордость всей гимназіи. Отецъ, обожавшій ее, откликнулся на ея планы и самъ уговорилъ ее ѣхать въ Парижъ.

— Все равно учиться въ провинціи нельзя, а если ѣхать, такъ ужъ лучше за границу. Этимъ кончаютъ всѣ русскія пѣвицы свое образованіе, а ты сразу возьми быка за рога! — говорилъ онъ, ероша сѣдые волосы и блестя глазами. — Стоить это будетъ почти то же самое.

— Тебѣ трудно будетъ!

— Эхъ, дѣвочка! Пока есть силы, надо васъ на ноги поставить...

Она колебалась нѣкоторое время, не взять ли ей сейчасъ же мѣсто на телефонѣ или въ управѣ... и сразу стать помощницей отца; но когда она съ нимъ объ этомъ заговорила, то онъ же возмутился.

— Это что? Сдѣлать себѣ изъ жизни темный коридоръ съ однимъ выходомъ? Нѣтъ, дѣвочка, изъ тебя кое-что выйдетъ;

разъ тебѣ судьба дала голосъ, значить и надо имъ пользоваться.

Да она и сама горячо вѣрила въ то, что изъ нея «кое-что» выйдетъ, и рѣшила уѣхать. Съ тѣхъ поръ она не выѣзжала изъ Парижа, на лѣто уѣзжая за своимъ учителемъ въ Нормандію, къ морю, чтобы не терять времени, и работала усердно, любя свое пѣніе какъ что-то живое... Мечты о будущемъ помогали ей переносить и одиночество, и эту монотонную жизнь въ городѣ, который зовется «Ville-Lumière» и въ самомъ центрѣ развлеченій, наслажденій, роскоши, соблазна—жить въ своей кельѣ, точно даже не подозрѣвая всего, что ее окружаетъ.

Она мало съ кѣмъ сходилась изъ окружающихъ, помня завѣты отца и не желая огорчать старика. Не разъ, несмотря на это, приходилось ей наталкиваться на недвусмысленныя ухаживанія, на отношеніе, обычное къ одинокой и хоро-

шенькой дѣвушкѣ, безцеремонное разсматриваніе, свободные разговоры и т. п. И теперь она съ особеннымъ удовольствіемъ пошла навстрѣчу слову «дружба», произнесенному Заблоцкимъ и скрѣпленному письмомъ отца; ей пріятно было, что человѣкъ, близкій ея отцу и, значить, умный и интересный («о, папа не сошелся бы съ ничтожествомъ»), немного выведетъ ее изъ той замкнутости, изъ того одиночества, въ которыхъ иногда бессознательно томила ее молодость. Потому она съ какимъ-то даже легкимъ волненіемъ поджидала Заблоцкаго на другой день.

До сихъ поръ подобнаго развлеченія, какъ поѣздка обѣдать куда-нибудь, она себѣ не могла позволить; одной или съ подругой нельзя было; съ братомъ ея пріятельницы, студентомъ Ротбергомъ, слушавшимъ лекціи въ Сорбоннѣ, за невозможностью слушать ихъ въ Кіевѣ, не могла по той простой причинѣ, что у

Ротберга рѣдко бывало нѣсколько лиш-
нихъ су на табакъ.

Она была совсѣмъ готова, когда услы-
шала стукъ въ дверь и онъ вошелъ
свѣжій, стройный въ своемъ свѣтломъ
пальто, съ розовой гвоздикой въ пет-
личкѣ.

Онъ взглянулъ на нее и уже совсѣмъ
по-дружески сказалъ:

— Да вы настоящая Снѣгурочка!

Лидія была вся въ бѣломъ. Бѣлое пи-
кейное платьѣ обычнаго англійскаго фа-
сона, такой же сапогъ, бѣлый зонтикъ, —
все это было куплено за гроши въ боль-
шомъ магазинѣ, но все это сидѣло по-
парижски и носило марку неуловимаго
изящества, которымъ тамъ полна каждая
мелочь, а легкій тюлевый бантъ вмѣсто
галстука — клочекъ облачка — придавалъ
всему костюму что-то женственное, ко-
кетливое и нѣжное, скрадывая его стро-
гую простоту.

И ей было приятно, что онъ обратилъ

вниманіе на ея внѣшность, — это чисто женское чувство шевельнулось въ ней.

— Куда же мы?

— Вы общали меня слушаться, такъ повинуйтесь! — шутливо отвѣтилъ онъ, и они весело спустились съ лѣстницы.

Когда Лидія отдавала ключъ консьержкѣ, та значительно улыбулась и съ любезной фамиллярностью пожелала:

— Bonne promenade, m-lle!

Поглядывая на элегантную коляску, имѣющую видъ собственной, — Заблоцкій взялъ ее изъ отеля, — на шинахъ, позванивающую тихонько бубенчикомъ «для предупрежденія»

Лидія даже растерялась при видѣ коляски.

— Я думала, мы на omnibusъ поѣдемъ!

— Нѣтъ, ужъ извините! — серьезно возразилъ Заблоцкій. — Мнѣ, старику, нужны удобства.

— Ну, положимъ, вы такъ отлично звбираетесь ко мнѣ на шестой этажъ,

что могли бы и на имперіаль со мной подняться! Я очень люблю ѣздить на имперіаль; помните, гдѣ это:

«Люблю въ дыханьи вѣтерка,
На крышѣ коннаго вагона
На міръ смотрѣть я свысока»...

Кажется, такъ?.. У насъ, вѣдь, этого дамамъ не позволяютъ!..

Тѣмъ временемъ онъ усадилъ ее въ экипажъ, и они поѣхали.

Лидія не могла не признаться однако, что съ мягкихъ подушекъ коляски оказалось пріятнѣе смотрѣть на уличное движеніе, чѣмъ съ птичьяго полета, — оно было ближе, замѣтнѣе, — и она при- молкла и съ интересомъ приглядывалась къ тому, что творилось на улицахъ.

Съ неожиданно-рѣзкимъ стрекотаньемъ обгоняли ихъ автомобили, мчались паровыя каретки, сверкали колеса трисиклей, бисиклей, простыхъ и двойныхъ; тяжко громыхали омнибусы, сдвигаемые съ мѣ-

ста угрюмыми першеронами, съ сидящимъ гдѣ-то подъ небесами угрюмымъ кучеромъ; извозчики въ бѣлыхъ цилиндрахъ; звенѣли звонки, слышались трубные звуки омнибусовъ, рожки велосипедистовъ, хриплые крики «Paris-Sport!», «Petit bleu», бѣжали во весь духъ худые camelots... Казалось удивительнымъ, какъ все это не спутается въ одну общую кашу, а время-отъ-времени, повинувшись взмаху волшебной бѣлой палочки полицейскаго, все останавливалось на минуту, что-нибудь или кого-нибудь пропускало и опять принималось за шумный круговоротъ.

Вотъ проѣзжаетъ огромная бочка, поливающая раскаленный асфальтъ мостовой; вотъ везетъ старая старушонка, коричневая, сморщенная, — старушонка поэмъ Коппэ, — повозочку, нагруженную бѣдными, предестными, умирающими цвѣтами. А вонъ летятъ двѣ бисиклетки рядомъ: на одной —

мужъ, на другой — жена, въ короткихъ панталонахъ и мужской шляпочкѣ, придающей ей видъ задорнаго мальчугана, а къ ея велосипеду привязана дѣтская колясочка-креслице; тамъ сидитъ улыбающійся бѣби и болтаетъ розовыми ножками въ короткихъ носочкахъ, истое дитя Парижа, — въ два года уже ничего не боится.

— Современные «monsieur, madame et bébé!» — пошутилъ Заблоцкій.

— Ужасно! Какъ она не боится!..

На стѣнахъ бросаются въ глаза раскрашенные афиши. Витрины цвѣточныхъ магазиновъ, блестящія всѣми красками, всей роскошью лѣта; выставки книжныхъ лавокъ, пестрящія названіями «romans passionnels» «L'amour est mon péché», «L'amour sanglant» «Aphrodite», «Nouvelles amoureuses», — словомъ, любовь, склоняемая во всѣхъ падежахъ. Переполненная публикой кафэ, ни одного женскаго лица безъ ярко-накрашен-

ныхъ губъ, безъ подведенныхъ и тревожно-блестящихъ глазъ.

И все это куда-то спѣшить, торопится, поспѣваетъ, къ чему-то манить... все дышитъ жизнью, словно каждый камень мостовой трепещетъ, и эта пульсація передается всему. И во всемъ — жизнь, такая непохожая на жизнь Россіи, болѣе откровенная, болѣе открытая улицъ, насыщенная запахомъ цвѣтовъ, украшенная изяществомъ, хотя бы внѣшнимъ, но доступнымъ болѣе или менѣе для всѣхъ... И эта жизнь кидается въ голову, какъ крѣпкое вино...

— Это мое любимое мѣсто! — оторвавшись отъ своихъ мыслей, сказала Лидія Заблоцкому.

Они выѣхали на площадь Согласія съ ея фонтанами и величественными статуями. Стройный обелискъ высился, задумавшись о своемъ Люксорскомъ двойникѣ, а впереди разстилалась чудесная avenue des Champs Elysées. По обѣимъ

сторонамъ аллеи зелеными шпалерами стояли великолѣпные каштаны.

— Ахъ, посмотрите!—указала на нихъ Лидія.

Каштаны зацвѣли во второй разъ страннымъ капризомъ природы, и посреди ихъ густой, темной, уже опаленной юлемъ листвы мѣстами ярко выдѣлялась нѣжная свѣтлая зелень и, какъ свѣтильники, поднимались крупные бѣло-розовые цвѣты.

— Какъ красиво!

— Поздняя любовь! — промолвилъ Заблоцкій. — Вотъ такъ и человѣкъ иной, разъ думаетъ, что его душа уже отцвѣла, и вдругъ — новые цвѣты... Впрочемъ, вамъ объ этомъ думать не приходилось! Вамъ еще долго цвѣсти... вашъ май еще впереди. — По привычкѣ русскаго человѣка говорить непременно о любви, разъ оставшись наединѣ съ женщиной, онъ спросилъ:—Мнѣ хотѣлось бы вамъ задать одинъ вопросъ.

— Пожалуйста...

— Разъ навсегда: съ вами можно говорить прямо или надо постоянно вспоминать о правилахъ свѣтскихъ «causeries»?

— Разъ навсегда — говорите просто.

— Вы любили?

— Нѣтъ! — такъ спокойно отвѣтила она, что онъ не могъ не повѣрить.

— Странная вы, современная дѣвушка.

— Чѣмъ?

— Какъ вы мало думаете о любви!

— Мало, вы думаете?.. Вѣроятно, меньше, чѣмъ наши бабушки, но это такъ понятно... Намъ больше приходится думать о завтрашнемъ днѣ.

— Да, конечно. Соціальныя условія мѣняются, жизнь становится сложнѣе... Я цѣню и уважаю современныхъ дѣвушекъ, но... долженъ сознаться, что все-таки у нихъ какъ-то не хватаетъ... поэтичности, ну, иллюзіи, что ли?..

— Наши иллюзіи намъ достаются уже разбитыми!

— Да нужны ли вамъ онѣ?..

Она улыбнулась, не отвѣчая, и перевела глаза. Въ розоватомъ отливѣ солнца туманно обрисовывался изящный силуэтъ триумфальной арки; сквозь ея пролетъ нѣжными тонами алѣло небо и синѣла полоса Булонскаго лѣса.

Лихорадка дѣятельности большихъ улицъ уступала мѣсто счастливому бездѣлю; здѣсь только обгоняли другъ друга ѣдущіе въ лѣсъ; женщины разваливались на подушкахъ колясокъ съ томными взглядами впередъ, въ синѣющую даль лѣса; колеса катились безшумно; въ воздухѣ то носилась мелкая пыль фонтановъ, то ароматъ цвѣтовъ... Становилось прохладно,—они вѣхали въ Булонскій лѣсъ.

Нѣкоторое время они ѣхали въ зеленомъ сумракѣ тѣнистыхъ аллей, наслаждаясь

тишиной и свѣжестью. Наконецъ, пышныя деревья разступились, чтобы показать имъ кусочки неба, упавшаго на землю, — это было озеро, все голубое отъ отражавшагося неба. Улыбающаяся, немного искусственная грація пейзажа была всётаки прелестна, хоть и напоминала декорацию. Посреди озера, какъ большой букетъ, стояли островки; на одномъ изъ нихъ прятался въ цвѣтахъ швейцарскій домикъ.

— Какая прелесть!—вскрикнула Лидія.

— Вамъ нравится? Очень радъ: мы тутъ-то и будемъ завтракать!—отвѣтилъ онъ, любуясь ея восхищеніемъ. Ему было приятно доставить ей удовольствіе, при чемъ онъ вспоминалъ старика, его близорукіе глаза и дрожащій голосъ, когда онъ, вытирая очки, говорилъ:

— Ужъ побалуйте тамъ, коллега, мою дѣвочку... Все одна вѣдь... никого у нея...

Они оставили кучера на берегу, а сами спустились къ водѣ и въ бѣлой лодочкѣ

переправились на островъ. Лидія сидѣла довольная, какъ ребенокъ, и ея большіе глаза съ восторгомъ смотрѣли кругомъ.

Въ швейцарскомъ домикѣ въ этотъ часъ было немного народа. Какая-то семья расположилась внизу; между клумбами бѣгали и смѣялись двѣ нарядныя дѣвочки; въ бесѣдкѣ, обвитой каприфиолемъ, завтракала влюбленная парочка.

Заблоцкій распорядился, чтобы имъ дали угловой кабинетъ и накрыли на балконѣ. Онъ хотѣлъ подчеркнуть, что хотя желаетъ быть съ нею отдѣльно, но у всѣхъ на глазахъ.

Легкія бамбуковыя кресла, столъ, накрытый бѣлоснѣжной скатертью, на столѣ янтарная дыня, груда ярко-красной клубники, бутылка tisane въ серебряномъ холодильнике и букетъ розъ на длинныхъ стебляхъ—соблазнъ для художника «nature morte», хотя эта натура вовсе не казалась мертвой, наоборотъ—все дышало жизнью и радостью. Ça çon въ бѣломъ

передникъ съ лицомъ актера принесъ имъ серебряное блюдо съ omelette aux champignons.

— Отдайте ей честь! На видъ она недурна.

Заказалъ онъ со вкусомъ: за яичницей явились маленькія форельки au beurre noir, за ними крохотныя и розовыя бананы котлеты на слоѣ спаржи, потомъ дыня, — которую она шутя выпросила позволеніе ѣсть не по-французски — передъ завтракомъ и съ солью, а по-русски — послѣ. Къ земляникъ онъ приказалъ подать горшечки crême d'Isigny и предупредилъ ее, что нарочно спросилъ tisane, такъ какъ это легче шампанскаго и замѣняетъ воду.

Однако отъ этой воды у нея порозовѣли щеки и заблестѣли искорки въ глазахъ. Молодой аппетитъ ея приводилъ его въ восторгъ. Она не думала ломаться, и этотъ тонкій завтракъ очень ей нравился послѣ ея постоянныхъ телячьихъ

котлетъ и самодѣльной яичницы. Она прихлебывала блѣдно-золотистую жидкость маленькими глотками и смотрѣла вдаль съ неопредѣленной улыбкой.

Напротивъ, на томъ берегу, ярко зеленѣла береговая лужайка, надъ ярко-зелеными деревьями синѣла яркая эмаль неба, а на фонѣ лужайки красивымъ пятномъ выдѣлялись двѣ женскія фигуры въ бѣломъ: одна стоя, другая сидя.

— Помните панно въ Салонѣ?..

— Да, да! Бѣлыя женщины на зеленыхъ лужайкахъ—не то Мюллé, не то Мейé, какъ французы произносятъ, а попросту говоря—Мюллера, или Мейера...

— Мои спутники нашли, что они неестественны: слишкомъ ярка зелень, слишкомъ сине небо, мало тѣней... А вотъ—здѣсь совсѣмъ такъ!..

— Да, попробуйте изобразить природу до мелочей вѣрно, часто захочется сказать: «такъ не бываетъ». Фантазія при-

роды куда богаче человѣческаго воображенія!..

Они обмѣнивались незначительными фразами, обращая вниманіе другъ друга то на то, то на другое, а сами невольно все больше и больше смотрѣли другъ на друга.

Она сняла шляпу. Душистый вѣтерокъ перебиралъ ея волосы и ласкалъ разгорѣвшіяся щеки. Ей было пріятно и весело, хотѣлось смѣяться и болтать,—она такъ давно ни съ кѣмъ такъ легко не говорила: вѣдь это былъ другъ, она это чувствовала... И она дала волю своимъ воспоминаніямъ, мечтамъ, надеждамъ и все время инстинктивно сознавала, что онъ любитъ ея,—это читалось въ его улыбкѣ, въ его глазахъ.

Лакей, принявшій ихъ сразу, естественно, за влюбленныхъ, теперь посматривалъ съ легкимъ изумленіемъ на строго-корректное поведеніе Заблоцкаго; вмѣстѣ съ тѣмъ его сбивало съ толку вниманіе

его къ тещи, приказаніе подать розы и т. д. «Ça ne mord pas encore!»—сообразжалъ онъ, а Заблоцкій слѣдилъ за его мыслями и не выдержалъ:

— Нашъ garçon не знаетъ, за кого ему насъ принять. Они здѣсь...—онъ вдругъ замялся, вспомнивъ, что нельзя же такъ свободно съ нею говорить, и отвѣтилъ на ея вопросительный взглядъ, не зная, какъ кончить фразу:—Они здѣсь не очень довѣряютъ дружескимъ отношеніямъ.

Она поняла, и вся вспыхнула, а онъ глядѣлъ на нее и думалъ, что въ сущности предположеніе garçon'a не такъ ужъ невѣроятно, что за отца ея онъ сойти не можетъ... хотя и могъ бы имъ быть.

Окончивъ свой «déjeuner dinatoire», они рѣшили еще прокатиться; имъ обоимъ не хотѣлось расходиться. Хотя они ничего особеннаго не сказали другъ другу, но этотъ день казался имъ удивительно интересно проведеннымъ. Обоюдное влече-

ченіе сказывалось ясно, и оба безъ словъ чувствовали, что имъ хорошо вмѣстѣ.

Они возвращались по аллеямъ Булонскаго лѣса, когда уже начало смеркаться.

Коляска мягко покачивалась; Лидія сидѣла, слегка откинувшись на эластичныя подушки, и, примолкнувъ, вдыхала, впивала запахъ розъ, лежавшихъ у нея на колѣняхъ. Новыя впечатлѣнія, запахъ этихъ розъ, выпитый бокалъ tisane, покачиваніе экипажа,—все это вмѣстѣ немножко отуманивало умъ, убаюкивало, какъ волшебная сказка... И невольно изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ она смотрѣла на зеленыя садовыя скамьи, пріютившіяся въ кустахъ по краямъ аллеи.

Сюда часто она съ компаніей своихъ подругъ и худымъ длиннымъ Ротбергомъ шла вечеромъ подышать воздухомъ. Они усаживались на скамью и то болтали о своихъ занятіяхъ, о томъ, о семъ, то замолкали и перебрасывались короткими

фразами, прислушиваясь, какъ изъ сгушавшейся мѣстами и прорѣзанной яркими звѣздочками цвѣтныхъ фонарей листвы, — гдѣ прятались элегантные павильоны раззолоченныхъ кафэ, — долетали истомные, раздражающіе вальсы румынскаго оркестра.

И она смотрѣла на все вокругъ: на душистые кустарники въ цвѣту, на акварельные тона вечерняго, зеленоватаго неба, на изящныя викторіи съ раздушенными парижанками, мчавшимися въ погоню за наслажденіями, — смотрѣла не съ завистью, а скорѣе съ легкою грустью, какъ на пролетающую мимо нея волнующуюся, улыбающуюся, звучащую такъ близко около нея и недоступную ей жизнь. Правда, у нея была молодость, а, значить, были и мечты и надежды, но иногда прокрадывался вопросъ, за который она сама себя упрекала: почему теперь не дано ей пользоваться прелестью жизни, — теперь, когда она моло-

да, когда чувства такъ ярки и остры, когда удовольствіе цѣнится полнѣе?..

И она медленно обыкновеннаго возвращалась на свой шестой этажъ, съ подавленнымъ вздохомъ оглядываясь назадъ, въ таинственную, широкую аллею, которая и въ темнотѣ не хотѣла спать и мерцала цвѣтными звѣздочками электричества и звенѣла струнными аккордами, и полна была тихаго смѣха, замиранія счастливыхъ голосовъ, можетъ быть, заглушенныхъ поцѣлуевъ...

И вдругъ, словно испугавшись, что ея мечты подслушаютъ, она вскинула глаза и встрѣтила такой откровенно восхищенный взглядъ, что у нея даже сердце забилося.

III.

«Отчего же не побаловать дѣвочку? Судьба ее не очень балуетъ, а это такое впечатлительное и чуткое существо, что ей прямо пріятно доставить какое-

нибудь удовольствіе»,—думалъ Заблочкий и самъ не замѣчалъ, какъ онъ втягивается въ это и какъ ему пріятно соображать и придумывать какую-нибудь новую прогулку, новое развлеченіе для Лидіи. Какъ будто его жизнь вдругъ нашла новую, увлекательную цѣль... О, конечно, не главную,—она давно была признана и упрощена,—но такую милую.

Обыкновенно теперь къ Лидіи поднималась м-ме Пуаро, ставшая необыкновенно услужливой, и объясняла, что м-г боялся помѣшать м-лле и что онъ ожидаетъ ее внизу.

Лидія быстро сбѣгала свои шесть этажей, весело постукивая каблучками, и, протягивая ему руки, оживленно, какъ ребенокъ, который ждетъ новой игрушки, спрашивала:

— Ну! Куда мы сегодня?..

И они отправлялись.

Парижъ обступалъ ихъ, охватывалъ своимъ разнообразіемъ. Свободные, слов-

но затерянные вдвоемъ въ громадномъ городѣ, они фланировали, какъ два товарища: то на быстромъ, легкомъ пароходикѣ по зеленоватымъ волнамъ красавицы Сены ѣхали, пока не привлекала ихъ взгляда какая-нибудь живописная деревушка, а тамъ въ «cabaret rustique», увитомъ плющемъ и клематитами, заказывали себѣ *goujons frits*, а сами убѣгали пѣшкомъ въ поля, гдѣ въ золотистой ржи густо разсыпаны красные махровые маки, собирали цвѣты, удили рыбу, забирались въ болото за водяными лиліями и возвращались веселые, голодные на террасу, откуда открывалась вся Сена и гдѣ ихъ ждалъ деревенскій обѣдъ. То по желѣзной дорогѣ уѣзжали въ Версаль; въ тѣнистомъ, вѣковомъ паркѣ, охваченные смутной поэзіей прошлаго, замедливъ шаги, бродили по аллеямъ... То они попадали на ярмарки, заходя въ разные балаганы, переходя отъ вагона къ вагону на колесахъ,—подвижнымъ обита-

лицамъ пестрыхъ и жалкихъ фигляровъ, то бродили подъ готическими сводами собора парижской Богоматери. Иногда онъ бралъ билеты въ театръ, и они упивались Фаустомъ въ «Grand-Opéra» или смѣялись надъ «куколкой» въ Gaité... И вездѣ ихъ прогулкамъ придавала значительность и прелесть помощь литературы и поэзи. Зabloцкій читалъ ей стихи Musset и Corréе въ деревенскомъ кабачкѣ, цитировалъ Тэна и Маколея въ Версалѣ, Гюго въ соборѣ и Верлена въ артистическихъ кабачкахъ на Монмартрѣ. Все, что онъ говорилъ, казалось ново и прекрасно Лиди, а ему доставляло новыя ощущенія ея нескрываемое восхищеніе и вниманіе, поднимало его нервы, дѣлало его сравненія—ярче, его память—свѣжѣе.

Она отдавалась очарованію новаго и еще неизвѣданнаго ощущенія: быть рядомъ съ человѣкомъ, который заботится о ней, балуетъ ее, исполняетъ каждое

ея желаніе, даже не высказанное, а отгаданное, — человекѣмъ, на чью сильную руку она такъ довѣрчиво опирается. Она узнавала сладость говорить *мы*, а не *я*, и та потребность подчиняться болѣе сильной волѣ хотя въ мелочахъ, которая такъ часто встрѣчается въ женщинѣ, у нея теперь вполнѣ удовлетворялась. И каждый проведенный вмѣстѣ день сближалъ ихъ больше, чѣмъ сблизили бы мѣсяцы официального знакомства. Двѣ недѣли промелькнули, какъ сонъ, а имъ казалось, что не было времени, когда бы они другъ друга не знали; какъ-то все остальное ушло изъ ихъ сознанія, кромѣ этой радости быть вмѣстѣ.

Когда они утромъ просыпались, у нихъ первая мысль была однородной:

«Онъ обѣщаль быть къ часу!.. Надо попросить m-r Masset пораньше меня отпустить»...

«Она ждетъ меня къ часу... Не забыть взять билеты на вечеръ. Успѣю заѣхать

на rue des S-ts-Pères? А то можно и визитъ по боку».

И когда они встрѣчались, ихъ глаза блестяли отъ удовольствія; она вся розовѣла, и они уходили подъ руку, подъ одобрительными взглядами m-me Пуаро.

Какъ-то она выходила вмѣстѣ со своей товаркой Ротбергъ отъ профессора.

Ротбергъ, даже въ Парижѣ умудрявшаяся быть растрепанной, въ какой-то удивительно синей шляпѣ съ красными маками, спросила ее:

— Иртеньева, съ какимъ это красивымъ господиномъ тебя братъ встрѣтилъ въ коляскѣ?

— Это... другъ моего отца!—отвѣтила Лидія и прибавила:

— Ты съ ума сошла!

Это относилось къ подозрительному взгляду смѣющихся черныхъ глазъ, сверкнувшихъ изъ-подъ шляпы съ маками.

— Я ничего не сказала... Нечего такъ краснѣть.

Онѣ проходили въ это время мимо цвѣточного рынка у Мадленѣ.

У сѣраго каменнаго зданія расположился цѣлый лагерь,—благоуханное, тысячу красокъ одѣтое войско цвѣтовъ занимало его.

— Ахъ!—съ завистью воскликнула Ротбергъ,—хоть бы горшочекъ гвоздики купить! Да капиталовъ-то нѣтъ.

— Зайди ко мнѣ... я тебѣ дамъ гвоздики!—необдуманно предложила Лидія.

— А у тебя откуда?

— У меня много!—уклончиво отвѣтила она, жалѣя, что сказала это. Но дѣлать было нечего—поднялись къ ней.

— Да у тебя здѣсь оранжерея цѣлая! Откуда это?

— Это... это...

А ея комната дѣйствительно была вся заставлена цвѣтами. Это уже были не скромные пучки гвоздики по десять су и не обернутые простой бумагой вазоны, а роскошныя голубыя гортензіи, крупныя

кампанулы, розы, лиліи, — онъ выговорилъ себѣ право подносить ей цвѣты, замѣтивъ, съ какимъ жаднымъ восхищеніемъ она смотритъ на выставки флеристовъ. И каждое утро *à-me* Пуаро съ торжествомъ втаскивала на верхъ его приношенія.

— Такъ это тоже отъ... друга твоего отца?—спросила Ротбергъ.

Она ушла съ составленнымъ мнѣніемъ, а Лидія осталась съ горящимъ лицомъ. Впервые въ нее заброшена была мысль, что не всякому понятно это слово «другъ моего отца». Но она сама поспѣшила прогнать эту мысль. Ей было съ нимъ такъ хорошо! Она же въ немъ видѣла только друга... Изъ-за глупой болтовни какой-то дѣвчонки не разрушать же ей было эти отношенія, ставшія такими дорогими. Кстати, все точно сговорилось, чтобы имъ было хорошо...

Это было прелестное время—іюль мѣсяцъ.

Не тотъ Парижъ, оживленный, свер-

кающій, который бываетъ зимою, Парижъ, полный шума, роскошныхъ выѣздовъ, головокружительныхъ туалетовъ и т. д.

Въ Парижѣ «никого» не было; но это «никого» все-таки его наполняло жизнью, дѣятельностью и оживленіемъ.

Парижъ только принялъ точно отпечатокъ интимнаго добродушія, весь улыбался, дѣлался такимъ уютнымъ и простымъ... Но зато вечеромъ, когда закигалось электричество—въ воздухѣ появлялось что-то тревожное, просыпалась ночная, таинственная жизнь, безпокойно начинали мигать и перемѣняться выѣски, иллюминированныя то краснымъ, то зеленымъ, освѣщались двери, запертыя днемъ... А надъ улицами и днемъ, и вечеромъ стоялъ наркотическій запахъ Парижа, тотъ воздухъ, котораго не найдешь въ другомъ городѣ и котораго не забудешь никогда.

Лидіи казалось, что она только теперь

открыла и почувствовала этотъ воздухъ, на который онъ Заблоцкій обратилъ ея вниманіе и который опьянялъ ее, какъ волшебное питье.

IV.

Какъ-то разъ онъ увезъ ее въ Arme-nonville. Сидя на террасѣ у столика, на которомъ горѣло электричество подь розовымъ колпачкомъ, они прихлебывали кофе со льдомъ и почти не разговаривали, слушая музыку румынскихъ вальсовъ,—то сладкихъ и тягучихъ, то страстныхъ и порывистыхъ, но всегда раздражающихъ, забирающихъ въ мозгъ, въ душу странной отравой.

Лидія расширенными глазами смотрѣла въ густую темноту сада, гдѣ что-то таинственное пряталось, можетъ быть, то же, что такъ томило и мучило въ звукахъ музыки... Красавецъ-цыганъ, дирижеръ и первая скрипка, весь расширенный золотомъ, по ихъ привычкѣ «намѣ-

чать жертву», почему-то на этотъ разъ выбралъ Лидію. Потому, должно быть, что среди накрашенныхъ дамъ, утопающихъ въ облакахъ цвѣтнаго муслина, шелка и золотого газа, въ громадныхъ шляпахъ съ цѣлыми цвѣтниками на крашенныхъ волосахъ, она невольно обращала на себя вниманіе своей неподдѣльной и нѣжной красотой, простотой своего бѣлаго платья, свѣжая какъ

«Цвѣтокъ душистый
Въ вѣнкѣ искусственныхъ цвѣтовъ».

Онъ нагло пожиралъ ее черными, какъ угли, глазами, по ихъ манерѣ не спуская съ нея взгляда, и, покачиваясь, водилъ смычкомъ по скрипкѣ, добывая оттуда ноющіе, истомные звуки, словно только для нея одной.

Мужчины съ сосѣднихъ столовъ невольно оборачивались по направленію его взгляда и встрѣчали такую чарующую юность, которая смѣло могла поспорить

съ ихъ искусственно - очаровательными дамами.

— Fleur d'Eglantine!..—быстро кинуль на мотивъ моднаго вальса, проходя мимо ихъ стола, какой-то франтъ. Заблоцкій вспыхнулъ и сдѣлалъ движеніе подняться, но франтъ уже сѣлъ въ подозванный маленькимъ шассеромъ автомобиль и, шурша колесами по гравію, умчался. А Заблоцкій не могъ не сознаться, что онъ былъ правъ въ своемъ сравненіи: именно бѣлый шиповникъ—душистый и чистый...

Черезъ два стола поднимали бокалы, показывая, что пьютъ ея здоровье. Заблоцкій сидѣлъ къ нимъ спиной, но видѣлъ, какъ она вспыхнула, и, обернувшись, увидѣлъ только смѣющіеся глаза, краснорѣчиво любовавшіеся его дамой.

Въ немъ вдругъ заговорило чувство, ему самому непонятное: какая-то ревнивая досада, что она—предметъ общаго вниманія. Онъ властно сказалъ, приподнимаясь съ мѣста:

— Ёдемъ отсюда.

И самъ не узналъ своего голоса: онъ звучаль глухо и нервно...

— Почему?..

— Мнѣ не нравится, что они на васъ такъ смотреть!—вырвалось у него. Потому онъ самъ испугался своихъ словъ: что она подумаетъ?

Захотѣлось прибавить:

— Это не понравилось бы вашему отцу.

Но тутъ же искренность взяла верхъ, и показалась нехорошимъ движеніемъ эта эксплуатація имени отца. Ничего отеческаго не было въ его порывѣ... Какая-то непонятная, необъяснимая ревность. Онъ уже раскаивался въ этой выходкѣ. Кто знаетъ, какъ она ее приняла? Разсердилась? Все это съ быстротою молніи промелькнуло у него въ головѣ. Онъ съ волненіемъ поднялъ глаза— и увидалъ передъ собою взглядъ, сіяющій счастьемъ. Да, онъ не ошибался:

счастье свѣтилось въ удивленномъ, радостномъ взглядѣ громадныхъ глазъ. Она встала покорно, словно повинуюсь приказанію властелина, и, не отрывая отъ него глазъ, сказала:

— Пойдемъ...

Что-то непередаваемое пронеслось между ними. Онъ быстро кинулъ золотой *garçon*'у, предложилъ ей руку и увелъ.

Въ томъ, какъ она положила свою тонкую ручку на его, было столько счастливой покорности, что ему страстно захотѣлось прижать эту ручку къ себѣ; но онъ молча посадилъ ее въ коляску, и экипажъ покатился по темнымъ аллеямъ, прорѣзаннымъ бѣловатыми полосами электричества.

— *Au Montmartre!* — кинулъ онъ кучеру.

Оба были молчаливы. Что-то новое явилось между ними.

Ему казалось, что на него нахлынула какая-то волна и тянетъ его за собою.

Близость этой дѣвушки послѣ ея взгляда влекла и раздражала его. Послѣ такого взгляда странно было говорить банальныя вещи.

Его рука встрѣтилась съ ея рукой. Онъ тихо взялъ ея тонкіе пальцы... Онъ самъ себя увѣрялъ, что это простая, дружеская ласка. Она дрогнула, но не отняла руки. Онъ тихо, потомъ смѣлѣе погладилъ ея холодѣвшіе пальцы, потомъ сжалъ ихъ крѣпче... и опять выпустилъ. Провелъ рукой по лбу.

«Что̀ это я!»—мелькнуло у него.

— Позвольте закурить?—сказалъ онъ вслухъ.

— Пожалуйста!—чуть слышно отвѣтила она.

Сигара, какъ всегда, привела его чувства въ нѣкоторое равновѣсіе. Когда они подъѣхали къ освѣщеннымъ дверямъ «Sabaret des 4-Z-arts», онъ увидаль, что она очень блѣдна.

Ночной Парижъ кипѣлъ и жилъ вокругъ

нихъ, пропитанный своимъ прянымъ, наркотическимъ запахомъ, впитывающимся и вкрадывающимся какъ что-то осязаемое и бьющее по нервамъ.

У дверей цвѣточница въ черномъ платьѣ, молоденькая, но блѣдная, съ красными, какъ ея цвѣты, губами, всунула ему цѣлый снопъ гвоздикъ, и съ этимъ душистымъ ворохомъ на колѣняхъ и сидѣла Лидія на деревянномъ табуретѣ, посреди расписанныхъ капризами художниковъ стѣнъ, утопающихъ въ облакахъ дыма.

И странно было имъ обоимъ здѣсь.

Вокругъ нихъ все, что жило, все, что не спало, казалось, думало только о любви; если не о любви, то о наслажденіи. Точно дѣйствительно каждый камень мостовой пульсировалъ и бился жаждой жизни и впечатлѣній.

Городъ любви, страшный Парижъ, изгибался вокругъ нихъ тысячью изви-

вовъ, какъ красивый змѣй, и маниль, и дышалъ страстью.

Ясно понималось, чувствовалось, что ни одной пары здѣсь нѣтъ чуждой другъ другу или не влюбленной,—не живущей всей жизнью чувствъ и ощущеній. И имъ было безсознательно странно чувствовать себя единственной, вѣроятно, не влюбленной парой; да, потому что ни одинъ отецъ не приведетъ сюда свою дочь, ни одинъ братъ—свою сестру, и только свобода русскихъ въ заграничномъ городѣ позволила ему привезти сюда Лидію.

Какъ иной разъ на мусорѣ вырастаютъ душистые цвѣты, такъ въ этихъ «артистическихъ кабачкахъ» иногда попадаютъся яркіе таланты, и сейчасъ одинъ изъ такихъ *chansonnier* съ чахоточнымъ лицомъ и впалую грудью пѣлъ свой романсъ—о любви, конечно, но о любви чистой, и нѣжной, и безумной.

И въ чаду сигарь, въ воздухѣ, насы-

щенномъ запахомъ шампанскаго, абсента и мускуса, слышались слова нѣжности, слова такой давнишней и вѣчно новой сказки...

Лидія слушала, какъ загипнотизированная; ея тонкіе пальцы конвульсивно сжимались на мраморной доскѣ столика; она вся блѣднѣла. Когда *chansonnier* кончилъ, она глубоко вздохнула, словно очнулась отъ сна.

— Какой у васъ артистическій темпераментъ!—сказалъ Заблоцкій, пристально глядя на нее и думая, что въ ней кроется и иной темпераментъ. — На васъ такъ музыка дѣйствуетъ?

— Мнѣ даже стыдно... Я люблю серьезную музыку... И вдругъ это ворвалось... Этоъ пустой романсъ... И такъ меня увлекъ...

А онъ думалъ про себя, что не романсъ увлекъ ее, а что-то иное,—та вѣчная «пѣсня безъ словъ», торжествующій мотивъ которой сейчасъ ясно слышался и ему.

Они пошли нѣкоторое время пѣшкомъ, чтобы освѣжиться послѣ духоты кабака. Они шли по улицамъ Парижа. Чтобы ее не толкнули, онъ прижималъ крѣпче ея руку къ себѣ, а она, сама этого не замѣчая, льнула къ нему ближе, и ихъ шаги невольно замедлялись.

Наконецъ, они сѣли въ коляску, слѣдовавшую за ними. Почти свѣтало. Навстрѣчу имъ попадались гигантскіе возы съ морковью, цѣлыя платформы капусты и т. д.,—это везли изъ окрестныхъ деревень горы припасовъ для «чрева Парижа»—les grandes Halles. Какой-то блузникъ, сидѣвшій на передкѣ телѣги, нагруженной рѣпой, причмокнулъ по направлению Лидіи и, не стѣсняясь, крикнулъ товарищу своимъ задорнымъ голосомъ.

— Elle est chouette, celle-la! En voilà un qui ne va pas s'embêter!

— Pour sûr que non,—отвѣтилъ тотъ, и ихъ голоса и смѣхъ гулко отозвались въ пустынной улицѣ.

Лидія сидѣла съ опущенными глазами... Кучерь остановился у знакомой двери. Заблоцкій помогъ Лидіи выйти и медлилъ дернуть звонокъ. Въ невѣрномъ свѣтѣ встающаго утра, блѣдная, съ этими опущенными глазами, она казалась ему прелестной.

Онъ взялъ ея руку, поднесъ къ губамъ и поцѣловаль ея долгимъ, медленнымъ поцѣлуемъ. Раньше онъ не цѣловаль у нея руки.

Она вся затрепетала и совсѣмъ закрыла глаза. Отъ рѣсницъ тѣнь падала на полщеки, ротъ чуть полуоткрылся...

Онъ съ минуту колебался... Потомъ вдругъ дернулъ звонокъ.

Дверь быстро отворилась...

— Доброй ночи!..—медленно сказалъ онъ.

— Доброй ночи,—беззвучно повтори-ла она и вошла.

Ее ждала маленькая лампочка. Она

взяла ее, обернулась еще разъ—и стала всходить на лѣстницу.

Съ минутоу онъ смотрѣлъ на пропадающія въ темнотѣ узкія ступени, на свѣтлое пятно, поднимающееся все выше и словно зовущее за собою... Потомъ быстро захлопнулъ дверь и бросился въ коляску, приказавъ:

— A l'hôtel.

— Учитель бранилъ меня сегодня!— сказала Лидія совсѣмъ свободно, почти шутливо, на другой день Заблоцкому. Онъ пріѣхалъ за ней не въ экипажѣ, а съ двумя велосипедами,—они уговорились сдѣлать маленькую прогулку. Она стояла въ короткой юбочкѣ и высокихъ сапожкахъ, застегивая перчатки, и казалась совсѣмъ дѣвочкой въ этомъ граціозномъ костюмѣ.

— Да что вы? за что?

— Плохо голосъ звучалъ.

— Не простудились ли вы вчера? И какъ это я не подумалъ?—встревожился

онъ.—Ночь была сыровата, а вы были въ легкихъ туфелькахъ!

— Нѣтъ! Я просто отчего-то совсѣмъ не спала!—необдуманно сказала Лидія и вдругъ покраснѣла. Ея безсонница связалась съ мыслями о немъ, даже не съ мыслями, скорѣе съ представленіями. Чудились его глаза, его голосъ, и что то замирало внутри.

А его эта фраза словно огнемъ обожгла. Онъ ничего ей не сказалъ и только посмотрѣлъ на нее. Опять она ему казалась новой, какъ вчера. Съ этимъ чувствомъ онъ смотрѣлъ на нее и во время пути.

Они выѣхали за городъ и поѣхали вдоль Сены, по дорогѣ, обсаженной старыми вязами. По ровному пути пріятно было летѣть наперерѣзъ свѣжему вѣтру, приносившему запахъ сѣна и медовыхъ цвѣтовъ.

Была особенная прелесть въ этой поѣздкѣ. Благодаря велосипеду, возвращалась поэзія давнихъ путешествій верхомъ,

съ тою разницею, что стальной конь послушнѣе. Но та же свобода, отсутствіе соглядатаевъ, толстой кучерской спины, мѣшающей любоваться видомъ, или желѣзнодорожной копоти и пыли. Летѣть впередъ, летѣть вдвоемъ... мелькнетъ ли красивое мѣстечко, поманитъ ли въ тѣнь, въ прохладу, захочется ли сорвать вѣтку цвѣтушаго жасмина,—все это можно, зависишь только отъ себя; сознаешь это—и кажется, будто за спиною крылья.

Лидія педалировала великолѣпно, вся раскраснѣвшаяся, съ блестящими глазами. Они сдѣлали уже километровъ 25, то летя рядомъ и весело переговариваясь, то обгоняя одинъ другого. Она любовалась его стройною, сильною фигурой; къ нему шелъ костюмъ бициклста: и клѣтчатые чулки, и желтыя туфли, — все ей нравилось. Онъ это сознавалъ, и ему было пріятно, — онъ зналъ, что на велосипедѣ онъ еще выигрываетъ.

— Привалъ кавалеріи! — скомандовалъ

онъ у какого-то бѣлаго домика съ красною крышей, прятанной въ купѣ деревьевъ. — Довольно на первый разъ.

Онъ первый соскочилъ съ велосипеда и подбѣжалъ помочь ей. Оба запыхавшіеся, возбужденные воздухомъ и быстрою ѣздой, они чувствовали, что кровь у нихъ быстрѣе обращается въ жилахъ. Онъ снялъ ее, какъ ребенка, съ велосипеда, который поддержалъ прибѣжавшій мальчишка, и невольно на минуту прижалъ ея грудь къ своей груди. Молніей пронизало ихъ ощущение блаженства почти до боли... Онъ выпустилъ ее изъ рукъ, она опустилась на скамью съ легкимъ нервнымъ смѣхомъ.

— Давно не ѣдила. . Голова закружилась.

День пролетѣлъ, какъ мигъ. Въ бесѣдкѣ деревенской гостиницы, густо заросшей каприфолиемъ, они пообѣдали чѣмъ нашлось, — были, конечно, и вишни, и клубника, и легкое бѣлое вино... Послѣ

обѣда пошли бродить пѣшкомъ вдоль рѣки. Старый бритый лодочникъ въ вязаной курткѣ позвалъ ихъ прокатиться. Она сѣла у руля, Заблоцкій растянулся у ея ногъ, и незамѣтно они промечтали на рѣкѣ до вечера... Зажглись звѣзды, потянуло свѣжестью. Пора было возвращаться...

Лидія захотѣла оправить волосы, и хозяйка предложила ей войти въ комнату.

Комната, старинная, съ низкимъ потолкомъ, была уютна. Стѣны бѣленыя известью; громадная кровать подъ балдахиномъ изъ пестраго кретона; на каминѣ — статуэтка Мадонны въ голубомъ плащѣ и двѣ старинныя вазы, полная дикихъ розъ и жасмина; у окна — объемистое Вольтерово кресло...

Раздался стукъ въ дверь.

— Entrez!

— Это я, — отворяя дверь и входя, сказала Заблоцкій. — Готовы наши велосипеды.

— Готова и я...

— Какъ здѣсь мило!..—неволью про-
изнесъ онъ, и передъ его глазами встали
тѣ парочки, которыя прїѣзжали сюда на-
вѣрно до нихъ; то счастье, котораго сви-
дѣтельница, можетъ быть, была эта
комната...

И отовсюду, отъ стараго кресла, отъ
голубыхъ розъ на балдахинѣ, отъ бѣлыхъ
стѣнъ слышался въ вечерней тишинѣ
странный шопоть:

«Какъ здѣсь можетъ быть хорошо!..
Какъ намъ отрадно слышать тихіе поцѣ-
луи, слова счастья и любви, какъ моло-
дѣемъ мы, смотря на вѣчно молодое
счастье... Странные люди! Кто же вы
такіе? Отчего вы такъ далеко другъ отъ
друга?»

Да, комната говорила это, и въ ладъ
ея шопоту бились у него виски и стучало
сердце, и онъ зналъ, что и Лидія слы-
шитъ это,—по ея глазамъ зналъ, совсѣмъ
потемнѣвшимъ и широко открытымъ...

Боже мой! Если въ его годы ему еще суждено заставить биться сердце сильнѣе... О, видѣть, какъ загораются и меркнутъ неиспытанными ощущеніями эти глаза, какъ отливаетъ краска отъ нѣжныхъ щекъ, какъ...

— Ёдемъ, пора!—вдругъ сказалъ онъ, чувствуя, что почва колеблется у него подъ ногами.

И онъ быстро вышелъ.

Они доѣхали до garage'a, оставили тамъ велосипеды и въ коляскѣ вернулись. Оба слишкомъ устали, чтобы куда-нибудь отправиться, поэтому онъ только отвезъ ее домой.

Пока они ѣхали, они оба часто, точно украдкой, взглядывали другъ на друга въ одно и то же время—и опускали глаза. Имъ припоминался тотъ моментъ, когда онъ снялъ ее съ велосипеда и ея грудь прижалась на минуту къ его груди, — и потомъ еще та комната. Онъ думалъ о ней, когда она вдругъ сказала:

— Какая прелестная комната!..

И онъ даже вздрогнулъ. Опять взглянули другъ на друга, — и ужъ не могли оторваться взглядомъ... Она чувствовала, что вся блѣднѣетъ подъ его жаднымъ взглядомъ; этотъ взглядъ томилъ и жегъ сильнѣе поцѣлуя, но она не опускала глазъ, и два взгляда встрѣчались, сливались, не въ силахъ разстаться...

— Милое дитя мое!.. — тихо, чуть слышно, прошептала Заблоцкій. — Милое, милое дитя мое!..

— Я бы такъ хотѣла всю жизнь ѣхать... — тоже пониженнымъ тономъ, медленно сказала она.

Они не сознавали, сколько времени такъ они пробыли, когда фіакръ остановился у ея двери. Онъ взялъ ея руку, поцѣловалъ. Ему казалось сейчасъ, что за возможность войти къ ней онъ бы отдалъ полжизни.

— Ну, до свиданья!.. — прошептала она.

— До завтра, въ два часа?

— Да... даже въ половинѣ третьяго, у меня урокъ позднѣе...

Нѣскольکو минутъ они стояли такъ, держа другъ друга за руки, наконецъ рѣшились разойтись.

— Спокойной ночи!..

— Спокойной ночи!.. до завтра!

И Лидія заснула, мечтая о немъ, — о томъ, какъ ей хорошо съ ея «другомъ», и бессознательно трепеща въ ожиданіи дорогаго «завтра».

Когда она на другой день въ началѣ третьяго часа, весело напѣвая, взбѣгала къ себѣ, m-me Пуаро остановила ее, протягивая ей синюю *carte-telegramme*, и присовокупила:

— *M-r est venu... il y a 2 heures...*

Сначала Лидія не поняла. Приходилъ самъ... раньше, чѣмъ хотѣлъ... Зачѣмъ же «*petit bleu?*»

Сердце екнуло у нея страннымъ предчувствіемъ; она быстро надорвала про-

колотые края телеграммки, прочла — и поблѣднѣла.

Въ телеграммѣ стояло:

«Дорогой другъ, Лидія Павловна! Неожиданно вызванъ телеграфою къ женѣ въ Монтрэ, заходилъ съ вами проститься, но, къ моему отчаянію, не засталъ, а сейчасъ едва поспѣю на поѣздъ. Если бы я хоть зналъ, гдѣ живетъ вашъ учитель, я бы отправился туда, но — увы! — Не судьба. Спасибо вамъ за эти чудесные дни, я надѣюсь, что мы еще встрѣтимся въ Кіевѣ, какъ добрые друзья... Не правда ли? Если что-нибудь хотите переслать вашимъ, пришлите: Montreux, Hôtel Beau-Rivage. Цѣлую ваши ручки. Горячо преданный вамъ А. Заблоцкій».

Лидія едва нашла силу не упасть. Она передохнула, словно ей не хватило воздуха, и медленно стала подниматься наверхъ.

Любопытство пересилило всѣ чувства въ m-me Пуаро.

Вкрадчиво и нѣжно она въ догонку спросила:

— Pas de malheur avec monsieur?

— Non... rien du tout... Il a dû partir... Il prend congé... — едва отвѣтила Лидія и пошла быстрѣе.

М-me Пуаро объяснила все по-своему. Войдя къ себѣ, гдѣ Пуаро дремалъ надъ кружкой остывшаго кофе, она воспользовалась съ наслаждениемъ случаемъ лишній разъ выбрать мужа.

— Vous êtes tous des misérables! — кинула она ему, сверкая глазами. Мужъ только покосился на нее... А въ ней все кипѣло:

— Il l'a lâchée, la pauvre! Et la v'là qui est devenue blanche comme le mur. J'ai cru qu'elle va degringoler de l'escalier. Va! Vous êtes tous des brûtes!..

И она съ ожесточениемъ швырнула на плиту кофейникъ.

Изъ дневника лишней женщины.

(Нѣсколько страницъ).

Изъ дневника лишней женщины.

(Нѣсколько страницъ).

— ... Вчера я встрѣтила стараго прія-
теля. Мы шли съ нимъ вмѣстѣ по лѣ-
сной тропинкѣ. Онъ махалъ палкой, сби-
вая головки съ высокихъ маргаритокъ,
и говорилъ мнѣ:

— Это только такъ кажется, что жизнь
не исполняетъ грезъ нашей юности. Она
даетъ намъ больше и лучше! Я помню
васъ 14-лѣтней дѣвочкой. Вы были то-
ненькая, съ лукавыми глазами. Вы бѣ-
жали передо мной, подпрыгивая, по аллеѣ,
и на спинѣ у васъ болталась коса, пе-
ревязанная голубой лентой. Потомъ вы
однимъ прыжкомъ усѣлись на садовомъ
столѣ, ѣли какія-то ягоды и рассказы-
вали мнѣ съ важностью: «я рисую и лѣ-
плю! Читатъ мнѣ все позволяютъ. Когда

284. изъ дневн. лишней женщ.

я вырасту, я сдѣлаюсь артисткой!»!.. Въ васъ уже былъ влюбленъ молоденькій студентикъ и ревнивыми и несчастными глазами смотрѣлъ на то, какъ я, взрослый господинъ, бесѣдую съ вами...

Я поглядѣла на моего друга и тоже вспомнила его такимъ, какимъ онъ былъ въ тотъ яркій весенній день, — день весны года, весны моей жизни: стройнымъ, ловкимъ, съ красивыми, блестящими глазами, густою шапкой темныхъ волосъ... Теперь онъ слегка задыхался, когда ходилъ. У него появилось брюшко, въ волосахъ просвѣчивалась лысинка, а глаза, вмѣсто прежняго молодого задора, смотрѣли на меня добродушно-невозмутимо.

Времени прошло немного, а между тѣмъ...

Тогда онъ только еще ухаживалъ за своей теперешней женой, а сейчасъ впереди насъ бѣжалъ его десятилѣтній сыночекъ, стройный, ловкій мальчуганъ, взявшій у отца глаза и волосы...

— Вы тогда и не предполагали, что ваше имя, дѣйствительно, станетъ извѣстнымъ, что на выставкахъ будутъ останавливаться передъ вашими картинами, что ихъ будутъ покупать въ галереи и что отъ Парижа до Чухломы можно будетъ встрѣтить ваше имя въ газетахъ?.. Не думаль и я, что за эти 12 лѣтъ займу свое мѣсто въ литературѣ... Согласитесь, что ни вы, ни я, мы не заходили такъ далеко въ своихъ мечтахъ?..

— Признаться, если такъ далеко я не заходила, то только потому, что по этой дорогѣ не шла.

Мечтамъ юности открыть весь міръ, вся вселенная и надзвѣздные края. И въ моихъ мечтахъ было столько свѣта, столько счастья, столько невозможнаго—что. . не надо о нихъ и вспоминать. Ихъ крылья устали; съ каждымъ взмахомъ они опускались все ближе къ землѣ, съ каждой каплей грязи, достигавшей до нихъ съ земли—они дѣлались тяжелѣе—и боль-

ше выдержать не могли. Тогда мечты улетѣли... и если и возвращаются иногда, такъ только во снѣ.

Только во снѣ бываетъ такъ хорошо! Кого-то такъ любишь, чѣмъ-то такъ гордишься, что просыпаешься вся счастливая, умиленная, съ бьющимся сердцемъ и слезами на глазахъ — но увидишь вокругъ себя знакомый узоръ на стѣнахъ, знакомый лучъ сквозь отверстіе шторы... и возвращаешься на землю.

Почему же эта способность мечтать утрачена?...

* * *

...Вчера на ночь я еще думала объ этомъ. Вотъ что мнѣ кажется: какъ вырождается аристократія расы, и могучіе предки даютъ блѣдные и вялые отпрыски,—такъ вырождается и аристократія талантовъ.

Въ моей семьѣ и «по мечу», и «по прылкѣ» все время встрѣчались недю-

жинные люди, натуры очень талантливья и просто способныя—и производительность этого рода устала. Она еще успѣла надѣлать меня нѣкоторыми способностями чисто внѣшними, извѣстной художественностью—но... не больше.

И я чувствую свое вырожденіе въ увеличивающемся съ каждыиъ годомъ, съ каждыиъ днемъ *отсутствіи* активнаго желанія.

Вотъ ясное названіе той болѣзни, которой я страдаю. Имени этого нѣтъ въ медицинскихъ словаряхъ, но, тѣмъ не менѣе, это мучительная болѣзнь; я не знаю, умирають ли отъ нея люди, но она отравляетъ существованіе не хуже любого туберкулеза.

У меня нѣтъ силы чего-либо хотѣть, къ чему-либо стремиться. Я часто говорю: «я хотѣла бы»... «я хочу»... и поступаю такъ, какъ «хочу». Но это потому, что я разсудкомъ сознаю необходимость извѣстнаго «хотѣнія» и заста-

вляю себя, настраиваю на какое-либо желаніе, предпочтеніе и т. д. А душою, всѣмъ своимъ существомъ, бессознательно я *ничего не хочу*.

Въ дѣтствѣ, вѣрнѣе въ юности моей, начавшейся очень рано, я чего-то хотѣла. Ну, на примѣръ: мнѣ казалось, что я люблю театръ. Я съ увлеченіемъ бывала въ плохенькой провинціальной драмѣ, знала всѣ пьесы чуть не наизусть, хохотала надъ «Плодами просвѣщенія», проливала горькія слезы надъ «Маргаритой Готье».

Теперь я иду въ театръ, потому что это принято, нужно, потому что нельзя не быть на первомъ представленіи пьесы знакомаго автора, на бенефисѣ знакомаго артиста, на гастрольяхъ Режанъ или еще какой-нибудь заѣзжей знаменитости. Но театръ утомляетъ меня, я едва досиживаю до конца, и захватить меня ничто не можетъ.

Это пустой примѣръ, а вотъ серьезнѣе.

Мнѣ казалось, что я способна любить. Но уже съ первымъ увлеченіемъ мнѣ стало ясно, что это—миражъ. Ну, да, я читала, я слышала постоянно о любви. Ее воспѣвали поэты, анализировали романисты, изъ-за нея люди лишали себя жизни... Значить, надо было «любить». Меня любили. Я добросовѣстно исполняла все то, что требуется отъ любви; играла всю «комедию любви», а иногда и драму. Когда приходилось, я въ подходящихъ мѣстахъ плакала, смѣялась, ждала, радовалась, отчаивалась... а въ глубинѣ души мнѣ было *все равно*. Самый горячій поцѣлуй вызывалъ во мнѣ только холодокъ. Даже не отвращеніе, а легкое недоумѣніе: «Зачѣмъ это я?...» И мнѣ становилось не въ мочь продолжать эту игру—и я удаляла челоуѣка въ такую минуту, когда онъ былъ увѣренъ, что я его люблю, и не чувствовалъ за собою никакой вины. Со временемъ я прекратила и эти попытки натолкнуться

на истинное чувство и обрѣсти его: я рѣшила, что неблагородно брать для моихъ опытовъ людей съ живымъ сердцемъ и умомъ — когда я жалѣла даже кроликовъ, принесенныхъ для вивисекции въ жертву наукѣ...

Что еще? Мнѣ казалось, что должно быть счастьемъ имѣть ребенка. Я не могла пройти мимо чужого ребенка, даже некрасиваго, жалкаго, грязнаго, чтобы не приласкать его. Я возилась съ ними, усердно ходила въ «Ясли» въ свободныя отъ работы минуты... А теперь? Я продолжаю улыбаться имъ по привычкѣ, но опять-таки ясно сознаю, что даю имъ чисто-внѣшнюю ласку, которая не задѣваетъ всего моего существа. Можетъ быть, если бы былъ свой собственный... Но какъ судить о томъ, чего нѣтъ? А хочется ли мнѣ ребенка, сознательно, глубоко, говорить ли во мнѣ мощный инстинктъ материнства, заставляющій иногда обожать ребенка отъ

ненавистнаго человѣка? Положа руку на сердце—нѣтъ.

Я пробовала сдѣлать себѣ культъ изъ дружбы.

Съ мужчинами это мнѣ положительно не удавалось. Мужчины дѣлятся, съ женской точки зрѣнія, на двѣ категоріи: свободныхъ и несвободныхъ. (Я говорю, разумѣется, въ моральномъ смыслѣ слова). Съ несвободными дружба потому невозможна, что для нихъ существуетъ только одна женщина въ мірѣ: та, которую они въ данное время любятъ. Свободныхъ же... всѣхъ немного обижало, почему же именно *дружба*, когда могло бы быть иное?

Женская дружба... Однако, пора спать. Послѣдній поѣздъ прошумѣлъ подъ моимъ окномъ; только на морѣ блестятъ огоньки, все тихо, все такъ спокойно, какъ будто въ мірѣ нѣтъ ни отчаянія, ни тревожно бьющихся сердецъ, ни рыданій...

Лицеѣрный покровъ ночи такъ хорошо скрываетъ это все...

*
* * *

— Я говорила о женской дружбѣ. Въ сущности, женская дружба имѣетъ мѣсто постольку, поскольку одна сторона нуждается въ наперсницѣ, а другая способна ей быть.

Женщина должна или *подчиняться* или *подчинять*: равноправіе не въ ея натурѣ. Это совершенно естественно. Вѣками она привыкла подчиняться; если же она чѣмъ-нибудь выдѣлялась изъ среды ей подобныхъ красотой, властью, очарованіемъ, умомъ ли, то она спѣшила подчинить, чтобы вознаградить себя съ избыткомъ за всѣ вѣка прошлаго униженія.

Очень недавно женщина болѣе или менѣе получила право гражданства; но свойства, созданныя десятками вѣковъ, такъ скоро не отпадутъ.

Мнѣ подчинять никого *не хотѣлось*. Мнѣ ничего не было нужно. У меня не было завѣтныхъ, сладкихъ тайнъ, которыя я, пылая и дрожа, могла бы передавать подругѣ: жизнь моя настолько свободна и самостоятельна, что тайну мнѣ пришлось бы выдумывать развѣ какъ мизансцену, какъ одной моей знакомой. Она была до того романтична, что, будучи сиротой и совершенно самостоятельной, не согласилась выйти замужъ за своего жениха иначе, какъ увозомъ черезъ окно.

Но я отвлекаюсь. Итакъ, подчинять я не хотѣла, приходилось волей-неволей подчиняться. Я это дѣлала. Но мое подчиненіе было тоже неубѣжденное. Я покорно исполняла все, что требовалось по ритуалу дружбы, пока въ одинъ прекрасный день передо мной ярко не вставала мысль:

«Да полно! Не *ты* нужна твоему другу, кто говоритъ о сродствѣ душъ, и

т. п.? Любую поставь на твое мѣсто, чтобы умѣла во-время улыбнуться, во-время сострадать, во-время гармонировать съ тѣмъ или другимъ настроеніемъ твоего друга... и будетъ то же самое. Лично къ тебѣ здѣсь нѣтъ чувства—а если есть, то лишь постольку, поскольку ты соотвѣтствуешь главной бредовой идеѣ твоего друга...

А, вотъ я и дошла до того, чему больше всего завидую: до великолѣпнаго свойства почти каждой женщины—имѣть свою *бредовую идею*.

Эта идея составляетъ для женщины смыслъ бытія, значеніе жизни, импульсъ къ дѣятельности, причину радостей, страданій, ощущеній, впечатлѣній—словомъ, *нервъ существованія*.

И вотъ этого-то нерва я и лишена волею судьбы.

Эта бредовая идея можетъ остаться всю жизнь одна и та же у натуры недюжинной; нѣсколько разъ смѣниться у

иной; всю жизнь мѣняться у третьей; но она есть—и она поддерживаетъ масло въ свѣтильникѣ, и заставляетъ женщину горѣть, а значить — и жить.

У одной--это какая-нибудь отвлеченная идея.

Мнѣ приходитъ на память моя пріятельница, женщина молодая, прекрасная, любимая своимъ мужемъ. Она могла бы жить въ буржуазномъ довольствѣ, обеспеченности и праздности — т.-е. счастливо по мнѣнію толпы. Но ея мечтою было издавать журналъ, и вотъ она убѣждаетъ мужа сдѣлать это — и жизнь ея наполняется. Она ночи сидитъ въ типографіи, она сама просматриваетъ статьи, волнуется изъ-за полемики, трепещетъ отъ радости при каждомъ новомъ подписчикѣ — не изъ-за денегъ — о деньгахъ она думать неспособна: когда случилось временное затрудненіе въ кассѣ, она не задумавшись отдала свои фамильные жемчуга «на дѣло». Она пла-

четь горячими слезами умиленія надъ благодарственнымъ письмомъ студента, пылаеть негодованіемъ на вылазку враждебной газеты, она живетъ этимъ. Наборщики—ея друзья, на каждое мелкое событіе въ жизни журнала, типографіи, рабочихъ—она отзывается всѣмъ существомъ. И когда журналъ закрывается по обстоятельствамъ, «отъ редакціи не зависящимъ»—она пытается отравиться.

Это—жизнь, полная тревогъ, неприятностей, волненій—но *жизнь*... и у меня такой нѣтъ.

А вотъ еще одна... Она дѣвушка, и полюбила несвободнаго человѣка. Любить его безумно, мучительно, до боли, до отчаянія. Она думаетъ и говорить только о немъ, живетъ отъ свиданія до свиданія, отъ письма до письма.

Я встрѣтила ее здѣсь: она выходила съ почты. Былъ чудный день. Небо, воздухъ, море—все голубое, какъ греза; пышныя коронки пальмъ чуть трепета-

ли отъ мягкаго, ароматнаго вѣтра; розы стояли въ цвѣту.

— Какъ хорошо, не правда ли? Когда подумаешь, что у насъ глубокой снѣгъ, пахнетъ елками и яблоками!.. сказала я ей.

— Что тутъ хорошаго? — съ тоской отвѣтила она. — И что можетъ быть лучше Рождества въ Россіи?..

Опять мы встрѣтились дня черезъ два тамъ же.

Погода испортилась; дулъ рѣзкій вѣтеръ, море стояло въ туманѣ и небо плакало.

Она сіяла и спросила меня:

— Какой чудесный день сегодня, правда?

Я поняла, что она получила письмо. Если она слышитъ что-нибудь, напримеръ, касающееся... ну хоть мандариновъ въ Пекинѣ, — то ея первая мысль все-таки о немъ:

— Знаетъ ли онъ? Заинтересовало ли

бы это его?.. Въ герояхъ романа она отыскиваетъ его черты; она съ почтеніемъ смотритъ на людей, носящихъ его имя, и это для нея нѣчто въ родѣ того, что для «сноба»—титуль маркиза или герцога: даетъ право на вниманіе. Даже буквы его имени священны ей. Всякій человекъ, который съ нимъ знакомъ, уже для нея полонъ значенія и интереса. А когда при ней случайно произнесутъ его имя—ея прелестные, какъ звѣздчатые сафиры, глаза наполняются почти молитвеннымъ экстазомъ...

Я не знаю, чѣмъ это кончится, но знаю, что если бы онъ умеръ, она не осталась бы жить ни минуты. И это—жизнь...

* *
*

— ... Чѣмъ больше вызываю я въ своей памяти женскихъ образовъ, тѣмъ болѣе нахожу примѣровъ.

Это—женщина, жена моего хорошаго

пріятеля. Она—мать по призванію; но ея дѣти начали подрастать и, волей-неволей, благодаря занятіямъ и т. д., отдаляться отъ непосредственной близости къ ней. Ею начала овладѣвать апатія и тоскливость; я ее видѣла сонную, вялую, убивающую время какъ попало. Года два спустя я, послѣ отсутствія изъ города, гдѣ они жили, опять попала къ нимъ—и не узнала ея: расцвѣла, поздоровѣла, пояснѣла—у нея родилась дѣвочка.

Опять на полу валяются крохотные, вязаные башмачки, опять пахнетъ молокомъ и пеленками... опять на рукахъ у нея крохотное, розовое тѣльце, все въ ямочкахъ и перевязанное, какъ ниточками; опять она переживаетъ поэму перваго пробужденія сознанія въ фіалковыхъ глазкахъ, перваго лепета, перваго воркованія, первой улыбки ребенка...

И она счастлива, и жизнь полна волненій, неожиданностей: то маленькое нездоровье, страстная молитва, бессонныя

ночи... все прошло—и радость, как солнце, заливаетъ весь домъ.

Она ходить въ капотъ, непричесанная, забывши о своей еще цвѣтущей миловидности...

Для нея на свѣтѣ только это.

— А когда не будетъ дѣтей?..

— Но, Боже мой! Тогда — будутъ внуки!..

Вотъ выдвигается стройная, «змѣистая» женская фигура съ головокружительными глазами. Это—актриса. Съ дѣтства она бредила театромъ. Откуда, какъ это къ ней попало—неизвѣстно; но она пошла противъ воли родителей, бросила семью, ушла въ театръ, какъ ухажать къ любимому человѣку. Сначала она терпѣла нужду, почти голодь, униженія, подачки меценатовъ; позже,—когда увидали ея талантъ, интриги, нападки и сплетни: ей все равно, она видитъ всѣ отрицательныя стороны театра, и это ей безразлично. Она достигла извѣст-

ной высоты, но удержаться еще труднѣе, чѣмъ достигнуть... И вся ея жизнь—одна борьба. Она старается поддерживать любовь публики; она совершенствуется; ѣздитъ учиться; откапываетъ пьесы; посѣщаетъ музеи, ища костюмовъ, складокъ и позъ; съ утра и до поздней ночи театръ занимаетъ все ея существованіе, и, вѣроятно, когда-нибудь, когда на сценѣ, играя «Адриенну Лекувреръ», она послѣ 5-го акта долго не встанетъ на вызовы—поймутъ, что на этотъ разъ смерть была настоящей...

Еще одна — странная фигура, въ почти монашескомъ платьѣ, гладко причесанная—уже очень немолодая...

Всю жизнь свою эта дѣвушка посвятила обожанію одного великаго артиста, — великаго на сценѣ, разумѣется. Она отлично поняла, что онъ, идеальный Фаустъ, Рауль, Германъ—имѣющій возможность выбирать изъ перловъ красоты—не захочетъ ее, некрасивую, жал-

кую—въ возлюбленныя—и рѣшила стать его другомъ. Она любить его жену, его дѣтей, весь его домъ—и они платятъ ей тѣмъ же: она сумѣла сдѣлаться необходимой въ его семьѣ, почти родной, общей «тетей Соней», съ которой уютнѣе и теплѣе... Нѣтъ услуги, на которую она не пошла бы для нихъ. И зато какая гордость, какая радость, когда онъ при всѣхъ предложить ей руку или сказать, знакомя ее съ кѣмъ-нибудь:

А это—нашъ лучшій другъ, тетя Соня...

Десятки, сотни примѣровъ встаютъ передо мной. Я могла бы приводить ихъ сколько угодно, стоило бы мнѣ пересчитать женщинъ, которыхъ я знаю—и, за рѣдкимъ исключеніемъ, каждая была бы вмѣстительницей такой бредовой идеи.

Я привела такихъ, которыя всю жизнь остаются вѣрны одной идеѣ, но сколько же другихъ, у которыхъ она мѣняется?..

Правда, она несетъ съ собой часто муку, отчаяніе, проклятiя... Но въ ней—

жизнь, и, повторяю, ея-то у меня и нѣтъ.

* *
* *

— ... Я оглядываюсь на свою жизнь и думаю: чего мнѣ не хватаетъ?

У меня есть все. Я зарабатываю свой хлѣбъ, и не только хлѣбъ, а и комфортъ, и поѣздки отъ Сибири до Ниццы, отъ Вологды до Испаніи за сюжетами для моихъ картинъ. Я получаю изъ глухихъ уголковъ Россіи письма отъ неизвѣстныхъ, но сочувствующихъ мнѣ сердець. Имя мое знаютъ. У меня есть люди, которые, кажется, меня любятъ, и такіе, которыхъ, кажется, я люблю...

Но вѣдь я знаю, что тѣ, кого я люблю, въ сущности, любятъ только свою бредовую идею; а тѣ, кто меня любятъ... Да что это значить, «любить»? Любить, потому что я не дѣлаю имъ зла, а наоборотъ, чѣмъ могу рада сдѣлать пріятное; что со мной не скучно поболтать;

что я не скуплюсь на этюды «Копны сѣна при лунномъ свѣтѣ» и «Голубой ночи» и т. д.

Но умри я—и ни въ чьей жизни это не сдѣлаетъ пустоты; развѣ въ существованіи моей 70-лѣтней няньки, любящей меня только потому, что кормила кашкой и носила на рукахъ, когда я еще и не ползала... И право, ея любовь мнѣ дороже и ближе всѣхъ остальныхъ, конечно съ тѣхъ поръ, какъ у меня нѣтъ матери.

Но не будемъ искать счастья въ любви, разъ ея нѣтъ. Или будемъ говорить о любви, но о *другой любви?*.. Есть же люди, не знающіе меня, чужіе мнѣ—которымъ я помогаю, стараюсь посылно облегчить ихъ страданія?..

Къ чему, къ чему громкія фразы? Да, и помогаю людямъ, и дѣлаю что въ силахъ, но не вношу же я въ это экстаза тургеневской Сонечки, которая ушла за юродивымъ... Какъ-ни-какъ, я не лишаю себя всего для другихъ.

Я прекрасно живу, и мое умиленіе надъ несчастіями людскими, и дрожь въ спинѣ при чтеніи въ газетѣ, какъ кто то умеръ отъ голода—тѣмъ не менѣе не заставляеть меня сейчасъ же все кинуть, и нести туда мои силы, здоровье и работоспособность.

Есть у меня талантъ, говорятъ; иногда мнѣ самой это кажется (большей частью я въ него не вѣрю). Но мое искусство... развѣ я его люблю, въ сущности? Гдѣ фанатизмъ Фра Анжелико Беато, гдѣ видѣнія Перуджино? Я люблю свое искусство пассивно, поскольку оно владѣеть мной, толкаетъ меня помимо воли взяться за кисть и воспроизвести поразившую меня картину, пейзажъ, клочокъ неба... Но активно любить его, *самой* овладѣть имъ, направить его—моя душа на это неспособна.

Она ни на что неспособна, и во всемъ этомъ одинъ ужасъ: это то, что я *понимаю* это, я понимаю свою болѣзнь.

И какъ докторъ, который самъ слѣдить за развитіемъ въ себѣ неизлѣчимой чахотки,—такъ смотрю я въ свою душу, и вижу, какъ она умираетъ—умираетъ раньше, чѣмъ умираю я сама.

Еще нѣсколько страницъ.

... Пятый день идетъ дождь, упорный, тихій, не утомляющійся ни на минуту.

Весь горизонтъ затянутъ сѣрой кисеей тумана; только разъ, передъ закатомъ солнца, выглянули было горы, словно нарисованныя тонкою кистью на матовомъ стеклѣ; показали цѣлую фантазмагорію бѣлыхъ зубчатыхъ стѣнь, розовыхъ выпуклостей, темно-голубыхъ пропастей—и снова скрылись, какъ миражъ—и непро- ницаемо-сѣрое небо удивленно глядитъ, точно спрашивая, съ затаенной усмѣшкой:

— Горы? Какія горы? Это вамъ почудилось!..

Я сижу у окна и гляжу на море.

Оно—цвѣта больной бирюзы, съ бѣлыми жемчужными завитками пѣны, какъ на гребняхъ работы Лалика. Ни одной лодки на его сердитой поверхности.

Большая аллея, ведущая отъ подъѣзда отеля къ воротамъ парка, совсѣмъ опустѣла. Разъ или два въ день проѣзжаетъ по ней, тяжело громохая, омнибусъ, весь блестящій отъ дождя и похожій на огромную черепаху; повозка булочника; почтальонъ въ мокромъ клеенчатомъ плащѣ—и больше никого.

Все—красноватый песокъ дорожекъ, зелень лавровъ, апельсиновъ, пышныя коронки пальмъ, все сіяетъ, глянцеви-тое, точно отъ свѣжаго лака.

А дождь все идетъ и идетъ, не всплывивая канавокъ, не разливая большихъ лужъ, въ которыхъ бы опрокинулось небо, но тихо просачиваясь сквозь песокъ и только еще свѣжѣе заставляя казаться и безъ того яркую, точно искусственную зелень газоновъ.

Я хотѣла одиночества—ну, вотъ я и въ одиночествѣ. Отель стоитъ совсѣмъ уединенно, въ глубинѣ большого парка. Паркъ спускается къ морю террасами, гдѣ посреди бѣлыхъ каменныхъ глыбъ тамъ и сямъ, какъ фантастическіе букеты, торчатъ острые мечи агавъ, вперемежку съ колючими, круглыми кактусами.

Въ эту погоду, когда все словно вымерло, глядя на широкія мраморныя ступени лѣстницы, украшенной вазами съ роскошной ползучей геранью, на завитыя плющемъ и розами стѣны и ограду—можно бы подумать, что находишься въ замкѣ «спящей красавицы»... если бы не англичане!

Я переѣхала сюда изъ Ниццы съ цѣлью пожить растительнымъ существованіемъ, «поскучать» и этой благодѣтельной скукой подправить свои уставшіе (какъ у всякой, уважающей себя женщины, а тѣмъ болѣе «общественной дѣятельницы» нашего времени) нервы.

Ницца—это кусочекъ Парижа, перенесенный подь пальмы «лазореваго берега», это—«*cité du plaisir*», какъ ее зовутъ справедливо. Она, какъ опьяненная собственной прелестью, успѣхомъ и весельемъ, кокетка, едва успѣваетъ улыбнуться себѣ, поглядѣвшись въ зеркало Средиземнаго моря, убрать себя новыми цвѣтами,—какъ уже стремится къ новому удовольствию, новому развлеченію. То «*regates*», гребныя гонки, то скачки, то бѣга, то битва цвѣтовъ, то на сушѣ, то на морѣ, то «*bataille de confetti*», то балъ, то «*veglione*», то «*dejeuner masqué*»—и вѣчный шумъ, звонъ, движеніе, которые и здороваго утомятъ. Близость Monte-Carlo, всемірнаго игорнаго дома, еще больше отравляетъ Ниццу лихорадкой; и подь конецъ изъ нея хочется бѣжать.

Въ смыслѣ тишины, лучше выбрать было бы трудно,—отель «*du Cap*» очень далеко отъ станціи. Въ Ниццу ѣздить

неудобно, и потому сюда являются, главнымъ образомъ, люди, ищущіе покоя,— все больше старики и старушки, или примѣрныя семьи съ малолѣтними дѣтьми, англійскаго или тевтонскаго происхожденія. Старики преобладаютъ.

Не потому ли и отель, къ тому же существующій съ незапамятныхъ временъ, принялъ такой почтенно-старообразный видъ?

«Modern Style», такъ элегантно отдѣлывающій теперь заграничные отели, съ его свѣтлыми тонами, причудливо выгнутыми линиями, большими цвѣтами ирисовъ и лилій всюду, гдѣ возможно—сюда еще не проникалъ. Обои здѣсь практичныя, темноватыя, мебель массивная, прадѣдушкиныхъ временъ; добрыя, старыя ковры съ пестрыми букетами и балдахины надъ кроватями, которые поддерживаютъ золоченыя амуры съ добродѣтельными лицами. Все это и не пахнетъ 20-мъ вѣкомъ! Не вносить своего энер-

гичнаго и яркаго свѣта электричество, а горять тяжелыя керосиновыя лампы. Горничныя всѣ почтеннаго возраста, lift не существуетъ, несмотря на очень дорогія цѣны. Да и къ чему? Живуть здѣсь старички подолгу; торопиться имъ некуда, и, привыкнувъ за 6—7 десятковъ лѣтъ жизни къ старымъ порядкамъ, нововведеній они не требуютъ.

Попробовала я за эти дождливые дни заглянуть въ библіотеку отеля.

Главное мѣсто въ ней занимають книги въ красномъ, тисненомъ золотомъ, переплетѣ: «Пэрства, графства, баронства и т. д.—Великобританіи». Этими книгами обыкновенно овладѣвають сѣдыя лэди въ бѣлыхъ вдовьихъ вуаляхъ, какъ только появится на доскѣ отеля новое громкое англійское имя, чтобы разузнать, «которая это—изъ Суссэкса или Эссекса» и т. п.

Кромѣ того, здѣсь есть англійскіе романы и, скромно теряющіяся въ ихъ

большинствѣ, нѣсколько французскихъ книгъ, изъ которыхъ самая новая помѣчена 1860 годомъ, вѣроятно, годомъ основанія отеля.

Тутъ «Корреспонденція Жакмона съ семействомъ и нѣкоторыми друзьями» 1828 г.; страшная драма «La tireuse des cartes» («Самый крупный успѣхъ 1852 года...»), нѣсколько путеводителей и житіе святого Онорія.

Тѣмъ лучше! и читать нечего; займусь исключительно «ничего недѣланіемъ»—если не считать «корреспонденціи съ семействомъ и нѣкоторыми друзьями» по примѣру Жакмона. Да и это не займетъ очень много времени, благодаря остроумной выдумкѣ «cartes postales» съ видами и картинками, упрощающихъ переписку...

Однако, звонять... Надо спускаться къ table d'hôte'у.

*
* *

... Въ долгіе часы завтраковъ и обѣдовъ, пока лакей съ загадочно-глубокомысленнымъ лицомъ опернаго Гамлета, молча и торжественно подаетъ мнѣ неизбѣжные «hors d'oeuvre», «filets de sole» и «côtelettes d'agneau», я занимаюсь тѣмъ, что наблюдаю своихъ сосѣдей-англичанъ или нѣмцевъ. Французовъ здѣсь только двое: толстый, розовый, упитанный аббатъ и графиня второй имперіи, съ которой онъ отечески почти-тельно «не совѣтуетъ мнѣ сходитья: «c'est une compagne un peu dangereuse pour une jeune personne comme madame».. Бѣдной опасной женщиной лѣтъ за 70; у нея ярко-желтый парикъ, вставная челюсть и трясущаяся, нарумяненная голова; она едва ходитъ и двѣ горничныя водятъ ее подъ руки, но я очень тронута попеченіемъ аббата о моей добродѣтели, на которую, очевидно, «les mœurs blâmables du second Empire» имѣли бы тлетворное вліяніе.

Что значить—скука! Я пресерьезно наблюдаю за остальными обѣдающими и даже нахожу въ этомъ нѣкоторое развлеченіе.

Вотъ парочка: двѣ сестры, толстенькія, румяныя, съ кудрявыми накладками на лбу. Одна—постарше, посолиднѣе, другая—*très jeune fille*, всегда въ розовомъ или голубомъ. Онѣ очень нарядны и мѣняють туалетъ каждый день; за ними ухаживаетъ ихъ сосѣдъ, господинъ совершенно лысый и волочащій правую ногу. Я видѣла, какъ онѣ поднесъ младшей сестрѣ букетикъ фіалокъ: она покраснѣла, а старшая улыбнулась ей съ покровительственной нѣжностью. Обѣимъ имъ лѣтъ подь 60. Я назвала ихъ мысленно «Жирофле-Жирофля», но потомъ мнѣ стало совѣстно, когда я подумала объ ихъ долгой одинаковой жизни, которая, можетъ быть, таитъ столько потерянныхъ иллюзій, мечтаній о неудавшемся счастьѣ. Кто знаетъ?

Вотъ семья, при видѣ которой я представляю себѣ неизбежно «Le mariage blanc» въ карикатурѣ. Въ трогательной пьесѣ являются дѣйствующими лицами: «mère noble», старшая дочь—драматическая злодѣйка, а младшая—injenue лейной чистоты и невинности, умирающая потому, что подслушала любовное признаніе старшей сестры къ своему мужу (мужу младшей, конечно), не отвѣчающему ей, впрочемъ.

«Mère noble» въ этой семьѣ, какъ всѣ дамы на ея emploi, достаточно полна, сѣда и носить черное кружево на головѣ, при чемъ говорить басомъ отставного драгунскаго ротмистра. Драматическая злодѣйка олицетворяется молодой особой добрыхъ 6 пудовъ вѣсомъ. Ее отлично было бы показывать на ярмаркѣ въ видѣ «чуда-природы». Нѣжный цвѣтокъ—это тощая дѣвица, лѣтъ 17-ти, съ бѣлесоватыми волосами и водянисто-голубыми глазами. Когда я мысленно ставлю

ихъ на мѣсто героинь, то выходитъ такой курьезъ, что я не могу удержаться отъ улыбки, къ изумленію лакея и сосѣдей.

А вотъ нѣмка съ тремя дѣтьми, изъ которыхъ старшій, 5-лѣтній, носитъ очки и пьетъ пиво...

Какіе пустяки занимаютъ меня! Но это тогда, когда я встаю безъ мигрени. Иной же разъ, зайдя послѣ обѣда въ «salon» или «grill-room» и машинально просматривая опаздывающую на 6 дней русскую газету, которую я получаю, я ловлю себя на томъ, что мнѣ почти страшно въ этомъ большомъ обществѣ, состоящемъ почти исключительно изъ очень старыхъ людей. Худые, высохшіе, сморщенные, какъ муміи, или разбухшіе, красные, съ апоплексическими шеями, они занимаютъ другъ друга, смѣются скрипучимъ смѣхомъ, жестикулируютъ, гримасничаютъ. И мало-по-малу картина въ моихъ глазахъ превра-

щается въ какую-то гогартовскую «пляску мертвыхъ»,—по крайней мѣрѣ, полумертвыхъ. И мнѣ жутко, что это люди—чуждые мнѣ по расѣ, по духу, по возрасту, эти, по большей части, раскрашенные руины—(потому что настоящая, почтенная старость рѣдко покидаетъ свое насиженное гнѣздо), что это люди, съ которыми я должна дѣлать кровь и столь.

Иногда эта мысль до того неприятна мнѣ, что я приказываю подавать себѣ обѣдъ наверхъ и запираюсь у себя.

Въ концѣ концовъ, я не знаю можно ли назвать одиночествомъ эту гостиничную жизнь: здѣсь все время ощущаешь присутствіе чужихъ и ненужныхъ тебѣ существованій, слышишь чьи-то стоны, вздохи, старческій кашель, видишь любопытные взгляды; все это меня раздражаетъ; я даже работать хорошенько не могу. Впрочемъ, должна еще сказать, что всѣ эти чистенькіе, нарядные, свер-

кающіе пейзажи не настраиваютъ меня, вообще, на работу; мнѣ кажется, что прямое ихъ мѣсто—фигурировать на «cartes postales» или художественныхъ объявленіяхъ отелей; или можетъ быть надо имѣть 18 лѣтъ отъ роду, чтобы въ нихъ найти картину, настроеніе; надо, чтобы своя юность отвѣчала вѣчной юности этой природы. Да, но почему это же побережье въ *Италии* такъ полно настроеній, такъ и просится само на холстъ?..

* * *

...Есть на берегу Средиземнаго моря растеніе, которому я мучительно завидую: это—агава, или, какъ ее здѣсь зовутъ, алоэ. Что можетъ быть поэтичнѣе ея судьбы? Она живетъ отъ 15 до 20 лѣтъ на берегу голубого моря, подъ почти неизмѣнно голубымъ небомъ, питаясь соками богатой и плодородной почвы. Вѣтеръ съ моря освѣжаетъ ее, и приноситъ въ своемъ влажномъ, здоровомъ,

соленомъ дыханіи ароматы цвѣтовъ, пока въ одинъ прекрасный день онъ же не принесетъ на своихъ крыльяхъ воздушный поцѣлуй другой агавы... И отъ этой мистической, чистой любви алоэ произведетъ прекрасный, пурпурный цвѣтокъ, на стройномъ громадномъ стеблѣ тянущійся къ солнцу и весь пропитанный жизнью и страстью—и, совершивъ свое великое назначеніе, умираетъ... Разъ въ жизни любить и умираетъ, точно онъ «изъ рода бѣдныхъ Азровъ»...

Какая мечта!...

* *
*

...Сегодня, сойдя къ завтраку внизъ и какъ всегда механически оглядѣвъ всю большую залу, я увидѣла, что за столикомъ противъ меня сидитъ новая пара. Я невольно обратила на нее вниманіе: новыя лица, въ этомъ «добровольномъ заточеніи»! Нѣчто, имѣющее отдаленное сходство съ настроеніемъ узника, уви-

давшего новаго паука въ углу своей каморки.

Прежде всего меня удивило, въ этомъ царствѣ старости, увидѣть молодого мужчину; если въ отелѣ иной разъ и попадались молодыя женщины, — то ужъ мужчинъ совсѣмъ было не видно: всѣ въ Монте-Карло.

Сначала мнѣ показалось, что онъ русскій и я бессознательно обрадовалась этой мысли.

Слегка растрепанные волосы, небрежно курчавящаяся бородка, кое-какъ повязанный галстухъ и просторный пиджакъ — все это дѣлало его непохожимъ на англичанина или нѣмца.

Молодые англичане и нѣмцы всегда выглядятъ такъ, какъ будто ихъ сдѣлали нарочно, и на ночь убираютъ на полочки.

Я за свое пребываніе за границей почти безошибочно научилась опредѣлять національности; я и тутъ сразу рѣшила бы, что это русскій, но меня сбила съ

толку его дама: она безспорно и очевидно принадлежит къ нѣмецкой расѣ. Это женщина не моложе, а можетъ быть и старше его; лѣтъ подь 40 во всякомъ случаѣ. Меня поразила въ ней странная смѣсь выраженія наивной пансіонерки и сухостиклассной дамы. Сразу нельзя опредѣлить, что она такое: видъ у нея—старой дѣвы, манеры молодой и влюбленной женщины. Она была въ дорожномъ синемъ платьѣ, но на шеѣ и въ волосахъ у нея были свѣтло-голубые бантики.

Я постаралась прислушаться къ ихъ разговору, мнѣ по-дѣтски захотѣлось, чтобы это были русскіе: у него было такое славное, доброе и умное, хоть и некрасивое лицо, — но именно лицо русскаго, простого и порядочнаго человѣка.

Иностранецъ—прежде всего *мужчина*, какъ бы онъ старъ ни былъ, особенно французъ; а этотъ былъ такъ похожъ на русскаго... И у нея въ сущности не антипатичная фізіономія. Можетъ быть, они

русскіе? Только голубые банты что-то ужь очень нѣмку выдають...

И вдругъ до меня долетѣло ея восклицаніе.

— Das war ja wunderschön!..

Я съ невольнымъ разочарованіемъ посмотрѣла опять въ ихъ сторону и поймала на себѣ его взглядъ. Я опустила глаза и прилежно занялась своимъ бананомъ. Но этотъ взглядъ былъ мнѣ скорѣе приятень. За все мое пребываніе здѣсь, я встрѣтила только тусклые, рыбы взгляды старыхъ англичанъ—и сейчасъ этотъ взглядъ, живой, блестящій и ясно говорившій:

— Ого! Какъ ты интересна!

Онъ явился для меня чѣмъ-то новымъ, необычнымъ. А сомнѣваться въ значеніи этого взгляда я не могла, да и не мудрено; оставивши въ сторонѣ то, что вообще я считаюсь интересной женщиной,—безъ ложной скромности,—я думаю, что въ этомъ скопищѣ «старухъ

зловѣщихъ, стариковъ»,—я не могла не обратить на себя его вниманія.

И мнѣ опять стало досадно, что онъ не русскій.

Вотъ что значить сидѣть въ одиночномъ заключеніи больше двухъ недѣль. И то сказать, я почти ни съ кѣмъ здѣсь не говорю, кромѣ консьержа. Онъ одинъ понимаетъ по-французски, остальная прислуга все больше привыкла къ англійскому и нѣмецкому языкамъ, съ которыми я (особенно съ первымъ) во враждѣ.

И мнѣ иной разъ очень хотѣлось бы поговорить съ кѣмъ-нибудь, чисто по-русски, не готовыми фразами, касающимися метеорологическихъ наблюдений насчетъ «*pluie et beau temps*», а поспорить о Толстомъ, поболтать о знакомыхъ, раскритиковать послѣднюю пьесу Ибсена и поссориться изъ-за какого-нибудь «рокового» вопроса ...

Только за границей, нѣсколько мѣсяцевъ не слыша русской рѣчи, начинаешь

ясно понимать ея красоту и благородство. Говорять, что французскій богаче, образнѣе; какая это неправда! Его можно брать готовымъ, онъ легче поддается всякимъ фантазіямъ поэтовъ-декадентовъ, приемамъ, каламбурамъ и т. д., но онъ зато и *принадлежитъ* *всѣмъ*; всякій скверненькій писатель будетъ тамъ писать прекраснымъ стилемъ, а русскій языкъ не даетъ себя протитуировать, если можно такъ выразиться.

А дождь все идетъ и идетъ... Вотъ тоска!..

*
* *

...—Онъ оказался русскимъ! Сегодня послѣ обѣда я сидѣла въ качалкѣ «hall'a» и держала въ рукахъ прочитанную газету. Мнѣ было лѣнь подниматься наверхъ. Насколько я люблю у себя дома этотъ вечерній отдыхъ, когда у меня въ спальнѣ топится каминъ, потрескиваетъ зажженная нянькой лампадка, и бѣлая постель манитъ свѣжимъ, прохладнымъ

бѣльемъ, а на столикѣ лежитъ открытая книга—и сплошь да рядомъ остаюсь дома, не иду въ театръ, не иду на вечеръ, предпочитая всему этотъ покой и тишину, — настолько мнѣ здѣсь неуютно идти въ темную, всегда немного холодную, какъ ее ни топятъ, комнату; въ ней точно предчувствіе могильной темноты и холода...

Я и не торопилась, и сидѣла, задумавшись безъ мыслей, когда вдругъ услышала русскую фразу:

— Простите, можно у васъ попросить вашу газету на минутку?

— Ахъ, Господи, какъ я рада! — вмѣсто отвѣта вскрикнула я, и сама надъ собой разсмѣялась.

Знакомство было сдѣлано.

Онъ присѣлъ рядомъ со мной — жена его играла въ шашки съ нѣмецкой дѣвицей (изъ «Mariage blanc») — и черезъ полчаса я уже знала о немъ все, что можно. Прежде всего онъ представился:

докторъ Левинскій изъ Москвы. Мы, по русскому обычаю, сосчитались знакомыми и нашли ихъ чуть не поль-Россіи. Оказалось, онъ въ университетѣ слушалъ моего дѣда и т. п. Мы очень оживленно разговорились; я замѣтила, что жена его кидала нѣсколько разъ въ нашу сторону не очень спокойные взгляды. Я думаю, ей не очень нравилось, что я была въ бѣломъ кружевномъ платьѣ съ букетомъ красной гвоздики у пояса, — немало слишкомъ элегантно для этого отеля, можетъ-быть? Тѣмъ не менѣе, когда она кончила свою партію и онъ, попросивъ у меня позволенія представить ее мнѣ, предупредивши, что она, какъ нѣмка (я не ошиблась таки!), не говорить ни слова по-русски, подвелъ ее ко мнѣ—она кисловато, но любезно промолвила 2 слова по-французски, и такъ знакомство завязалось.

Хоть душу есть съ кѣмъ отвести!..

*
* *

— ... Дождикъ все продолжаетъ идти: но у меня теперъ есть, по крайней мѣрѣ, развлеченіе. Такъ какъ ѣздить некуда, то послѣ обѣда докторъ сидитъ со мной у камина и рассказываетъ мнѣ свою жизнь, — пока его жена занимается своими шашками; рассказываю и я ему, но меньше: моя жизнь богаче настроеніями, чѣмъ фактами, а ихъ труднѣе передать, хотя съ нимъ мнѣ говорится легко и просто. Я замѣчала такъ: иногда въ своихъ безконечныхъ путешествіяхъ встрѣтишься съ кѣмъ-нибудь въ вагонѣ, на пароходѣ — и вдругъ этотъ совсѣмъ чужой, случайный спутникъ или спутница возьметъ и расскажетъ всю свою жизнь, мало того — всю драму своей жизни, со всѣми подробностями, такъ искренно, какъ можетъ быть не рассказалъ бы ближайшему другу. Мнѣ часто приходилось слушать такія исповѣди. Я задавала себѣ вопросъ: почему это такъ бываетъ? Думаю, что иной разъ человѣку

необходимо высказаться, вылить избытокъ горечи, чтобы его не задушило (вѣдь такія исповѣди большею частью бываютъ горькія). Самому близкому другу не расскажешь, онъ и самъ видитъ, въ чемъ дѣло, да и страдаетъ за тебя вдвойнѣ; не врагу же говорить... Вотъ и встрѣчается чужой человѣкъ, который не знаетъ, незнакомъ, у котораго душа не заболитъ объ его горѣ, но въ чьихъ глазахъ онъ читаетъ симпатію и участіе... И слова прорываются, и избытокъ души облегчаетъ потокъ словъ, жалобъ и слезъ... Но — свистокъ, остановка, и человѣкъ, оставившій вамъ кусочекъ своей души, уйдетъ, вы не встрѣтитесь, гордость его не будетъ страдать, а вмѣстѣ съ тѣмъ, высказавшись, легче сносить свою ношу, которую на минуту вы раздѣлили съ нимъ...

Вы въ этомъ случаѣ сыграли роль тростника съ царемъ Мидасомъ, но это

все равно: вы принесли челоѡѡку хоть пассивную пользу.

И я теперъ немножко чувствую себя такъ съ этимъ докторомъ. Я такъ на-молчалась, такъ много надумалась въ уединеніи своей комнаты, такъ долго произносила однѣ банальныя фразы изъ учебника Марго, что теперъ прямо чувствую потребность съ этимъ—совершенно чужимъ мнѣ, но говорящимъ со мною на одномъ языкѣ (во всѣхъ смыслахъ)—челоѡѡкомъ дѣлиться и мыслями, и впечатлѣніями.

Онъ тоже... нѣсколько мѣсяцевъ вынужденъ довольствоваться нѣмецкимъ языкомъ.

Они женаты 4 мѣсяца, но—онъ сообщилъ мнѣ это подъ секретомъ—роль «молодожена» ему, очевидно, не улыбается.

Между нами быстро установилась эта откровенность; я вижу иногда подозрительныя и недовольныя взгляды, кото-

рые докторша искоса посылаетъ мнѣ. Она, вѣрно, съ тревогой спрашиваетъ себя, о чемъ мы можемъ говорить? Съ ней у насъ дальше двухъ-трехъ французскихъ фразъ отельнаго характера разговоръ не идетъ. Я не думаю, чтобы она была довольна а parté ея мужа со мной; но что же дѣлать! Моя совѣсть чиста. Ни тѣни кокетства въ моемъ поведеніи съ нимъ нѣтъ, и я не хочу лишать себя удовольствія и оставлять перваго разумнаго собесѣдника за всѣ три мѣсяца.

*
* *

— ... Какое странное супружество! И какъ изъ этихъ двухъ существованій, соединенныхъ закономъ, религіей и обществомъ, никогда не сольется одного!..

Онъ.—Ему 39 лѣтъ. (Записываю съ его словъ). У себя, на родинѣ, онъ считался немного оригиналомъ: жилъ очень замкнуто, дѣлилъ свое время между медициной и

музыкой, не любилъ общества, не посѣщалъ клуба и т. п. Въ ранней юности онъ «отдалъ дань» увлеченіямъ: студентомъ влюбился въ одну хорошенькую заблудшую душу и, какъ водится, возмечталъ ее спасти. Вырвалъ ее изъ вертепа... прожилъ съ нею годъ, но, пооперившись, она бросила его и поступила въ русскій хоръ г-жи Шмитъ.

Послѣ этого, года черезъ два, онъ увлекся дочерью своей квартирной хозяйки. Послѣ его неудачнаго опыта, эта дѣвица показалась ему ангеломъ, особенно когда разливала чай или кормила куръ въ палисадникѣ. Онъ называлъ ее «Гетевской Лотой», но Лота вышла замужъ за квартальнаго надзирателя, а бѣдный Вертеръ страдалъ и игралъ на своей скрипкѣ элегіи по ночамъ, пока остальные жильцы не запротестовали. Уже зрѣлымъ человѣкомъ онъ сошелся съ одной замужней женщиной; но та, за нѣсколько лѣтъ ихъ связи, сумѣла

вызвать въ немъ только страстную жажду покоя и отвращеніе къ тому, что докторъ называлъ любовью.

Любовь все равно что музыка: въ ней есть свои гениальные композиторы и виртуозы, своя «9-я симфонія» и Шопеновскіе этюды, но есть и пошлая полька, и затрепанные шарманкою вальсы; и въ дѣлѣ любви бѣдный докторъ кажется мнѣ не ушедшимъ дальше Лютшевскихъ упражненій... Я ему это высказала, и онъ, смѣясь, согласился со мной, и заявилъ, что истинной любовью его была да и есть—скрипка.

Такъ онъ жилъ тихо и незамѣтно, сотрудиная въ медицинскихъ журналахъ на 4-хъ языкахъ, составивъ себѣ имя въ медицинскомъ мірѣ за границей—и ничѣмъ этого не выдавая въ своемъ кружкѣ.

Я отлично понимаю то, чего онъ не досказываетъ, да, можетъ-быть, и не уясняетъ себѣ. Никто не вздумалъ бороться, чтобы завоевать его любовь, онъ былъ

для этого слишкомъ мало «ярокъ» внѣшне,—и такъ его не тронули до 40 лѣтъ почти...

Обстоятельства сложились такъ, что ему пришлось временно покинуть Россію, но ему сейчасъ же предложили каеедру въ Германіи; главнымъ его занятіемъ всегда была не столько практика, сколько лекціи (онъ былъ приватъ-доцентомъ) и кабинетныя работы. Поэтому онъ безъ особеннаго сожалѣнія переѣхалъ на родину Бетховена, Моцарта, Мендельсона.

Не успѣлъ онъ прожить нѣсколько мѣсяцевъ въ Германіи, какъ его другъ—корреспондентъ большихъ русскихъ журналовъ, русскій, но по привычкамъ и тону жизни совершенно «онѣмечившійся» — сталъ уговаривать его жениться.

— Безъ хозяйки жить невозможно! Я не говорю тебѣ о любви: любовь въ бракѣ вещь стѣснительная; а ты возьми

женщину безъ претензій на любовь и ухаживаніе, но такую, которая создасть тебѣ уютный, пріятный домашній очагъ... Я знаю такую: она не молодая дѣвушка, лѣтъ за 30, но милая, тихая, отличная музыкантша и въ тягость она тебѣ не будетъ.

— Прислуга меня обворовывала, — рассказывалъ докторъ, по привычкѣ ероша свои густые волосы, — въ домѣ вѣчно былъ безпорядокъ, кухарки считали себя полными хозяйками, кромѣ того, перспектива имѣть хорошую, постоянную аккомпаниаторшу меня очень соблазнила.

Онъ говорилъ спокойно и громко; въ это время докторша обернулась и взглянула на него. У меня даже уши вспыхнули и только потому я сообразила, что она ничего не понимаетъ; но она ужъ навѣрно замѣтила мое смущеніе.

— Я и рѣшился, — продолжалъ онъ. — Рѣшился совершенно спокойно, предпо-

лагая, что этотъ бракъ ни въ чемъ не измѣнитъ мою жизнь...

Она въ это время смѣшала шашки, встала и, подойдя къ мужу сзади его кресла, положила ему руки на плечи съ неумѣлой и немножко вызывающей фамильярностью, словно желая подчеркнуть свою власть надъ нимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безпокойно вслушиваясь въ звукъ чужихъ для нея словъ.

Онъ потрепалъ ея руку и продолжалъ (маленькое предательство, — она его не могла понять):

— Да... думалъ только, что она прибавитъ мнѣ тепла, уюта и покоя, а...

Тутъ онъ оборвалъ.

— А что?—спросила я.

Онъ только вздохнулъ.

— Genug, vielleicht?—скрывая раздраженіе подъ жалкой, дрожащей улыбкой, спросила она и, очень любезно простившись со мной, увела его наверхъ...

*
*
*

— ... Она:—(то, что онъ мнѣ разска-
залъ, — факты, и то, что легко добавило
мое воображеніе,—настроенія).

Ей 38 лѣтъ. Зовуть ее—Frau Rosa-
munde. Мамаша ея—Frau Kommerzien-
rath—рано овдовѣла и эгоистично удер-
живала дочь возлѣ себя елико возмож-
но дольше. Rosamunde—довольно пас-
сивная натура—не замѣчала, какъ идетъ
время, купаясь въ материнскомъ балов-
ствѣ и нѣжности, какъ въ теплой ваннѣ,
и лучшаго ничего не хотѣла. Но за по-
слѣдніе годы мать ея, подѣ влияніемъ
разныхъ бабушекъ, тетушекъ и т. д.,
начала думать о томъ, какъ бы при-
строить дочь. Это казалось ей легкимъ,
потому что у нея было недурное состоя-
ніе. Какъ разъ въ это время появился
докторъ, очень понравился матери, за
нею, какъ всегда, и Розамундѣ—и въ
два-три мѣсяца вопросъ былъ рѣшенъ.

Ему, въ свою очередь, былъ симпати-
ченъ и весь мирный складъ добродуш-

ной нѣмецкой жизни, и красивая сѣдая будущая теща (кстати: я думаю, что и его жена со временемъ сдѣлается лучше, — она изъ тѣхъ, кому старость идетъ, такъ онѣ уже смолоду старообразны).

Розамунда показалась ему тихой, спокойной, простой дѣвушкой. Играла она немного безвкусно, хотя очень бѣгло и добросовѣстно, и онѣ съ удовольствіемъ думаль о томъ, какъ исправить и разозветъ ея вкусъ.

Видя ее немолодую, въ темныхъ платьяхъ, но съ до сихъ поръ наивными глазами — онѣ рисоваль себѣ, какъ ихъ жизнь пойдетъ тихо, гладко, мирно, и радовался, что этому новому товарищу, не очень щедро (какъ ему казалось) балованному судьбой, онѣ дастъ съ своей стороны атмосферу симпатіи, дружбы и «очага».

Но онѣ не разсчиталь, что каждая женщина неизбѣжно при ближайшемъ

разсмотрѣннiи представить изъ себя ящикъ съ сюрпризами...

Они обвѣнчались и по желанiю тещи и жены—какая же уважающая себя нѣмецкая женщина обойдется безъ свадебнаго путешествiя?—уѣхали на Озера.

Первые дни Розамунда только рыдала, повторяя:

— Oh, meine Mutter! Meine Mutter!.. такъ безутѣшно, что доктору становилось ее жалко, и онъ принимался ее утѣшать и непривычно ласкать. Оказалось, что три дня Розамунда такъ горько рыдала потому только, что ее никто больше не зоветъ—какъ звали дома—«Mauschen». Докторъ улыбнулся себѣ въ усы... но сталъ жену звать «Mauschen».

Онъ никакъ не ожидалъ того, что бѣдная, сухенькая «мышка» составляла дома центръ вселенной, и естественно, и отъ него потребуеть къ себѣ такого же вниманiя и интереса. Онъ думалъ,

что женится на немолодой дѣвушкѣ... а женился на 38-лѣтнемъ ребенкѣ.

Розамунда, хотя и не была влюблена въ него, но, какъ большинство нѣмецкихъ дѣвушекъ, всегда была настроена довольно сантиментально; она создала себѣ извѣстный идеаль медоваго мѣсяца, — рѣшила, что если докторъ на ней женился, то, очевидно, онъ долженъ быть въ нее влюбленъ, — и сочла своей обязанностью быть влюбленной, молодой супругой.

Можетъ быть, если бы за этотъ мѣсяць докторъ сумѣлъ остаться на высотѣ положенія «молодого, влюбленнаго супруга», то Розамунда сочла бы себя удовлетворенной, вошла бы въ колею, и все сгладилось бы. Но, столкнувшись съ нѣмецкими воззрѣнiami на медовый мѣсяць, докторъ никакъ не могъ сообразить, что по церемоніалу сейчасъ слѣдуетъ любоваться вдвоемъ луной, а сейчасъ цитировать Ленау и т. д.

Разъ или два онъ въ простотѣ душевной посмѣялся надъ ея розовыми наколками—она почувствовала уколъ въ сердце!

Когда она, въ дождь, мечтательно смотрѣла на сплошь закутанное туманомъ Lago - Maggiore и вздыхала: — Oh, wie schön!.. онъ закутался въ пальто и ушелъ въ каюту, оставивъ ея душу истерзанной.

Итакъ, мелочи, булавочные уколы, но они ее раздражали.

Главное же заключалось въ томъ, что она совсѣмъ не умѣла быть *одна*, привыкши къ постоянному обществу матери и вѣрнаго члена семьи экономки Минны... а онъ лишился своего одиночества, къ которому, въ свою очередь, привыкъ.

Такимъ образомъ—пока что, онъ «наказанъ тѣмъ, чѣмъ согрѣшилъ»—онъ женился больше всего затѣмъ, чтобы о немъ заботились... а попасть въ няньки къ своей женѣ...

Онъ рассказываетъ мнѣ это все и прибавляетъ:

— Васъ не должно удивлять, что я съ вами такъ откровененъ.

— Я и не удивляюсь...

— Нѣтъ, вы не можете представить, какое наслажденіе съ вами говорить...

— Я, кажется, очень мало говорю?

— Да, но вы слушаете, понимаете, ловите мысль налету! У васъ—этотъ чудесный, эластичный умъ русской женщины, расширенный прикосновеніемъ къ культурѣ и литературѣ всѣхъ другихъ национальностей, который даетъ вамъ возможность на все откликнуться, все схватить сразу! О, да это живая вода по сравненію съ... — онъ запнулся — съ нѣмецкой женщиной. Охъ, ужъ это нѣмецкое воспитаніе! Возьмите вы мою жену: вѣдь она умная женщина, и со способностями, — играетъ отлично, книжку стиховъ издала, и, право, недурныхъ, ко дню рожденія своей матери...

Но... у насъ женщина съ ея данными давно бы стремилась впередъ, развива-

лась бы, достигла чего-нибудь... А она до 38 лѣтъ у маменьки сидитъ и воспѣваетъ то утреннюю, то вечернюю тишину, а для разнообразія—страданія мушки въ лапахъ у паука... Кусочекъ любви къ природѣ, чуточка музыкальности... а души-то и нѣтъ!..

И оборвалъ, словно устыдившись, что много сказалъ...

*
* *

— ... Наконецъ, дождь пересталъ, и, какъ всегда здѣсь, точно по волшебству все засіяло, заблестѣло и улыбнулось. Все купается въ той голубой дымкѣ, которая вѣрно и заставила назвать этотъ берегъ «côte d'Azur». Дѣйствительно, море ярко-голубое, эмаль неба чиста и ясна, горы уходятъ вверхъ, какъ голубыя грезы. Бѣлый камень домовъ и оградъ блеститъ на солнцѣ такъ, что глазамъ больно, и по немъ цѣпляются сочные, жирныя, ползучія растенія, съ пышными красными, желтыми, лиловыми ки-

стями цвѣтовъ. Тамъ и тутъ роскошные букеты ярко-розовой герани, съ ея бархатной, изсѣзеленой листвою, прильпились къ стѣнамъ; такъ велика здѣсь жизнеспособная и производительная сила, что изъ каждой расщелины ограды пробивается тонкій стебель какого-нибудь растенія; ему едва хватаетъ мѣста, чтобы проползти на волю, но, разъ вырвавшись, этотъ стебель разрастается въ цѣлыя гирлянды, фантастическіе букеты, самой природою устроенныя корзинки чудесныхъ цвѣтовъ. То, что у насъ растетъ маленькой травкой, едва замѣтнымъ отъ земли листкомъ, здѣсь принимаетъ колоссальныя размѣры, разрастается кустарникомъ, кустарники превращаются въ деревья.

Въ тѣни колоннады пальмовыхъ стволовъ просыпаны бѣлыя фіалки; прозрачная, перистая мимоза блеститъ на солнцѣ своими пушистыми желтыми гроздьями; коренастая, низкія и безъ того де-

ревья гнутся подъ тяжестью усыпавшихъ ихъ апельсиновъ, лимоновъ, мандариновъ, какъ жаръ горящихъ. Переплетаются словно въ опьяненной оргіи, въ безумныхъ объятіяхъ, кактусы, агавы, острые «*сог-nes de bouc*» съ алыми цвѣтами, ползучія растенія, плющъ, розы, бѣлыя, желтыя, красныя...

А вотъ издали кажется, что въ зелени деревьевъ зацѣпилось и повисло розовое облачко и, того гляди, растаетъ— подойдешь ближе, это миндальное дерево въ цвѣту, нѣжное, почти прозрачное...

Мы пользуемся чуднымъ днемъ, чтобы сдѣлать прогулку въ горы, къ моему «пріятелю», садовнику, М-г André.

Отправляемся: докторъ, его жена, чета старыхъ, но бодрыхъ нѣмцевъ, и я. Естественно, соотечественники разговариваютъ на родномъ языкѣ; мы съ докторомъ немного впереди.

Карабкаемся по тропинкамъ, откуда то и дѣло открываются виды то на ло-

шину, всю въ кудрявыхъ соснахъ, то на море, по которому, какъ бѣлыя чайки, скользятъ лодочки, то на бѣлые домики, которые стерегутъ Беклиновскіе кипарисы; стадо овецъ перебѣгаетъ намъ дорогу, за нимъ идетъ пастушонокъ въ красной шляпѣ.

М-г André живетъ въ полной идилліи. По склону горы лѣпится его садъ, какъ здѣсь дѣлаютъ, террасами, въ видѣ большой лѣстницы, ступени которой представляютъ гряды съ цвѣтами. Выше стоитъ его бѣлый домикъ, окруженный оградой и утопающій въ розахъ. Его палисадникъ полонъ мандариновъ, ирисовъ, фіалокъ, густымъ лиловымъ ковромъ, покрывающихъ землю. Курятникъ весь завить геранью. Въ углу сада, на выступѣ утеса бесѣдка изъ плюща и въ ней подзорная труба, но и безъ подзорной трубы открывается у ногъ горы все мѣстечко, старая церковь, молъ и портъ и необъятная гладь моря...

У М-г André молодая, румяная жена, трое черноглазыхъ дѣтишекъ и кошка и собака, похожіе другъ на друга мастью и живущіе въ мирѣ и согласіи. М-г André всегда радъ гостямъ; радушно угощаетъ фруктами, заставляеть дѣтвору нарвать фіалокъ и радъ, когда восхищаются его хозяйствомъ—онъ отъ удовольствія смѣется и говорить:

— Hé bé! Moi même j'aurais pas envie de descendre, on est mieux chez-nous...

Докторша нашла здѣсь полное удовлетвореніе своей мечтательной сентиментальности. Она восторгается одинаково и дѣтьми, и курами, и розами, и чистотой и восклицаетъ:

— Dass ist ja wunderschön! hier möcht' ich leben und sterben!..

— Ach, ja! Eine Hütte und ein Herz!—прибавляетъ старая нѣмка.

Мы разспрашиваемъ М-г André, хорошъ ли былъ этотъ годъ.

— Pas mal! pas mal!—отвѣчаетъ онъ.—

Tout de même, il a plû un peu... Y avait du vent... ce n'est pas des meilleures années!.. качаетъ онъ головою.

Мы взглядываемъ съ докторомъ другъ на друга и въ одно время произносимъ:

— А помните сегодняшнюю газету?

Одна и та же мысль, очевидно, мелькаетъ у насъ. Мы вспоминаемъ отрывокъ изъ русской газеты:

— «Отчего въ нашихъ южныхъ губерніяхъ такая теплая зима? Крестьяне волынской губерніи уже разрѣшили этотъ вопросъ и сложили легенду; вотъ она.

«На границѣ теплыхъ странъ съ нашей находится густой темный лѣсъ, тянущійся на «милліоны верстъ». Этотъ лѣсъ мѣшаетъ теплу пройти въ Россію... Теперь этотъ лѣсъ рѣшили вырубить и, чѣмъ больше его вырубаютъ, тѣмъ теплѣе становится у насъ. Когда послѣднее дерево будетъ свалено, слѣдается такъ тепло, что не будетъ зимы—

и крестьянамъ можно будетъ два раза въ году сѣять и пахать»...

Невыразимо трогательной казалась эта мечта «два раза въ году сѣять и пахать» здѣсь, въ этой странѣ вѣчнаго солнца и роскоши, гдѣ любой крестьянинъ живетъ такъ, что сытые и счастливые люди могутъ ему позавидовать и искренно сказать «hier möcht'ich leben und sterben»!..

И у насъ сжалось сердце...

А докторша продолжала восклицать:

— Ach, dass ist ja reizend! Sieh mal diese Nelken!..

* * *

— ... Странное чувство бываетъ иногда у меня. Я уже сравнила себя съ врачомъ, который сознаетъ и наблюдаетъ ту болѣзнь, отъ которой умираетъ.

Скажу дальше: такъ какъ эта болѣзнь хроническая, то къ ней привыкаешь. О ней не думаешь, а тупо подчиняешься ей и способенъ ее настолько забыть,

что дѣлаешь какія-нибудь распоряженія, проекты на будущее... И вдругъ, въ одинъ прекрасный или, вѣрнѣе, ужасный день просыпаешься, *вспомнивь* о своей болѣзни. Какое глубокое, безграничное, неисцѣлимое отчаяніе овладѣваетъ тогда человѣкомъ! Кажется, что вдругъ стоишь въ черной пропасти, ни позади, ни впереди тебя нѣтъ свѣта, ты вотъ-вотъ погибнешь... Въ такую минуту благословенъ будь тотъ, кто встрѣтится вамъ на пути и взглядомъ, словомъ, жестомъ дастъ вамъ минуту симпатіи, минуту сознанія, что вы не одни...

Такъ я встала сегодня. Я ушла отъ завтрака и спряталась въ паркѣ. Я была разбита, голова налита свинцомъ. Я думала: зачѣмъ я здѣсь? На что мнѣ лѣчиться отъ воображаемыхъ болѣзней, когда моя болѣзнь—неизлѣчима? Не лучше ли было бы быть дома въ эту минуту полной внутренней безнадежности, имѣть съ собою рядомъ хоть кого-ни-

будь, хоть ту же старую няньку, которая, не понимая, будетъ тебя «жалѣть» той жалостью, какой жалѣла въ дѣтствѣ, когда ты ушибалась объ столъ и шла къ ней съ горькими слезами?.. Она бы такъ же, какъ тогда, взяла тебя въ свои вѣрныя, одряхлѣвшія руки, и качала, и лелѣла бы...

Приласкать меня надо, няня, безпріютную!

Жизнь ушибла, больно ушибла твою питомицу, ей нужны твои старческіе добрые глаза, твои наивныя утѣшенія:

— Не плачь, моя родимая, не плачь, моя болѣзная!..

Съ этими мыслями я сидѣла въ самомъ дальнемъ углу парка и позволила слезамъ падать, не удерживала ихъ.

Вдругъ чья-то рука взяла мою. Я открыла глаза, вздрогнувъ отъ неожиданности... Это былъ докторъ.

Я не отняла руки. Я въ его взглядѣ прочла такую же большую жалость, какъ

читала въ старыхъ глазахъ моей няньки. Онъ не зналъ причины моего горя, но вѣрилъ ему...

Такимъ добрымъ, такимъ взволнованнымъ былъ его голосъ, когда онъ произнесъ:

— Не плачьте, голубушка... Ну, что, ну, что такое?

Онъ говорилъ со мной, какъ съ ребенкомъ; я, сама не отдавая отчета себѣ въ томъ, что дѣлаю, положила голову на плечо этому чужому мнѣ человѣку и плакала,—но уже не такими безнадежными слезами, какъ пять минутъ раньше. А онъ тихо гладилъ мои волосы и успокоивалъ меня... Я пришла въ себя, отстранилась отъ него, разсмѣялась, извинилась передъ нимъ, постаралась обратиться все въ шутку:

— Вы, какъ докторъ, вѣрно привыкли, чтобы вамъ «плакали въ жилетъ»?

Но шутка намъ не удавалась.

Потомъ весь день, встрѣчая его взглядъ,

я думала, что мнѣ, гордой, этотъ чело-
вѣкъ подалъ милостыню... милостыню
ласки въ ту минуту, когда моя душа
томилась голодомъ...

И мнѣ было тяжело — и хорошо.

Кто знаетъ—вотъ, можетъ быть, че-
ловѣкъ, который могъ бы дать мнѣ то,
чего я такъ напрасно всегда добивалась:
дружбу и возможность *вприть* ему?..

*
* *

... — Сегодня вечеромъ въ первый
разъ я услышала, какъ онъ играетъ.

Обыкновенно, когда жена просила его
«etwas musik machen», онъ отказывался,
но сегодня я ему на это сказала тихо:

— Прошу васъ! Для меня!

У меня вырвалось невольно это «для
меня», какъ у всякой избалованной жен-
щины, и тутъ же мнѣ стало неловко; но
онъ не далъ мнѣ времени задуматься
надъ этимъ и всталъ:

— Для васъ... Nun, gehen wir!..

Она послала мнѣ свой обычный взглядъ искоса, немного сжала и безъ того тонкія губы, но спокойно пошла въ маленькую гостиную и приготовила ноты.

Докторъ принесъ свою скрипку.

Они начали *andante* 6-й Бетховенской сонаты.

Съ перваго удара смычка онъ для меня сталъ уже не добродушный, близорукій, небрежно причесанный докторъ,—а само вдохновеніе.

Я сѣла въ кресло въ уголокъ и, полукрывши глаза, вся ушла въ ощущеніе какого-то нематеріальнаго блаженства. Музыка всегда дѣйствуетъ на меня очень сильно; я понимаю ученыхъ, которые хотятъ лѣчить нервы музыкой. Но сейчасъ я прямо словно отрѣшилась отъ бытія, я ничего не чувствовала и не сознавала вокругъ себя... До меня только доносился аромать мимозы изъ большого букета, стоявшаго на столѣ, аромать тонкій, самъ точно нематеріальный. Полумракъ,

запахъ цвѣтовъ и музыка сливались въ одну ласку волшебную, странную, окружающую меня.

Мнѣ казалось, что душа моя держится на кончикѣ смычка и что когда порвется звукъ,—то порвется и моя связь съ этимъ чуднымъ міромъ, въ который я унеслась. Тонкая нить мелодіи доминировала надъ гармоніей, она то звучала ниже, важнѣе, полная тоски и самоотверженія; то вдругъ летѣла выше, выше, какъ на крыльяхъ, звеня и торжествуя, манила, притягивала за собой .. и вдругъ—оборвалась...

Я невольно открыла глаза; мнѣ было прямо больно, что звукъ оборвался, это отозвалось во всемъ моемъ существѣ. Прямо на меня смотрѣли горящіе глаза его. Онъ былъ блѣднѣе обыкновеннаго. Онъ откинулъ волосы со лба нетерпѣливымъ жестомъ и, перевернувъ нѣсколько страницъ назадъ у жены, коротко приказалъ ей:

— Dies da.

— Ach, dass lieb ich ja nicht—запротестовала она, но онъ тряхнулъ головой и взялъ ноту. Тогда она покорно, хоть и досадливо, послѣдовала за нимъ. Страстной нѣжностью зазвучала 5-я соната.

Я опять съ наслажденіемъ погрузилась въ звуки; когда ихъ не было, вокругъ меня стало какъ-то пусто, какъ въ безвоздушномъ пространствѣ.

Теперь они снова наполнили воздухъ, снова превратили банальную гостиную отеля въ святилище, гдѣ совершалась чудесная тайна, но теперь я не закрывала глазъ.

Онъ стоялъ въ полъ оборота къ піанино, почти спиной къ женѣ, лицомъ ко мнѣ и пристально глядѣлъ на меня. И я не могла оторвать отъ него глазъ, точно меня загнипотизировала его скрипка. И странно мнѣ было, что это *онъ*, не знающій любви, не постигшій ее, — своей скрипкой такъ властно заставляетъ ее

чувствовать; что эта скрипка говорить, поеть о любви... И я—чуждая любви—понимаю пѣснь его скрипки, все то, что, помимо его самого, передается моей душѣ...

Онъ кончилъ. Очарованіе исчезло. Мы оба сразу опустили глаза; я видѣла, что и онъ съ сожалѣніемъ оторвался отъ этого сна наяву и блѣдный, точно разбитый, опустился на кресло.

.....
— Aber was kann besser als ein Walzer sein? томно сказала докторша и вдругъ заиграла «L' Amoureuse», которую сейчасъ здѣсь вертятъ всѣ шарманки.

Я встала и тихо вышла изъ комнаты. Должно быть, она раскритикуетъ мое воспитаніе...

*
**

...— Мнѣ становится вчужѣ жутко, когда я думаю, что онъ обреченъ всю свою жизнь играть дуэты съ этой жен-

щиной... О, эта жизнь можетъ превратиться въ долгій, тяжкій дуэтъ, гдѣ онъ будетъ играть Бетховена, а она...

Но въ чемъ ее упрекнуть? Она не виновата,—таково ее воспитаніе; она, можетъ быть, прекрасная женщина, и можетъ быть она приучить его къ своимъ вѣнскимъ вальсамъ...

*
**

...— Я услышала сегодня невѣроятную вещь. Передъ завтракомъ мы встрѣтились съ нимъ внизу и разговорились объ Италіи, которую оба одинаково любимъ, о томъ, какъ хорошо бы тамъ провести весну... Звонокъ прервалъ нашъ разговоръ. Я сѣла за свой столикъ. У окна, напротивъ, за столикомъ, какъ всегда, сѣлъ онъ съ женой. И я услышала, какъ онъ громко и оживленно началъ ей рассказывать объ Италіи, что надо туда поѣхать, что, если она хочетъ «поэзіи», такъ тамъ каждый камень ею дышитъ.

Нѣсколько минутъ онъ не умолкалъ.

Онъ говорилъ... *по-русски*.

Жена широко раскрытыми, сначала удивленными, потомъ гнѣвными глазами, смотрѣла на него. Я наклонилась надъ своей тарелкой и, не поднимая глазъ, поженски видѣла все. Онъ, въ свою очередь, изумленный ея молчаніемъ и недобрымъ выраженіемъ, приостановился, сообразилъ, въ чемъ дѣло, покраснѣлъ, какъ мальчикъ, и засмѣялся. Но она промолвила дрожащимъ голосомъ:

— Jetzt verstehe ich!..

Потомъ сжала губы и прибавила:

— Dass lass ich mir aber nicht gefallen.

Быстро поднялась съ мѣста и, выйдя изъ-за стола, ушла изъ комнаты, хлопнувъ дверью.

Докторъ поднялся вслѣдъ за ней и, проходя мимо меня, сказалъ съ выраженіемъ легкаго испуга, какъ не привыкшій къ женскимъ сценамъ человѣкъ.

— Что бы это съ ней могло быть?..

*
* *

...— Они уѣзжаютъ...

Сейчасъ докторъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Приходится проститься...

— Вы ѣдете?

— Ёдемъ.

Помолчали... Потомъ онъ махнулъ рукой:

— Послѣ вчерашняго она сама не своя. Плачетъ... всю ночь не спала... Твердить, что, если мы не уѣдемъ, она умретъ...

Словно оправдываясь, онъ, какъ-то сконфуженно поникши головой, сказалъ:

— Я самъ виноватъ... Я связалъ ея жизнь со своею, за что же ее заставлятъ страдать?.. А причину ея страданій вы поним...

— Не надо!— прервала я его.— Зачѣмъ вамъ ее раздражать? Вѣдь, вамъ съ ней

жить всю жизнь, а *это* — случайная встрѣча...

Онъ низко наклонилъ голову.

— Такъ вы въ Италию?..

— Нѣтъ... Объ Италиі и слышать она не хочетъ! Домой, къ «*frau Mama*».

— Счастливый путь!—сказала я. — Счастливой жизни!..

Онъ вдругъ наклонился и поцѣловаль мою руку; я прикоснулась губами къ его лбу. Онъ былъ очень блѣденъ, когда под- нялъ голову...

— И подумать...

Потомъ опять тряхнувъ, по своей ма- нерѣ, головой, промолвилъ:

— Прощайте... Желаю вамъ всякаго счастья...

И быстро вышелъ изъ комнаты дотя- гивать свой дуэтъ, который будетъ тя- нуться долгую, долгую жизнь...

ДОРОЖНЫЯ МИНИАТЮРЫ.

Посвящается Е. А. Шенбергу.

I.

Лѣсная малина.

Лучшая гостиница извѣстнаго курорта В., расположеннаго на одномъ изъ притоковъ Рейна, называлась «Schloss Stolzhöhe». И дѣйствительно, она была устроена въ реставрированномъ старомъ замкѣ. Онъ стоялъ, прислонившись стѣною къ скалѣ, фасадомъ же выходя на одинъ изъ ея уступовъ, террасами спускавшихся внизъ, къ рѣкѣ. Его зубчатая башня съ поднятымъ флагомъ гордо высилась надъ окружающимъ замкомъ паркомъ. Передъ нимъ разбита была площадка, усыпанная гравіемъ и обнесенная чугунной рѣшеткой. Вокругъ узоровъ рѣшетки обвивался плющъ и ползли лиловые глициніи. Отъ площадки внизъ шла мраморная лѣстница, развѣтвлявшая-

ся на двѣ: одна вела направо, другая—налѣво. На мраморныхъ перилахъ стояли низкія, широкія вазы, изъ нихъ пышно вырывалась бархатистая зелень гераніума, съ розовыми букетами цвѣтовъ, и цѣплялись какія-то вьющіяся растенія, мелкими гирляндами ниспадая внизъ. По два большихъ мраморныхъ льва стерегли лѣстницу съ каждой стороны; одному изъ нихъ кто-то, шутя, вложилъ въ пасть розу, и мраморный левъ бережно и важно держалъ ярко-пунцовый цвѣтокъ.

Только-что металлическій гонгъ прозвонилъ часъ обѣда: было половина перваго.

День былъ не жаркій, весь голубой; съ рѣки долеталъ свѣжій, какъ ласка, нѣжный вѣтерокъ. Съ площадки открывался видъ на все мѣстечко. Ближе были сады, изъ кудрявой листвы которыхъ выглядывали крыши виллъ; за ними—тихая неширокая рѣка, по которой мед-

ленно скользили пестрыя лодочки; на томъ берегу, поднимаясь въ гору и показывая всѣ свои улицы, бѣленькіе дома, полные розъ палисадники, раскинулся городокъ, а еще дальше—синѣли горы.

Воздухъ былъ чистъ, прозраченъ и весь наполненъ пахучими испареніями цвѣтовъ и благоуханіемъ цвѣтущихъ липъ.

За столиками на площадкѣ передъ отелемъ собирались объѣдающіе.

Это было то космополитическое общество, сѣзжающее на модныя воды, которое такъ любитъ описывать Бурже.

Русскихъ можно было узнавать по нѣкоторой небрежности костюма, по мягкости и нерѣшительности походки людей, непривыкшихъ много ходить, а еще по тому, что почти рядомъ съ каждымъ приборомъ у нихъ лежала книга или газета, отъ которой они съ неохотой отрывались.

Французы, и особенно француженки,

наоборотъ, отличались очевидной заботливостью о внѣшности; все на нихъ было какъ-то особенно ловко пригнано, лежало безъ малѣйшей складочки, прически были безупречны: вѣковая привычка къ изяществу сказывалась въ нихъ; у мужчинъ въ петличкахъ были продѣты гвоздики или синіе васильки. Нѣмцы замѣтны были по количеству дѣтей за століками, по свѣтлымъ волосамъ, по спокойнымъ глазамъ и неторопливымъ жестамъ. Англичане, какъ всегда, держались группами, холодные, корректные, въ строгихъ костюмахъ и одинаковыхъ шляпахъ у всѣхъ мужчинъ и женщинъ, какъ по уговору.

Въ курортѣ В. не лѣчились отъ тяжелыхъ болѣзней; ѣздили сюда не столько, чтобы исцѣлиться, сколько, чтобы предохранить себя отъ заболѣваній въ будущемъ, и потому почти всѣ посѣтители В. были болѣе или менѣе здоровы. Жизнь тамъ стоила дорого, и, значить,

бывали тамъ все люди обезпеченные. Это было и сразу видно по олимпійскому величію почтенныхъ старцевъ, возсѣдавшихъ за столиками, по элегантнымъ туалетамъ дамъ, по изяшнымъ костюмамъ дѣтей. Преобладали свѣтлые цвѣта, вошедшіе въ моду это лѣто: bleu-pastel, vieux-rose, máis, violette de Nice, geranium. Акварельные оттѣнки, букеты rompadour, тоненькія цвѣтныя тросточки съ пышными бантами подъ цвѣтъ платьевъ, цѣлые цвѣтники на шляпахъ—все больше розы, розы, розы... и колеблющіеся въ воздухѣ муслиновые зонтики, самыхъ нѣжныхъ колеровъ съ дорогими разрисованными или золотыми ручками.

Солнце освѣщало всю эту палитру нарядныхъ и яркихъ красокъ; съ того берега рѣки доносились слегка заглушенные водою звуки струннаго оркестра, и надо всѣмъ этимъ безнадежно и томительно висѣла скука.

Она зѣвала въ раскрытыхъ зонтикахъ,

она шелестѣла листами газетъ, она вливалась въ стаканы золотистой струей легкаго рейнвейна, она ясно читалась во всѣхъ глазахъ—и старыхъ, и молодыхъ, и дѣтскихъ... Старики скучали безъ того дѣла, къ которому привыкли, безъ своего кабинета, своего секретаря, своихъ бумагъ, безъ величанія ихъ «превосходительствами», — скучали, потому что нельзя было курить своихъ сигаръ, пить своей марки, потому что не было клуба и некуда было уйти отъ почтенной супруги.

Молодежь скучала потому, что надо было вставать въ 7, а ложиться въ 10,—потому что музыка каждый день играла одно и то же, меню обѣдовъ регулярно повторялось въ извѣстные дни и становилось классическимъ,—потому что всѣ были другъ у друга на виду, и кромѣ какъ въ кургаузъ на музыку, пойти было некуда: никакихъ ресурсовъ для веселья. Дѣти скучали, потому что все

время надо было быть со старшими, слушать «tenez vous droite», «ne faites pas de grimaces», не шалить, цвѣтовъ не рвать, по травѣ не ходить—иначе говоря, ничего занимательнаго не дѣлать.

Словомъ, всѣмъ было скучно. Другъ друга уже всѣ знали, знали наизусть, сколько туалетовъ у такой-то дамы, сколько кружекъ выпиваетъ такой-то генераль; но мало кто перезнакомился, считая рискованными знакомства на водахъ. Кое-гдѣ какой-нибудь русскій губернаторъ счелся родствомъ съ какимъ-нибудь русскимъ предводителемъ; vicomte de Bloys встрѣтился съ маркизомъ de Kerpeck, два нѣмецкихъ офицера усѣлись за одинъ столикъ. Остальные проводили время въ медлительныхъ семейныхъ разговорахъ и тоскливомъ ожиданіи конца курса лѣченія.

Обѣдъ подходилъ къ концу. Подавали десертъ. Дамы очищали золочеными

ножичками фрукты или крошечными глотками отпивали кофе из фарфоровых наперстковъ; кое-гдѣ мужчины просили позволенія закурить; горячій запахъ мокка и голубой дымокъ сигаръ на воздухъ пріятно сливались съ ароматомъ духовъ и дыханіемъ цвѣтовъ съ куртины, посреди которой мелкою пылью разсыпался фонтанъ.

Но въ этой изящной, привѣтливой декорациі у всѣхъ были безнадежно корректныя позы, холодныя, надменные или равнодушно-усталыя лица, принужденныя улыбки...

И вдругъ посреди изысканнаго общества посѣтителей моднаго курорта неожиданно появилось новое лицо.

Это была крестьянская дѣвочка лѣтъ 14-ти. На ней было бѣдное коричневое платьице, синій холстинковый передникъ, деревянные башмаки. Ея непокрытые, совсѣмъ льняные волосы были заплетены въ косы и свернуты вокругъ головы.

Лицо было некрасиво, съ большимъ ртомъ, загорѣлое загаромъ людей, все время остающихся на воздухѣ, на солнцѣ, красноватое и обвѣтренное; на немъ странно выдѣлялись очень свѣтлые, голубые, какъ незабудки, глаза.

Она несла передъ собою плетеную корзину, держа ее обѣими руками, и, робко пробираясь между столиками, тихимъ, немного дрожащимъ отъ волненія голосомъ, предлагала обѣдающимъ:

— *Schöne Himbeeren... Nehmen Sie, bitte... 1)*

Въ корзинкѣ, на глянцевитыхъ листьяхъ винограда, въ самодѣльныхъ маленькихъ плетешкахъ изъ ивняка, лежали скромныя грудочки лѣсной малины, даже не садовой, и темно-синей шелковицы; видно, дѣвочка все утро собирала ягоды, карабкаясь по козымъ тропинкамъ окрестныхъ горъ, гдѣ онѣ росли,

1) Прекрасная малина. Купите, пожалуйста.

обжигая руки о крапиву и царапая ихъ о колючки дикаго малинника. Онѣ сладко пахли, припеченныя утреннимъ солнцемъ, а она протягивала ихъ:

— Kaufen Sie etwas!.. ¹⁾

Но, понятно, лѣсная малина не прельщала этихъ элегантныхъ дамъ и кавалеровъ, только что прекрасно пообѣдавшихъ; на дѣвочку взглядывали съ легкимъ удивленіемъ и небрежно отмахивались отъ нея, какъ отъ мухи; а она не смѣла настаивать и пробиралась дальше, только тихій голосокъ ея звучалъ все печальнѣе:

— Schöne Himbeeren!..

За однимъ изъ столиковъ сидѣли двѣ молодыя женщины. Та, что была немножко постарше, вся углубленная въ чтеніе какого-то письма, тоже только махнула рукой на предложеніе дѣвочки. Другая, ничего не дѣлавшая, блѣдная

¹⁾ Купите у меня что-нибудь.

и слабая на видъ, сидѣла, устало откинувшись на спинку садоваго кресла, и смотрѣла въ голубое небо, по которомуплыли и таяли бѣлые барашки. Она перевела разсѣянный взглядъ на дѣвочку, проходившую дальше съ поникшей головой, и вдругъ обратилась къ сестрѣ:

— Возьмемъ у нея что-нибудь.

— Что тебѣ вздумалось?

— Такъ. Послушай!—окликнула она дѣвочку.—Поди сюда!

Та быстро обернулась.

— Сколько тебѣ?

— Двадцать пфенниговъ! — отвѣчала ободрившаяся дѣвочка и, вынувъ самую хорошенькую плетенку, торопливо и ласково протянула ее «der lieben Dame».

— На, вотъ—возьми.

Дѣвочка опять затуманилась: дама протягивала ей новенькую, блестящую полмарки. А у нея не было сдачи! Еще, пожалуй, не захотятъ ждать, пока она сбѣгаетъ размѣнять. Не возьмутъ.

— Позвольте мнѣ сходить за сладчай!—пролепетала она.

— Не надо, возьми себѣ!—лѣниво сказала молоденькая женщина; она съ выраженіемъ капризной усталости наморщила бровки; очевидно, несвойственная ей энергія утомила ее.

— Мнѣ?

Дѣвочка нѣкоторое время простояла съ вытаращенными глазами, потомъ произнесла:

— Dank'Euch Gott für Ihre Güte!.. ¹⁾

Она взяла серебряную монетку и, все еще не рѣшаясь уйти, благодарила. Потомъ подняла свою корзину, отошла отъ столиковъ и стала спускаться по лѣстницѣ. Ея худенькая фигурка въ ветхомъ платьицѣ рѣзко выдѣлялась на бѣломъ мраморѣ. Спустившись на нѣсколько ступеней, она еще разъ обернулась къ мо-

¹⁾ Благослови васъ Богъ за вашу доброту!

лодой женщинѣ и вдругъ улыбнулась и тихо засмѣялась.

Это была счастливая дѣтская улыбка, сразу заставившая похорошѣть некрасивое личико, открывшая ровные, бѣлые зубы, зажегшаяся такъ ясно въ голубыхъ глазахъ. Въ ней было что-то безконечно милое, довѣрчивое, чистое... Словно вдругъ солнечный лучъ освѣтилъ бѣдную, некрасивую головку.

Молодая женщина, точно загнипнотизированная, смотрѣла на эту улыбку, какъ смотрять на какую-нибудь свѣтящуюся точку.

Дѣвочка кивнула ей и пошла. Деревянные башмаки торопливо застучали по мрамору лѣстницы.

Тогда молодая женщина невольно обвела глазами присутствующихъ.

Блѣдныя, скучающія лица дамъ въ прелестныхъ туалетахъ; брезгливыя складки утомленія на лицахъ у важныхъ

старцевъ; благодравныя мордочки мало-кровныхъ дѣтей...

Надъ этой нарядной, избранной толпой на минуту мелькнула божественная искра, за которую каждый дорого, о, какъ дорого далъ бы! Надъ ней просіяла *искренняя улыбка радости!*..

Эта улыбка принадлежала оборванной дѣвочкѣ, за двадцать пфенниговъ продававшей лѣсную малину.

II.

Оттавіо Конти.

Свернувъ въ сторону отъ Canale Grande, приходится углубиться въ одинъ изъ безчисленныхъ изгибовъ лабиринта его рукавовъ, черными чешуйчатыми змѣйками извивающихся посреди молчаливыхъ дворцовъ, сквозныхъ колоколенъ, воздушныхъ башенокъ, прихотливою стѣною вырисовывающихся на свѣтломъ ночномъ небѣ.

То наклонится гондольеръ, чтобы проскользнуть подъ темной аркой моста, повисшаго легкою дугой надъ узенькимъ каналомъ; то вдругъ мелькнетъ привѣщенный надъ порталомъ стараго палаццо фонарь на желѣзномъ прутѣ, и на минуту ярко освѣтитъ лѣпной медальонъ на двери, кружевную розетку надъ вхо-

домъ, узорную балюстраду балкончика, полустертыя, подернутыя зеленоватымъ бархатомъ плѣсени, ступени, ведущія прямо въ воду...

Вокругъ—мягкій, своеобразный шумъ Венеціи, не знающей грохота колесъ по мостовой, тяжелаго хлопанья бичей, шума трамваевъ, скрипа обозовъ;—нѣтъ, легкій плескъ воды подъ ударами весель, чей-то звонкій смѣхъ, чья-то канцонетта «подъ тихій звонъ гитары», мелодичный говоръ Италиі—самъ музыка, самъ гармонія...

И благодаря этому—ласкающая, вкрадчивая тишина, таинственной нѣгой наполняющая весь ночной воздухъ и убаюкивающая сердце сладкою мечтой.

Темная вода каналовъ, не переставая блестить, колышется, переливается обманчивымъ золотомъ,—тысячи искорокъ танцуютъ въ водѣ. Звѣзды, фонари набережной, цвѣтные огоньки гондоль, ежеминутно смѣняющіеся,—все это по-

сылаетъ свои отраженія темному зеркалу воды, вертикальными столбиками свѣта старается проникнуть въ самую глубину, прорѣзываетъ вѣчно движущуюся сѣтъ мелкой ряби, и само колеблется, и дрожитъ, и играетъ особеннымъ блескомъ, особеннымъ колыханіемъ, милліонами серебряныхъ и золотыхъ улыбокъ. Съ веселья сыплются при каждомъ взмахѣ золотыя капельки; алмазныя блески зажигаются въ каждой бороздѣ, которую прорѣзываетъ быстро летящая гондола; въ темнотѣ черныхъ гондолъ не видно, только безшумно лавируютъ ихъ огоньки, красные, розовые—цвѣтныя звѣздочки, перегоняющія другъ друга, сверкающія то тамъ, то здѣсь... Какая-то битва огненныхъ бабочекъ.

Въ воздухѣ что-то туманное, сказочное, призрачное; обманутый глазъ не можетъ дать себѣ отчета, чтò онъ видитъ. Мрачныя камни и мраморъ дворцовъ сами, кажется, отъ вѣчнаго сопри-

косновенія съ водой, съ влажной сыростью, облеклись въ какую-то дымку, стали мягче, оживленнѣе. Вода, колышущаяся, и подножія дворцовъ заставляють колыхаться: колеблются ихъ отраженія, не отдѣленные ни полоской камня,—и кажется, будто это камень въ водѣ колеблется, и дышитъ, и вздрагиваетъ. Особенный колоритъ воздуха, эффекты свѣта и тѣни надъ водой—все это придаетъ Венеціи видъ миража, — города фатыморганы, возникшаго надъ лагунами, и вотъ-вотъ готоваго исчезнуть въ воздухъ, растаять, испариться...

Стоитъ весна, и безчисленные садики и сады Венеціи всѣ въ цвѣту: ночью этого не видно.

*« On ne voit pas les fleurs.
Mais on sent leur parfum! »*

Горьковатый ароматъ розовыхъ и бѣлыхъ олеандровъ, острый запахъ лавра, тонкое дыханіе мирты, сладость ирисовъ; а вотъ ванилевая струйка гелиотропа; а

здѣсь—ночныя красавицы, да, конечно, это онѣ льнуть къ камнямъ полуразрушенной ограды, изъ-за которой выглядываетъ гранатное дерево въ цвѣту, и въ неясномъ свѣтѣ фонаря видны его красныя цвѣты, страстные, какъ полуоткрытыя уста...

Великія тѣни прошлаго недвижно возносятся надъ набережной, а тутъ же скользятъ, тоже какъ тѣни, только тѣни настоящаго, тѣни счастья, тѣни любви—влюбленныя парочки, женскія фигуры, окутанныя чернымъ кружевомъ, слышенъ шопотъ, тихій смѣхъ, поцѣлуи... Мракъ и блескъ воды, тишина полной звуковъ ночи, мертвая роскошь и живая, жизне-радостная, наслаждающаяся существованіемъ нищета; молодая жизнь, гнѣздящаяся въ мрачныхъ развалинахъ, цвѣты, вода, камни, струнный рокоть, переливы свѣта и тѣней, плескъ, колыханіе, колебаніе—вотъ Венеція ночью.

Въ одномъ изъ узенькихъ каналовъ

стоитъ полуразрушенный дворець. Тоненькія, ажурныя колонки около стрельчатыхъ оконъ еще сохранили изящную рѣзбу; мраморный балконъ, выступающій надъ каналомъ, и смотрящійся прямо въ воду, еще весь вырѣзанъ самыми тончайшими кружевными узорами, и сквозь его стекла виденъ розоватый свѣтъ лампы.

Здѣсь живетъ Оттавіо Конти—авторъ очень извѣстныхъ въ Германіи романовъ изъ венеціанской жизни.

Старый палаццо какъ нельзя болѣе подходитъ для жилища писателя-поэта.

Безмѣрно высокіе, строгіе покои; потолки расписаны потрескавшимися фресками, кое-гдѣ еще сохранившимися: здѣсь Леда съ лебедемъ, а дальше похищеніе Европы,—а вотъ павлины, но Юнона уже стерлась, и отъ Меркурія остался одинъ кадуцей.

По стѣнамъ—слинявшіе гобелены; надъ окнами—потемнѣвшая позолота; у важно

отворяющихся огромныхъ дверей, вмѣсто ручекъ, лвиныя головы изъ бронзы.

Громадныя зеркала отражаютъ, словно во снѣ, амфиладу темныхъ, почти пустыхъ комнатъ. Надъ каминами величественныя навѣсы съ лѣпными гербами, и очень скудная меблировка теряется въ этихъ громадныхъ комнатахъ: пара массивныхъ кресель съ крылатыми грифонами на ручкахъ, мозаичный столъ на тяжелыхъ бронзовыхъ лапахъ, какія-то вытертыя шелковыя матеріи, брошенныя тамъ и тутъ. И на всемъ: на зеркалахъ, на позолотѣ, на матеріяхъ легла какая-то тусклость, словно сѣдая пыль насѣла, словно тѣнь пролетѣвшихъ вѣковъ легла на старый палаццо.

Настоящее убѣжище для того, чтобы мечтать, творить и фантазировать! Въ такомъ дворцѣ, конечно, жилъ Байронъ со своей безумной Маргаритой.

Но гдѣ же Оттавіо Конти? Вотъ, здѣсь, утопая въ рѣзномъ креслѣ. Это—кро-

шечная женщина лѣтъ пятидесяти, кругленькая, съ некрасивымъ лицомъ, которое, должно быть отъ усидчивой работы, отъ рѣдкаго пребыванія на воздухѣ, приобрѣло какую-то опухлость и восковую желтизну, свойственную монашенкамъ. И вся она, въ своемъ темномъ, узкомъ платьѣ, въ черной пелеринчкѣ, въ которую она кутаетъ плечи—похожа на маленькую, старую монашку.

Время отъ времени она поднимаетъ маленькіе, близорукіе глаза на другую женщину, находящуюся въ комнатѣ. Та сидитъ въ амбразурѣ балкона, гдѣ на возвышеніи поставлено удобное кресло и стоитъ рабочій столикъ. Это единственный привѣтливый уголокъ въ мрачномъ залѣ; на столикѣ стоитъ розовая лампочка, въ узенькой хрустальной вазѣ нѣсколько свѣжихъ розъ; подъ ногами у сидящей брошена шелковая подушка. Сама она—въ изящномъ бѣломъ капотѣ. Очевидно, Оттавіо Конти переноситъ на

нее всю ту инстинктивную жажду кокетства, въ которой отказываетъ себѣ. Это видно потому, какой глубокой, нѣжной лаской освѣщаются ея глаза при взглядѣ на эту женщину.

Это — ея мать, семидесятилѣтняя баронесса Остенъ.

Старушка, дѣйствительно, очаровательна со своими совершенно бѣлыми, пушистыми и шелковистыми волосами, въ кокетливыхъ старинныхъ букляхъ, обрамляющихъ ея, словно выточенное изъ стараго фарфора, личико. У нея крошечныя ручки и ножки, нѣжный, тихій голосокъ; она напоминаетъ цвѣтокъ, засушенный между листами книги и еще сохранившій чуть замѣтныя краски, чуть слышное, легкое благоуханіе. Глаза Оттавіо Конти съ безмѣрною любовью смотрятъ на эту сказочную старушку, а некрасивая голова усиленно работаетъ.

Побольше кинжаловъ, тайныхъ похищеній въ гондолахъ, замаскированныхъ

незнакомцевъ, вотъ что ей нужно. Сегодня утромъ она уже побывала въ палаццо Біанки Капелло и сняла съ него подробное описаніе. Оттавіо Конти пишетъ, пишетъ по цѣлымъ днямъ, не отрываясь. Для этого собственно она и поселилась въ Венеціи, гдѣ такъ дешева жизнь, гдѣ «палаццо» стоитъ гроши; а все-таки Венеція придаетъ ей извѣстный ореоль, и въ нѣмецкихъ журналахъ за подпись «den...—Wenedig» платятъ ей дороже, чѣмъ если бы она ютилась въ 5-мъ этажѣ на Babenbergegasse.

Она топить злодѣевъ, разстраиваетъ браки, клянется небомъ и адомъ, кидаетъ прекрасную Фіаметту съ моста Ріальто въ воду, заставляетъ отважнаго Энрико спасти ее, рискуя жизнью; она безстрашно углубляется во дворцы дожей, присутствуетъ при тайномъ совѣтѣ Десяти, изобрѣтаетъ казни, отъ которыхъ пришелъ бы въ восторгъ самъ великій инквизиторъ,—и все это для того, чтобы

эта фарфоровая старушка имѣла изящный капоть, мягкую подушечку подъ ноги, стаканъ хорошей марсалы и вотъ эти свѣжія розы, которыя благоухають передъ ней, такія нѣжныя, такія юныя среди этихъ мрачныхъ стѣнъ, рядомъ съ двумя старческими лицами...

Вотъ жалобно продребезжалъ звонокъ и отдался въ самомъ концѣ зданія. Шаги... Старая служанка принесла почту... и опять все тихо, ни звука, ни крика. Только иногда медленно переговариваются два старыхъ голоса.

Я смотрю на нихъ, и мнѣ кажется, что такъ я здѣсь сижу уже десятки лѣтъ, что все вокругъ меня старо, старо, что ама я стара... Что жизнь остановилась, какъ старыя часы... и какое-то оцѣпенѣніе, таинственная дремота какая-то охватываетъ меня.

Вдругъ въ этой тишинѣ, ясно, отчетливо, почти рѣзко раздается какой-то странный голосокъ:

— Lora! Lora! Küss Loretto! *)..

Потомъ явственно слышится звукъ поцѣлуя! Я вздрагиваю и испуганно говорю:

— Что это?

Воображеніе ждетъ волшебства. Все возможно въ отжившемъ палаццо, у двухъ столѣтнихъ фей?..

Опять звукъ поцѣлуя, и вопросъ:

Loretto! Loretto! Liebst du Lora?**)..

— Баронесса переводитъ на меня улыбающіеся глаза, подходитъ къ темному углу и откидываетъ кусокъ шелковой матеріи съ большой клѣтки.

Въ клѣткѣ сидятъ на золоченой жердочкѣ два зеленыхъ попугайчика, тѣсно прижавшись другъ къ другу и томно заводя глазки.

Старушка мать объясняетъ мнѣ:

— Они больше ничего не умѣютъ говорить.

*) Лора, Лора, поцѣлуй Лоретто!

**) Лоретто, Лоретто, любишь-ли ты Лору?

Потомъ наивно прибавляетъ:

— Это ихъ дочь выучила!..

Я смотрю на бѣднаго маленькаго Оттавіо Конти, на его некрасивое и задумчивое лицо, на этихъ двухъ птичекъ, говорящихъ только о любви въ угрюмомъ молчаніи отжившаго палаццо...

Потомъ большая жалость прокрадывается мнѣ въ душу...

III.

Принцъ Ли-Тзонгъ.

Принцъ Ли-Тзонгъ...

Неправда ли, въ этомъ имени есть что-то, напоминающее звонъ разбивающагося китайскаго фарфора; что-то жалобное, грустное и нѣжное, какъ тотъ звукъ, который издаетъ хрупкая вещь, когда она перестаетъ существовать, покоряясь вѣчному закону разрушенія, одинаково беспощадному къ существованію какой-нибудь драгоценной бездѣлки, какъ и человѣческой жизни.

Принцъ Ли-Тзонгъ!..

«Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ»... Мой рассказъ начинается, какъ сказка, и не мудрено: это было въ сказочной странѣ далекаго Востока, тамъ, гдѣ въ бамбуковыхъ хи-

жинахъ живутъ тихіе желтолицыя люди, поклоняющіеся великому Буддѣ въ пестрыхъ храмахъ; гдѣ ручныя слоны возятъ въ паланкинахъ закутанныхъ крохотныхъ женщинъ, похожихъ на фигурки изъ слоновой кости; гдѣ въ пальмовыхъ лѣсахъ кричатъ веселые попугаи, и обезьяны качаются на мощныхъ лианахъ, переброшенныхъ съ одного дерева на другое, а въ маисовыхъ поляхъ, на рисовыхъ нивахъ работаютъ полунагіе жнецы въ свѣтло-синихъ одеждахъ... Въ этой мирной странѣ жилъ да былъ (какъ во всѣхъ сказкахъ) молодой принцъ.

Онъ былъ добръ и счастливъ. Въ воспитаніи его утонченность Запада слилась съ изнѣженностью Востока; но отъ Запада онъ взялъ только его блестящія стороны: его поэзію, его искусство, сокровища науки; принцъ могъ понять слова любви, которыя прошептала бы ему бѣлая красавица, такъ же свободно, какъ суровую проповѣдь западнаго мис-

сіонера... Но, наставляемый мудрецами своей страны, онъ исповѣдывалъ религію мудраго Конфуція и чтить его законы...

Въ одно роковое утро, въ тихомъ, пестромъ сказочномъ государствѣ узнали, что на Западѣ есть не только великіе ученые и славные поэты, а что тамъ есть и люди съ блестящимъ оружіемъ и гибельными снарядами, несущими разрушеніе.

Этого не подозрѣвалъ бѣдный юный принцъ...

А гибель и отчаяніе ворвались въ его страну; и заснувъ принцемъ, онъ проснулся... плѣнникомъ.

Его схватили и увезли. По выбору новыхъ господъ страны — на престолъ его отцовъ посадили безсловесную тѣнь, — а его оставили заложникомъ навсегда, на всю жизнь.

Холодъ былъ бы страшень для хрупкаго, юнаго принца; и вотъ великодуш-

ные побѣдители отвели ему тюрьму... я ошиблася!— бѣлую виллу подъ жгучимъ небомъ Африки; и моря отдѣлили его отъ родины, которую ему не суждено больше увидѣть.

Тамъ была его родина; здѣсь—ступень къ могилѣ.

Но принцъ живетъ... онъ живетъ только той мечтой, что могила его—будетъ вновь на родинѣ, и эта надежда заставляетъ порой зажигаться такимъ яркимъ пламенемъ его всегда печальные темные глаза...

— Я увидѣла принца Ли-Тзонга впервые въ салонѣ лучшей гостиницы Алжира, этого курьезнаго города, гдѣ европейская цивилизація такъ странно переплелась съ восточной лѣной и грязью; такъ же какъ рядомъ съ кокетливыми фигурками французенокъ скользятъ бѣлыя тѣни закутаныхъ арабокъ, щегольскія викторіи обгоняютъ ословъ, погоняемыхъ полуголыми бронзовыми

ребятишками, въ тѣни пальмъ мчатся автомобили, бѣлыя мечети встають рядомъ съ католическими храмами, а крикъ муэззина или звукъ тамтама перебивають вальсы Метра!

Маленькая фигура принца (представленнаго намъ общими друзьями) въ полувосточномъ, полувосточномъ нарядѣ, сразу обратила на себя мое вниманіе. Бѣлый тюрбанъ, прикрывающій длинную косу, черный кафтанъ съ расширяющимися книзу рукавами, подбитыми ярко-зеленымъ шелкомъ (цвѣтъ его родины); смугложелтоватая кожа оттѣнка старой слоновой кости, очень грустные и очень умные, но сильно поднятые къ вискамъ темные глаза, крошечныя руки и ноги— все это заставляло думать о драгоценной статуеткѣ, вырѣзанной искусными руками восточнаго художника.

Но всего больше и сразу привлекъ меня его голосъ. Это былъ тихій,—если можно такъ выразиться,—кроткій голосъ.

Особенность произношенія (онъ не выговаривалъ *з* и *с*, произнося ихъ скорѣе какъ *в* и *ф*, съ чуть замѣтнымъ придыханіемъ) придавала его говору что-то дѣтское, безпомощное,—трогательное.

Можетъ быть, оттого что я привыкла къ сказкамъ и люблю ихъ, но мнѣ казалось, что маленькаго принца я давно гдѣ-то видѣла,—на этажеркѣ, въ книжкѣ, на картинкѣ — не знаю гдѣ, но видѣла; и онъ подкупалъ меня своей простотой и какой-то довѣрчивостью, дѣлавшей его похожимъ на большаго ребенка.

Въ маленькомъ дворцѣ, вѣрнѣе виллѣ принца, мы съѣхались на другой день послѣ знакомства къ завтраку.

Изъ-за бѣлой ограды виднѣлся садъ, высились верхушки пальмъ; за ними пряталась бѣлая вилла, съ плоской крышей, въ арабскомъ вкусѣ. Внутренній дворикъ былъ вымощенъ изразцами,—бѣлыми съ синимъ; по узкимъ трубкамъ капали и журчали фонтаны, а пышные бу-

кеты выющейся герани лѣпились по оградѣ и льнули къ ней, наполняя воздухъ прянымъ запахомъ; и весь домъ завивали ползучія алыя розы.

Въ густой зелени запущеннаго, прелестнаго сада, среди гигантскихъ папоротниковъ, тутъ и тамъ поднимались кусты огненныхъ лилій или пунцоваго шпажника, не искусственными клумбами, а такъ—на волѣ.

— Я не стѣсняю моихъ цвѣтовъ...— сказалъ мнѣ принцъ, показывая садъ,— пусть хоть они здѣсь будутъ свободны.

И улыбнулся, и эта улыбка была больше слезъ... И дѣйствительно, цвѣты росли на свободѣ и пользовались ею. Сквозными гирляндами нависали лианы надъ нашими головами, перекидываясь съ одной стороны дорожекъ на другую; розы вились по деревьямъ; цвѣтушіе кустарники, незнакомые Европѣ, были усыпаны то ярко-красными колокольчиками, то гроздьями свѣтло-лиловыхъ

звѣздъ, то длинными золотыми чашечками, похожими на узкогорлые кубки, изъ которыхъ лился одуряющій запахъ ванили. Въ вѣтвяхъ безъ умолку птицы разыгрывали свою симфонію, а по воздуху перегонялись громадныя пестрыя бабочки, желтыя, красныя, лиловыя,—точно слетѣвшіе съ цвѣтущихъ кустовъ лепестки.

Солнце играло на блестящихъ израссахъ, ослѣпительно заливало бѣлыя стѣны виллы... И весь этотъ уголокъ, до его мелодичнаго названія—«Эль-Біаръ», казалось, былъ созданъ для счастья, для радости, для жизни...

И всѣ восхищались имъ, и громко его расхваливали, а я смотрѣла на владѣльца этого райскаго уголка и читала въ его глазахъ, что для него нѣтъ ни цвѣтовъ, ни солнца, ни радости.

Домъ принца представлялъ любопытное смѣшеніе Европы и Азіи. Весь современный комфортъ—и та оригинальная нота,

которую вносили разныя «chinoiseries» въ наши модныя гостиныя, только тутъ все это были не банальныя покупныя бездѣлки, — а то, что у него было дорогого и завѣтнаго: шелковыя ткани на стѣнахъ, съ вытканными золотомъ и изреченіями Кунгъ - Фу-Тзы, музыкальные инструменты его страны, свитки рукописей, тушь и палочки на письменномъ столѣ, плетенныя циновки на полу; и тутъ же рояль, скрипка, ноты—между которыми я нашла нашего Глинку, — и мольбертъ съ неоконченнымъ этюдомъ; на стѣнахъ же всюду эскизы принца, его картины, показавшія мнѣ, что въ маленькой фигуркѣ слоновой кости таилась душа большого художника.

Его садъ... развалины римской арки въ Тимгадѣ... море въ розовый часъ заката... руины Константины и пальмовыя рощи Эль-Кантары, бѣлый куполь могилы Марabu, темнокожіе ребятишки— все это, какъ живое, глядѣло съ полотна.

— Но это грѣхъ, что вы не выставляете вашихъ вещей въ Парижѣ, принцъ!— легкомысленно сказала милая французенка, бывшая тутъ. Онъ слегка поблѣднѣлъ и рыцарски вѣжливо, но твердо отвѣтилъ:

— А я считаю, что было бы грѣхомъ выставлять мои картины въ Парижѣ!

И истинный смыслъ этого отвѣта былъ такъ понятенъ мнѣ.

За завтракомъ, сервированнымъ совершенно на парижскій ладъ, со скатертью, усыпанной бѣлыми фіалками и бенгальскими розами, сдѣлавшимъ бы честь самому Пайльяру, прислуживали два молодыхъ человѣка въ такихъ же кафтанахъ, какъ у принца, только гораздо длиннѣе и съ висящими косами. Они неслышно ступали своими бѣлыми подошвами; а когда принцъ обращался къ нимъ съ вопросомъ на ихъ языкѣ, они отвѣчали такимъ же лепетомъ чуть слышными голосами, и это было похоже,

какъ будто сталкивались и звенѣли китайскія чашечки на подносѣ. Это были двое юношей изъ благородныхъ семействъ, которые добровольно послѣдовали за принцемъ. И въ этомъ сказочномъ домикѣ, среди этихъ тихихъ людей, казалась необычной шумная, веселая болтовня нашихъ собесѣдниковъ французовъ.

Было рѣшено сдѣлать прогулку. Во дворѣ ждали насъ экипажи. Принцъ посадилъ меня въ маленькій dog—cart, которымъ самъ правилъ, остальное общество размѣстилось въ ландо.

По чудеснымъ дорогамъ Эль-Биара и алжирскихъ окрестностей быстро мчала насъ бѣлоснѣжная красавица-лошадка, любимица принца—Буль-де Нѣжъ. То и дѣло на поворотахъ дорогъ открывались панорамы на синѣющія вдали горы Кабилии съ разбросанными по нимъ бѣлыми деревушками, на сверкающую, живую лазурь моря; порой дорога шла по-

лями, окаймленными изгородью агавъ и кактусовъ. Острые мечи агавъ и колючіе щиты кактусовъ, растенія, созданныя природой, вѣрно, въ воинственную минуту, когда она была подобна разъярившейся Пентезилеѣ, точно хотѣли преградить доступъ къ холмамъ, по которымъ поднимались купы бѣлыхъ и лиловыхъ ирисовъ и букеты дикой резеды.

При видѣ моего восхищенія принцъ останавливалъ лошадь, карабкался по холму и рвалъ мнѣ эти цвѣты, для меня, сѣверянки, составлявшіе роскошь.

Съ этимъ ароматнымъ ворохомъ въ рукахъ, подъ небомъ Африки, рядомъ съ маленькимъ принцемъ, мнѣ казалось, что я читаю страничку экзотической поэмы, легкую, граціозную фантазію Лоти...

И разговоръ нашъ завязался: разговоръ двухъ разныхъ людей, двухъ цивилизацій, двухъ расъ.

— Только не говорите съ нимъ объ

его родинѣ!—вспомнила я предупрежденіе моихъ друзей...—Ради Бога, не говорите объ его родинѣ.

Но видно то, о чемъ онъ не хотѣлъ и не сталъ бы говорить со своими завоевателями и что дрожало въ его сердцѣ и искало выхода, ему легче было открыть уроженкѣ далекой Россіи; вѣрно, прикосновеніе моей руки не могло бы сдѣлать ему больно; и онъ первый неожиданно, порывисто заговорилъ со мной именно о своей родинѣ.

Онъ говорилъ о своей вѣрѣ, о великой философіи Конфуція; о томъ, что онъ пишетъ на своемъ родномъ языкѣ философское сочиненіе, толкованіе этой религіи. Что онъ не говоритъ объ этомъ никому, но это составляетъ цѣль его жизни; онъ говорилъ о своей столицѣ, о престолѣ, который занимаетъ человекъ, не имѣющій на это права, въ то время, какъ у него отнято право даже взглянуть на родное небо... И о томъ,

что не только на родину, но чтобы выѣхать на нѣсколько часовъ, онъ долженъ спрашивать разрѣшеніе. Онъ говорилъ, какъ онъ завидуешь мнѣ, что я такъ много путешествую...

— Разскажите мнѣ о *вашей* родинѣ!

Потомъ сказалъ онъ:

— Я такъ хотѣлъ бы взглянуть на ваши снѣга, на ваши степи...

— Пріѣзжайте къ намъ!—необдуманно вырвалось у меня.

Принцъ низко наклонилъ голову.

Когда онъ поднялъ ее и взглянулъ на меня—его глаза были влажны.

— Je suis un pauvre oiseau avec un fil à la patte ¹⁾... Тихо промолвилъ онъ со своей обычной улыбкой, отъ которой дѣлалось больно.

И тутъ мнѣ стало понятно, насколько рядомъ съ этимъ принцемъ, у котораго есть громкое имя, бѣлая вилла, слуги,

¹⁾ Я бѣдная птица, привязанная бичевкой за лапу.

золото... насколько этотъ нищій въ отрепьяхъ, сидящій на углу, весь коричневый подъ бѣлой чалмой, которому мы сейчасъ швырнули монету,—счастливиѣ его, потому что у него высшее богатство, высшее счастье, высшій даръ: свобода! и насколько прекраснѣ самая бѣдная страна, которая даетъ свободу,—всей экзотической роскоши этой страны, гдѣ несчастная птица скована золотой цѣпью.

Принцъ Ли-Тзонгъ...

Не правда ли, въ этомъ имени есть что то, напоминающее звонъ разбивающагося китайскаго фарфора; что-то грустное, жалобное и нѣжное, какъ тотъ звукъ, который издаетъ хрупкая вещица, когда она перестаетъ существовать, покоряясь вѣчному закону разрушенія, одинаково беспощадному къ существованію какой-нибудь драгоценной бездѣлки, какъ и человѣческой жизни?..

IV.

Дама въ бѣломъ.

Съ береговъ лазурнаго, жемчугами играющаго, улыбающагося Комо, по горамъ и долинамъ, разубраннымъ вишневыми и персиковыми деревьями въ цвѣту, которыя, какъ громадныя бѣлыя и розовыя букеты, украшаютъ весенній пейзажъ, мимо задумчивыхъ прудовъ съ наклонившимися тонкими ивами, мимо бѣлыхъ и розовыхъ домишекъ, обвитыхъ плющемъ и глициніями, откуда слышатся смѣхъ и крики итальянцевъ, играющихъ въ лото, — поѣздъ мчится по узкой дорогѣ, взбирается все выше и выше, и вдругъ передъ нами на высотѣ открывается новое озеро, изумрудное Лугано, узкое, длинное, какъ коридоръ между высокими, зелеными стѣнами горъ. Рѣже встрѣ-

чаются здѣсь городки, которыми усыпано Комо, какъ разбросанными игрушками; рѣдко они здѣсь, какъ птичьи гнѣзда, лѣпятся на почти отвѣсныхъ скалахъ, купая свои подножія въ темнозеленыхъ водахъ Лугано; и прелестны ихъ старыя, сѣрыя, бѣлыя каменные домишки, внизу бархатистые отъ налета зеленой плѣсени, наверху, какъ улыбками, украшенные массой цвѣтовъ.

И вотъ нашъ пароходъ подходитъ къ открывающемуся волшебной картиной Лугано.

Повыше! Повыше, отъ шумной набережной, отъ узкихъ улицъ стариннаго городка, пестрыхъ лавокъ, гдѣ продаютъ выжженное дерево, филигранное серебро, деревянные башмаки и апельсины, повыше—въ сады Paradiso, въ свѣтлыя, уютныя отели, гдѣ издавна усталые, измученные люди ищутъ у природы отдыха, покоя, исцѣленія.

Мы уже въ отелѣ, и я съ равнодуш-

нымъ любопытствомъ разглядываю при-
мелькавшуюся мнѣ за долгое путеше-
ствіе и такую однообразную въ своемъ
разнообразіи толпу.

Непремѣнно англичане съ ихъ дере-
вянной выправкой—классическіе англи-
чане, не измѣнившіеся, кажется, со вре-
мень Фра-Діаволо; непремѣнно пара нѣ-
мецкихъ новобрачныхъ — онъ плотный,
бѣлокурый, довольный, въ золотыхъ оч-
кахъ и съ путеводителемъ, она—бѣлень-
кая и застѣнчивая; нѣсколько соотече-
ственниковъ, узнающихся по небрежно-
сти костюма и привычкѣ громко гово-
рить; французенки съ подкрашенными
волосами и непремѣнно въ обществѣ
мужчины; всѣ на лицо, какъ вездѣ, какъ
всегда. Только въ одномъ отелѣ это
были Смитсы, Мюллеры, Ивановы и Дю-
поны, а здѣсь это будутъ Блэки, Шуль-
цы, Семеновы и Дюраны.

И я собираюсь углубиться въ чтеніе
газеты подъ аккомпаниментъ заѣзжихъ

пѣвцовъ, изъ которыхъ одинъ—слѣпой и рыжій—чуднымъ теноромъ поетъ неаполитанскую пѣсенку «O sole mio!»

Какъ вдругъ мой взглядъ падаетъ на совершенно необычную женскую фигуру; необычную—для моихъ близорукихъ глазъ—сперва прямо по очертаніямъ, а затѣмъ, когда я беру лорнетку—и по общему виду.

Это женщина лѣтъ 70, если не больше, со слѣдами необыкновенной красоты и глазами, которые сейчасъ еще прекрасны.

На ней сѣрое платье англійскаго покроя, но съ очень широкой юбкой, а всего болѣе бросается въ глаза ея прическа.

Такую прическу носили лѣтъ 50—60 тому назадъ: волосы раздѣлены прямымъ проборомъ на два гладкихъ бандо, а чрезмѣрно пышный шиньонъ низко уложенъ на затылкѣ и сдерживается сѣткой.

Эта прическа мнѣ что-то напоминаетъ: что именно—я не могу себѣ дать отчета, и только въ моей головѣ начинается работать какая-то мысль помимо моего сознанія, какъ иной разъ не даетъ покоя слово, которое не можешь припомнить, или забытый мотивъ. Что я вспоминаю?..

Старушка разговариваетъ съ окружающими, обращающимися съ ней со снисходительной почтительностью, оживленно и громко; она аплодируетъ пѣвцамъ; кладетъ на скромно стоящую на каминѣ ихъ тарелочку съ мелочью—крупную монету; а когда они, окончивъ, собираютъ свои инструменты и уходятъ покорной походкой усталыхъ людей—она, не въ примѣръ прочимъ, подходитъ къ рыжему тенору и со словами:

— Grazie per suo bello canto!.. По англійски крѣпко трясетъ ему руку.

Замѣтивъ мой взглядъ, и, вѣроятно, предположивъ въ немъ удивленіе, она объясняетъ мнѣ:

— Mais ce sont de vrais artistes!..

— Comment donc, madame!—подтверждаю я, и нашъ разговоръ принимаетъ правильное теченіе.

Черезъ минуту мы, моя товарка по путешествію и я,—уже знаемъ о старушкѣ очень многое. Мы узнаемъ, что ее зовутъ графиня делла-Маррэ, что у нея домъ въ Чарингъ-Кроссѣ и вилла во Флоренціи; что здѣсь она уже мѣсяцъ, и что она купила тутъ лошадь, которая завтра—къ нашимъ услугамъ.

Лошадей графиня обожаетъ. Ей 70 лѣтъ, а она только недавно перестала сама править. Зато теперь она собирается, какъ только окончитъ дѣла по наслѣдству, на лошадяхъ объѣхать всю Швейцарію, передъ тѣмъ какъ вернуться въ Лондонъ.

Ея бойкій разговоръ, яркій, образный, непохожій на обычное хладнокровіе англичанокъ, нравится намъ.

И ее, вѣрно, влечетъ къ молодымъ лицамъ, и она не уходитъ отъ насъ.

Мы обѣдаемъ за однимъ столикомъ; она ведетъ насъ въ садъ и показываетъ намъ стараго и безобразнаго пса, за которымъ ходитъ садовникъ и котораго она купила оттого, что хозяева его немилосердно били; сводимъ знакомство и съ лошадыю, которую она цѣлуетъ въ шелковистую морду; любуемся цвѣтами, которые она посадила въ саду, чтобы благодарить хозяйку за милое отношеніе; насъ она не знаетъ чѣмъ угостить, подноситъ намъ цвѣты, и къ концу вечера—мы совсѣмъ друзья съ оригинальной старушкой.

Вечеромъ мы сидимъ всѣ три на верандѣ.

Темное, звѣздное небо смотритъ въ стекло веранды; мерцаютъ огоньки Лугано, разбросанные по горѣ; внизу, какъ живое, колышется темное озеро, а по нему мелькаютъ красныя, зеленыя, жел-

тыя звѣздочки — фонари париходовъ и лодокъ.

Изъ сада тянетъ свѣжестью и запахомъ цвѣтовъ; кто-то играетъ на рояли...

Я покачиваюсь въ качалкѣ, смотрю на графиню, которая рассказываетъ намъ свою исторію, и все что-то вспоминаю.

Что я вспоминаю?..

Въ полумракѣ, въ тѣни ея блѣдное лицо съ темными глазами вдругъ даетъ какую-то смутную иллюзію молодости; въ эту секунду мнѣ кажется, что я вотъ-вотъ вспомню что-то... Нѣтъ—ничего! Только сердце у меня сжимается при мысли:

— Какъ она была прекрасна!

И я инстинктивно, словно чтобы отогнать жуткое чувство, перевожу взглядъ на изящное лицо другой, на темно-голубые глаза, полные жизни и молодости...

И мы слушаемъ старушку, —точно читаемъ старинный романъ.

— Моя мать была шотландка, отецъ итальянецъ. Одно время онъ былъ посланникомъ въ Россіи, я совсѣмъ молодой дѣвочкой была у васъ; вотъ почему я люблю русскихъ и считаю друзей между ними.

Она называетъ нѣсколько именъ, знакомыхъ въ Россіи.

— Пришлось и еще разъ побывать въ Россіи, но уже при болѣе печальныхъ условіяхъ. Мать моя считалась первой красавицей при дворѣ двухъ государствъ, но она была очень гордая, холодная и властолюбивая женщина. Мы съ братомъ очень рѣдко видѣли ее и страшно боялись; моментъ, когда утромъ надо было идти цѣловать ей руку, былъ для насъ всегда самымъ ужаснымъ изъ всего дня. И также трепеталъ передъ ней отецъ, и всѣ слуги и, право, даже окружающіе: она однимъ взглядомъ умѣла заставить себѣ повиноваться. Правда и то, что, когда она одѣвалась и при-

крѣпляла къ своимъ темно-рыжимъ волосамъ графскую корону,—она была ослѣпительна и хотѣлось эту корону замѣнить имперской.

До 16 лѣтъ меня водили въ короткихъ платьяхъ и держали въ дѣтской; но когда мнѣ минуло 16 лѣтъ, мать призвала меня къ себѣ и сказала:

— Джиневра, вы выходите замужъ за графа делла-Маррэ. Завтра я рѣшу когда свадьба, а пока идите къ себѣ.

Мы были приучены никогда не возражать матери, и я только сдѣлала низкій реверансъ и ушла вся дрожащая.

А я любила товарища брата и дальняго нашего кузена, Макъ Робертса, съ которымъ играла еще въ дѣтствѣ.

Я пришла къ брату, плакала и сказала ему:

— Я въ церкви скажу, что я не согласна, что меня насильно выдаютъ. Ей я сказать не посмѣю!

На ночь я спросила няню:

— Какъ вы думаете, Феличія, поцѣлуетъ меня мать моя хоть въ день моей свадьбы?

Но Феличія, хорошо знавшая мою мать, отвѣчала:

— По чести, я этого не думаю, контессина Джиневра!

— О, если бы мать моя меня поцѣловала,—я бы не такъ боялась, я стала бы на колѣняхъ молить ее... но этого не случилось.

Въ церкви, стоя рядомъ съ графомъ, я хотѣла крикнуть священнику, что меня отдають противъ моей воли...

Въ эту минуту я невольно взглянула на мою мать. Она стояла, вся сверкая брилліантами, а ея глаза холодно и жестоко смотрѣли на меня—она замѣтила мое волненіе и была недовольна мной; слова застыли у меня на языкѣ подѣ неумолимостью этого взгляда... и я была обвинчана.

Я такъ еще была наивна; я не имѣла понятія о томъ, что меня ждало.

Мать, отпуская меня съ новой камеристкой, сказала мнѣ коротко:

— Помните, что отнынѣ ваша обязанность во всемъ—слышите вы?—во всемъ повиноваться вашему мужу.

Эта формула была мнѣ мало ясна.

Когда я пріѣхала въ мое новое жилище и вошла въ отведенный мнѣ покой, я прежде всего, изумленная, спросила:

— Зачѣмъ же здѣсь вторая кровать?

— Для синьора графа...—отвѣтила та.

— Да вы забылись, милая! — не на шутку разсердилась я.—Вы очевидно не въ своемъ умѣ, чужой мужчина въ моей комнатѣ!

Мнѣ это казалось до того чудовищнымъ, что я дѣйствительно подумала, что имѣю дѣло съ сумасшедшей.

— Позовите графа! Пусть онъ ука-

жетъ вамъ, какъ позволять себѣ такія шутки со своей госпожей.

Она выскользнула изъ комнаты и больше не вернулась, а вмѣсто нея пришелъ графъ...

Графу было 45 лѣтъ. Подъ его безупречной наружностью таился самый гнусный, самый грубый развратъ, — а громкое имя скрывало то, что этотъ человѣкъ женился на мнѣ—16-ти лѣтнемъ ребенкѣ, даже не изъ любви. Ему нужны были мои деньги, чтобы поправить свои дѣла.

Когда я все это поняла... было уже слишкомъ поздно...

Глаза графини и сейчасъ пылали, когда она рассказывала это, и горло сжало что-то похожее на рыданіе. И эта исповѣдь отжившей души, эта трагедія въ прошломъ казалась намъ еще тяжелѣе, чѣмъ чье-нибудь горе въ настоящемъ—потому что у нея уже не было ни надежды, ни будущаго.

— Онъ получилъ мѣсто при русскомъ дворѣ, и я поѣхала съ нимъ. Но онъ былъ боленъ страшной... неизлѣчимой болѣзнию—и черезъ 2 года онъ умеръ. Я была свободна, и мнѣ было 18 лѣтъ.

— А Макъ Робертсъ?

— А вашъ кузень?

Вырвалось одновременно у насъ обѣихъ.

— Онъ въ это время былъ въ Инди. Я... умолила брата не писать ему, что я овдовѣла... и не позвала его.

— Но почему?..

— Онъ вернулся бы... онъ началъ бы умолять меня стать его женой. Мнѣ слишкомъ мучительно было бы отказать ему: а сдѣлать этого я не могла... Не могла, послѣ того какъ тотъ... надругался надо мной... такъ осквернилъ меня.

Она провела рукой по глазамъ.

— И вы... не любили съ тѣхъ поръ? прозвучалъ вопросъ моей спутницы.

— Не любили?—повторила она почти съ ужасомъ и взглянула на меня—и мы объ точно увидѣли длинный, безконечный рядъ мѣсяцевъ, лѣтъ, десятилѣтій, это существованіе безъ любви, неизвѣстно зачѣмъ сгубленное... и оставленное жить.

— Нѣтъ. Макъ Робертсъ умеръ въ Индіи. Я закрыла свое сердце. Я больше не любила ни одного человѣка, но я люблю человѣчество. Когда была война, я была сестрой милосердія. Я помогаю людямъ, какъ и чѣмъ могу; не только людямъ, но даже животнымъ. Да, да... я одна изъ тѣхъ старухъ, надъ которыми принято смѣяться: у меня въ Чарингъ-Кроссѣ цѣлый лазаретъ для животныхъ.

— Вы живете однѣ?

— Совсѣмъ одна. Кто былъ изъ родныхъ—всѣ давно умерли. Домъ въ Чарингъ-Кроссѣ—наслѣдство моей матери, но я не могу обходиться долго безъ Италіи, и полгода живу въ ней. Я лю-

блю ея солнце, ея пѣсни, ея поэзію и красоту.

Любить поэзію, солнце, пѣсни... и прожить бо лѣтъ безъ любви... О! Мнѣ становится холодно.

— И съ вашей красотой!

Говорю я вслухъ.

— Да, я была очень красива!—спокойно и безъ сожалѣнія говорить она.— Знаменитый Берстенъ писалъ мой портретъ. Это было въ 1845 году. Такъ о немъ говорила вся Европа. «Дама въ бѣломъ».. Я была въ бѣломъ платьѣ; тогда была мода на сильно вырѣзанныя платья, и всѣ портреты писались съ открытыми плечами, въ брильянтахъ и т. д. А я осталась, какъ ходила всегда, въ платьѣ такого покроя, съ черной бархатной лентой вмѣсто галстука.

— Съ такой же прической—быстро, полувопросительно слегка приподнимаясь со стула, говорить моя спутница.

* — Да... съ розой въ рукахъ.

— И съ гончей собакой?—уже утвердительно продолжаетъ—та; у собаки тонкая, длинная морда?

— Да. Откуда это вы знаете?—удивляется старушка.

— Помните? Помните? — обращается та ко мнѣ.

— «Les beautés du temps passé»

— Боже мой!

И я ясно вспоминаю. Я вижу ея гостиную въ Петербургѣ, низкій столъ, на немъ великолѣпный in folio въ красномъ сафьянѣ съ золотымъ обрѣзомъ, а на корешкѣ золотыя буквы.

«Les beautés du temps passé».

И на одной изъ страницъ книги—отдѣльно чудесный офортъ: юная, горделивая красавица въ бѣломъ, съ царственной головкой, съ тѣми же дивными глазами, которые сейчасъ смотрятъ на меня изъ глубоко впавшихъ орбитъ, съ пергаментнаго, все блѣднѣющаго и блѣднѣющаго во мракѣ лица.

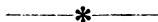
«Beauté du temps passé»!

Прошлое! Оно прошло, это прошлое, и все ушло съ нимъ, а она еще живетъ. Еще смотрятъ эти глаза, уже никого не грѣющіе, никому не дорогіе, еще бьется это старческое сердце... И скитается она по бѣлому свѣту, изъ отеля въ отель, ищетъ жадно ласки и вниманія отъ первыхъ встрѣчныхъ— все изжившая, никому ненужная, кромѣ тѣхъ, кому нужны ея деньги... Радующаяся ласковому визгу накормленнаго пса ..

А глаза горделивой красавицы изъ тьмы прошлаго смотрятъ на насъ, и мы видимъ не эту развалину, а ту царственную головку; и холодъ пробѣгаетъ по сердцу. Мы переглядываемся и обѣ вздрагиваемъ... А она, точно подслушавъ наши мысли, шепчетъ угасающимъ голосомъ:

— Beauté du temps passé...

И мракъ нисходитъ вокругъ.

Содержаніе.

	<i>Стр.</i>
Лозанна	I
Парижъ	120
Уголокъ Германіи	151
Германія	183
Нѣсколько дней	203
Изъ дневника лишней женщины . .	283
Дорожныя миниатюры:	
1. Лѣсная малина	363
2. Оттавіо Конти	377
3. Принцъ Ли-Тзонгъ	390
4. Дама въ бѣломъ	405

Изданія книжнаго склада Д. П. Ефимова.

Москва, Б. Дмитровка, д. Бахрушиныхъ.

- Ачкасовъ. Пѣсни русскихъ писателей о волѣ. Ц. 75 к.
Ауэрбахъ. «Дача на Рейнѣ». Ром. въ 3-хъ част. Ц. 4 р.
Апраксинъ. «Вольное мѣсто». Романъ. Ц. 1 р.
Арсеній, Г. «Карьера». Ц. 1 р.
Вернштейнъ. «Проблемы социализма». Ц. 1 р.
Беллами, Эдв. «Черезъ сто лѣтъ» (Будущій вѣкъ). Ц. 1 р.
Бурже, П. «Десять новыхъ разказовъ». Ц. 1 р. 25 к.
— «Трагическая идиллія». Ц. 1 р. 50 к.
— «Изъ-за любви». Изд. 3-е. Ц. 50 к.
— «Дѣловой человѣкъ». Ц. 75 к.
— «Призракъ». Ц. 1 р.
Бьернсонъ. Свыше нашей силы. Ц. 50 к.
Баранцевичъ, К. «Родныя картинки». 17 разказовъ.
Ц. 1 р.
Буротиль. За буровъ. Ц. 50 к.
Воротниковъ. «Анна Ярославна, корол. Франціи». Ц. 1 р.
Вогюэ. «Голоса мертвыхъ». Ц. 1 р.
— Антонъ Чеховъ. Критическій этюдъ. Ц. 20 к.
— М. Горькій, какъ писатель и человѣкъ. Ц. 30 к.
Гона. «На сколькомъ пути». Ром. (Пер. съ англійскаго).
Ц. 1 р. 50 к.
Гертцъ. Аграрные вопросы въ связи съ социализмомъ. Ц. 1 р.
Додэ, А. «Первое путешествіе». Ц. 30 к.
Зудерманъ. «Да здравствуетъ жизнь». Ц. 60 к.
Зода. «Нана». Романъ. Переводъ съ фр. Ц. 1 р.
— «Плодородіе». Ром. Ц. 1 р. 50 к.
Ботляревскій. Собраніе соч. Ц. 1 р.
Кругловъ. «Не герои». Ц. 1 р.
— «На чужомъ полѣ». Ц. 1 р.
Коппе, Ф. «Жертва любви». Ц. 60 к.
— «Двѣ женщины». Ц. 60 к.
Левенфельдъ. «Гр. Л. Н. Толстой». Ц. 1 р.
Ли, Юнасъ. «Дочери командора». Романъ. Ц. 75 к.
Лухманова. «Институтка». Ц. 1 р. 25 к.
— «Тайны жизни». Ц. 1 р. 25 к.
— Избранные разказы. Ц. 1 р.

Мясницкій, И. «Замоскворѣцкія свахи». Юморист. разск.
Изд. 2-е. Ц. 1 р.

- «Смѣха ради». Юмор. сборн. разск. Ц. 1 р. 2-е изд.
- «Женитьба Крутозобова». Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
- «Проказники». Юмор. очерки и сценки. Изданіе 3-е.
Ц. 1 р. 25 к.
- «Гостинодворцы». Повѣсть. Ц. 2 р.
- «Милые люди». Сборн. юмор. разск. Ц. 1 р. 3-е изд.
- «Милыя дамы». Юмористическіе рассказы. Изд. 4-е.
Ц. 1 р.
- «Смѣшная публика». Юмористич. рассказы. Изд. 3-е.
Ц. 1 р. 25 к.
- «Около миллионѡвъ». Повѣсть. Ц. 1 р.
- «Подъ веселую руку». Юмор. сборн. разск. Ц. 1 р.
- «Безъ языка». Юмор. сборн. рассказѡвъ. Ц. 1 р.
- «Дачныя прелести». Юмор. сборн. разск. Ц. 1 р.
- «Житейскія комедіи». Юмор. сборн. Ц. 1 р.
- «Отъ скуки». Юмор. сборн. Ц. 1 р.
- «Струйки смѣха». 1900 г. Ц. 1 р.
- «Приключенія Жоржа Бантикова и Сержа Кантикова».
Ц. 1 р.
- «Мужья и жены». Ц. 1 р.
- «Веселые рассказы». Ц. 1 р.
- «Господа коммерсанты». Ц. 1 р.
- «Блестки юмора». Ц. 1 р.
- «Юмористическія шалости». Ц. 1 р.
- 24 юморист. рассказа. Ц. 1 р.

Мачтетъ, Г. «Баба» и другіе рассказы. (Силуэты, т. 1-й).
Изд. 2-е. Ц. 1 р.

- «Именемъ закона». «Человѣкъ съ планомъ». Изд. 2-е.
Ц. 1 р.
- «Влудный сыпъ». Повѣсть. (Силуэты, т. 1-й). Ц. 1 р.
- «Живыя картинки». Новый сборникъ повѣстей и раз-
сказѡвъ. Ц. 1 р.
- «На досугѣ». Новый сборн. пов. и рассказѡвъ. Ц. 1 р.

Мура, Ф. «Миллионеры». Ц. 1 р.

Маминъ-Сибирякъ. «Именинникъ». Ц. 1 р.

- «Уральскіе рассказы», т. 4-й. Ц. 1 р.
- «Преступники». Ц. 1 р.
- Повѣсти. Ц. 1 р.
- «Везъ названія». Ц. 1 р. 25 к.
- «Золото». Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

Моиассанъ. «Дядя Милонъ». Ц. 60 к.

- «Воскресные дни парижскаго буржуа». Ц. 1 р.

- Негри, Ада.** «Борьба и любовь». Ц. 50 к.
- Немировичъ-Данченко, Вас.** «Гроза». Изданіе 8-е.
Ц. 1 р. 50 к.
- «Двѣ ночи». Ц. 1 р.
 - «Королева въ лохмотьяхъ». Ц. 1 р. 25 к.
 - «Новые рассказы». Ц. 75 к.
 - «Городской голова». Ц. 1 р. 25 к.
 - «Парица Тамара». Ц. 1 р.
 - «Семья богатыхъ». Ц. 1 р. 50 к.
- Немировичъ-Данченко, Влад.** «Губернаторская ревизія». Пов. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
- «Сны». Ц. 1 р.
 - «Въ степи». Ц. 1 р. 25 к.
- Нордау М.** «Комедія чувства». Ц. 1 р.
- «Современные французы». Ц. 1 р. 25 к.
 - «Болѣзнь вѣка». 1 р. 50 к.
- Недолинь.** «Искры». Ц. 1 р.
- Наживинъ.** Дешевые люди. Ц. 1 р.
- Николаевъ, П. Ф.** «Вопросы жизни». Ц. 2 р.
- Ницше, Фр.** «Такъ говорилъ Заратустра». Изд. 2-е.
Ц. 1 р.
- «По ту сторону добра и зла». Изд. 2-е. Ц. 1 р.
 - «Сумерки кумировъ». Изд. 2-е. Ц. 1 р.
 - «Происхожд. трагедія». «Объ антихристѣ». Ц. 1 р. 25 к.
 - «Человѣческое, слишкомъ человѣческое». Ц. 1 р. 25 к.
 - «Человѣкъ, какъ онъ есть». Ц. 1 р. 25 к.
 - «Странникъ и его тѣнь». Ц. 1 р.
 - «Утренняя заря». Ц. 1 р. 25 к.
 - «Веселая наука». Ц. 1 р. 25 к.
- Ненашевъ.** «Путеводитель по Западной Европѣ». Изд. 2-е.
Ц. 2 р.
- «Русско-франц. разговоры». Ц. 40 к.
 - «Русско-нѣмецк. разговоры». Ц. 40 к.
- Онэ.** «Развращенный Парижъ». Ц. 1 р.
- Ольденбергъ.** «Вудда, его жизнь, ученіе и община». Изд. 3-е. Ц. 2 р.
- Оржешко.** «Аргонавты». Ц. 1 р. 25 к.
- «Дымъ». Ц. 30 к.
 - «Открытое письмо къ нѣмецкимъ женщинамъ и французамъ о полькѣ». Ц. 40 к.
- Прево, М.** «Полудѣвы». Романъ, Ц. 1 р.
- «Послѣднія письма женщинъ». Ц. 60 к.
 - «Женское движеніе». (Léa). Ц. 1 р.
 - «Счастливое супружество». Ц. 60 к.

- Превю, М.** «Желтое домино». Ц. 50 к.
 — «Мелкіе рассказы». Изд. 2-е. Ц. 60 к.
Пелисье. «Критическіе этюды современной литературы». Ц. 1 р.
Потапенко И. «Черезъ любовь». Ром. Ц. 1 р.
 — «Встрѣча». Романъ. Ц. 2 р.
 — «Везъ промаха». Ц. 1 р. 50 к.
 — «Докторъ Кочневъ». Ц. 1 р. 50 к.
Сенкевичъ Генрихъ. «Крестоносцы». Ц. 2 р. 50 к.
 — «Камо грядеши». Ц. 1 р. 50 к.
 — «Панъ Володымевскій». Ц. 1 р. 50 к.
 — «Потоцъ». 2 т. Ц. 3 р.
Саловъ. «Мелочи жизни». Ц. 1 р. 25 к.
 — «Несобравшіяся дрожжи». Ц. 60 к.
 — «Восоножка». Ц. 40 к.
 — «Три рассказа». Ц. 75 к.
Смирновъ. «Риски невиннаго свойства». Ц. 1 р.
Тэри. «Денежное обращеніе». Ц. 40 к.
Тепловъ. «Случайная жертва». Ром. Ц. 1 р. 25 к.
 — «Тучки». Сборн. раск. Ц. 60 к.
Уида. «Массарини». Романъ. Ц. 2 р.
Фулье. «Исторія философіи». Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 к.
Флери, д-ръ. «Физическое и нрав. воспитаніе ребенка». Ц. 75 к.
Фонъ - Хейденфельдъ. «Изъ женской жизни». По поводу «Крейцеровой сонаты». Изд. 3-е. Ц. 40 к. (8—11 тысячи).
Фонъ-Поленецъ. «Крестьянинъ». Ц. 1 р. 20 к.
Хоинскій, Г. «Заходящее свѣтило». Ром. изъ временъ Марка Аврелія. Ц. 1 р. 50 к.
Шинльгагенъ. «Жертва». Ром. Ц. 1 р. 50 к.
Шнитцлеръ. «Трилогія». Ц. 50 к.
 — «Тетралогія». Ц. 75 к.
Щепкина-Буперникъ. «Незамѣтные люди». Ц. 1 р.
 — «Ничтожныя міра сего». Ц. 1 р.
 — «Мои стихи». Ц. 1 р.
 — Письма изъ далека. Ц. 1 р.
 — «Около кулисъ». Ц. 1 р.
Шоенгауэръ. «Міръ, какъ воля и представленіе». Ц. 3 р.
 — «О четверякомъ корнѣ закона достаточнаго основанія». Ц. 75 к.
Янки-Хорватъ. «Рокъ». Ц. 50 к.

Собрание сочинений Фр. Ницше.

9 томовъ 7 руб., съ перес. 8 руб. 50 коп.

И. С. Тургеневъ.

Недавния письма къ г-жѣ Виардо, Густаву Флору, г-жѣ Жоржъ-Зандъ, Золя, Мопассану, Тэну, Ренану и мн. др. Ц. 2 руб.

Собрание сочинений Э. Вернеръ, 1-я серия.

- 1) «Разорванныя цѣпи». «Заговоръ». Ц. 1 р. 2) «У алтаря». «Германъ». Ц. 1 р. 50 к. 3) «Цвѣтокъ счастья». «Вѣстники весны». Ц. 1 р. 50 к. 4) «Дорогой цѣной». Ц. 1 р. 25 к. 5) «У Орлиной скалы». Ц. 1 р. 50 к. 6) «Сила воли». Ц. 1 р. 50 к. 7) «Въ добрый часъ». Ц. 1 р. 8) «Горная фея». Ц. 1 р. 25 к. 9) «Освобожденный отъ проклятія». Ц. 1 р. 50 к. 10) «Герой пера». «Голоса родины». Ц. 1 р. 25 к.

Цѣна за 10 т. 1-я серіи 10 р., съ перес. 11 р.

2-я серия.

- 1) «Вольной дорогой» Ц. 1 р. 25 к. 2) «Орлиный полетъ». Ц. 50 к. 3) Судь Вожій». Ц. 1 р. 4) «Фата-Моргана». Ц. 1 р. 50 к. 5) «Эгоистъ». «Высшая точка зрѣнія». Ц. 1 р. 6) «Смѣлымъ Богъ владѣть». Ц. 1 р. 7) «Заколдованное золото». Ц. 1 р. 8) «Влаждающіе огни». Ц. 1 р. 25 к.

Цѣна за 8 т. 2-й серіи 7 р., съ пер. 8 р.

За 18 томовъ 1 и 2 серіи соч. Э. Вернеръ 15 р., съ пер. 17 р.

Собрание сочинений Джеромъ К. Джерома.

- 1) «Замѣтки романиста». Ц. 1 р. 25 к. 2) «На лодкѣ». (Три человека въ лодкѣ и съ ними собака). Ц. 1 р. 3) «Объ умѣнн обращать ся съ женщинами». Ц. 1 р. 4) «Смѣхъ сквозь слезы». Ц. 1 р. 5) «Очаровательная женщина». Ц. 1 р. 6) «Праздныя мысли лѣнтая». Ц. 1 р. 7) «Миръ сены». Ц. 1 р. 8) «Дневникъ путешественника». Ц. 1 р.

Цѣна собр. соч. Джеромъ К. Джерома 5 р., съ пер. 6 р.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

→ Э. МАРЛИТТЪ. ←

- 1) «Тайна старой дѣвы». Ц. 1 р. 25 к. 2) «Имперская графиня Гвизела». Ц. 1 р. 50 к. 3) «Въ домѣ коммерци совѣтника». Ц. 1 р. 50 к. 4) «Въ домѣ Шиллинга». Ц. 1 р. 50 к. 5) «Вторая жена». Ц. 1 р. 6) «Эльза». Ц. 1 р. 50 к. 7) «Степная принцесса». Ц. 1 р. 50 к. 8) «Совинный домъ». Ц. 1 р. 50 к. 9) «Женщина съ рубинами». Ц. 1 р. 50 к. 10) «Повѣсти и рассказы». Ц. 1 р. 50 к. За 10 т. 10 р., съ пер. 11 руб.

Собрание сочинений Артура Шопенгауэра,

въ переводѣ и подъ ред. Ю. И. Айхенвальда. 16 вып. Ц. 8 р., съ пер. 10 р. По 1-е августа 1902 года вышло 7 выпусковъ.

П Е Ч А Т А Ю Т С Я:

- Оствальдъ.** «Натуръ-философія». Ц. 2 р.
Гартманъ. «Современная психологія».
— Философія безсознательнаго. Т. 1-й.
Лаасъ. «Идеализмъ и позитивизмъ».
Геддингъ. «Философія религій».
Эйкенъ. «Основныя понятія современности».
Лили Браунъ. «Женскій вопросъ».
«Образцы изящной русской рѣчи». Сост. **Ачкасовъ.**
Немировичъ-Данченко. «Вольный шамкаръ».
Крестовская, М. «Исповѣдь Мытищева». «Вошь».
Лухманова. «Вопросы и запросы жизни».
— «Двадцать лѣтъ назадъ».
Конанъ-Дойль. «Васкервильская собака».
Оржешко. «Анастасія».
Бурже. Эталь.
Превю. Письма Франсуазы.

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C046169838

M274098

836
S5510
Pis

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

